Год издания IV-й Сборник 22.

Революция и Война.

Научный военно-политический журнал.

Орган В.Р.С. и военно-научного клуба Запфронта.

1923

ОПЕЧАТКА:

В содержании этого № в отделе „Хроника“:

Напечатано:	*Следует читать:*
Германские структуры военной кооперации.	Изменение структуры военной кооперации.

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и война

Редакция журнала просит всех сотрудников при присылке статей соблюдать след. условия:

1. Четко писать фамилию и инициалы имени и отчества.

2. Указывать адрес, по которому должен быть выслан гонорар.

3. Статьи писать на одной стороне листа (оставляя оборот чистым), разборчиво, лучше—на машинке.

4. Ограничиваться строго необходимыми для пояснения текста чертежами и схемами. Исполнять их тушью или чернилами (не карандашом). На каждом чертеже (и схеме) проставлять его номер и указывать на полях текста, где этот чертеж желательно поместить.

Редакция журнала—Смоленск, Социалистическая, 10-а.

Содержание.

стр.

Стратегия и тактика.

Из архива военной истории.

Военная техника.

Военная география и статистика.

Хроника.

На Запфронте.

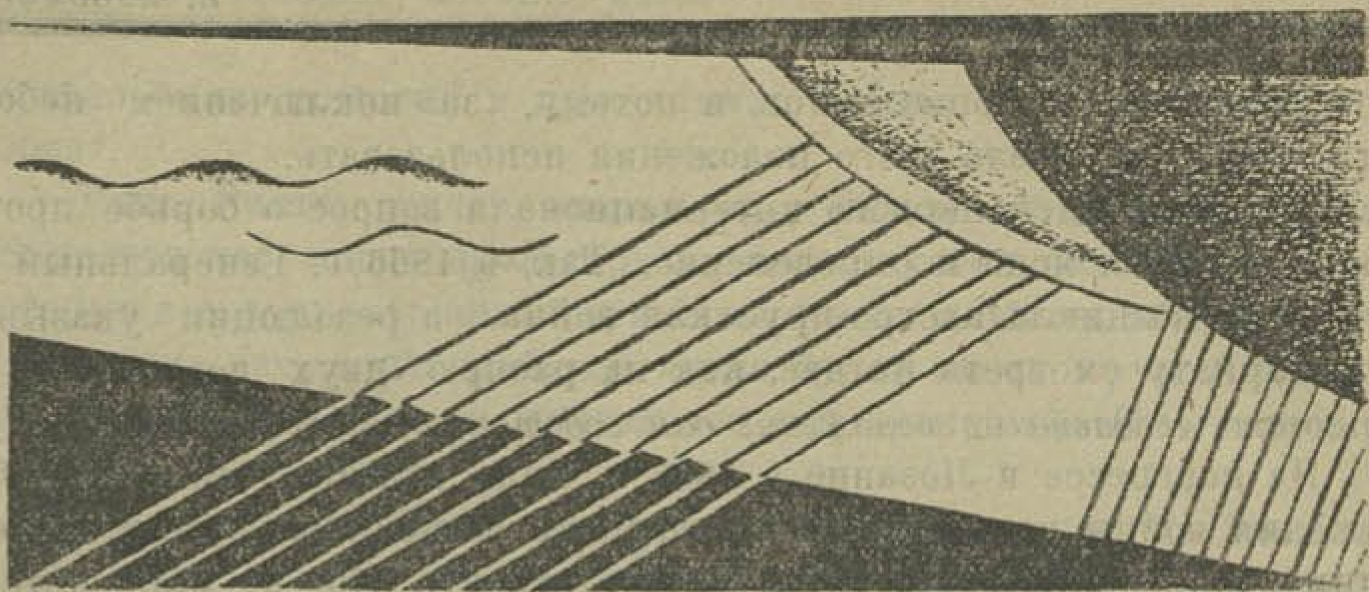
За Советской границей.

Библиография.

Начиная с 21-го номера, журнал выходит 1-го числа каждого месяца, об'емом в 12—15 печ. листов номер.

ОПЕЧАТКА:

Перед чтением на стр. 5, строка 25 снизу, следует исправить следующую опечатку *напечатано:* строительство вооруженных сил—этот важный вопрос; *должно быть*: строительства вооруженных сил этот важный вопрос.

Н. Кузьмин.

Военная политика пролетариата.

Мы переходим к строительству вооруженных сил на новых началах, по старому именуемых милиционными формированиями. Наш опыт явится попыткой осуществить, воплотить в жизнь одно из основных требований двух первых интернационалов—об упразднении постоянных армий и замене их народной милицией. Только на шестом году диктатуры пролетариата смогли мы поставить в порядок дня строительство вооруженных сил—этот важный вопрос организации боевой мощи пролетариата в борьбе с буржуазией. Употребляя же те термины, как и наши предшественники, мы, в сущности, вкладываем иное содержание и иные задачи.

I и II интернационалы до империалистической войны не ставили ясно задач для этих народных милиций и их требования, если вдуматься поглубже, были только демонстративными лозунгами, не имевшими никаких шансов на осуществление. Если расшифровать и продумать эти требования, то они обозначали вот что: „буржуазные правительства, у вас есть войско, есть вооруженная сила, но мы, социалисты, хотим построить мир на иных началах, а ваши армии нам мешают. Поэтому разоружитесь, дайте нам это оружие, а еще лучше—вооружите сами весь народ, и тогда мы сможем ввести социализм“.

Вот, в сущности, наивная военная политика I и II интернационалов, вот что значили „требования“ социалистов, пред'являемые правительствам, на которые ответом могла быть только усмешка. Действительно, смешно людям, марксистски образованным, стоящим на точке зрения классовой борьбы, не понимать, что буржуазия не может передавать штык своему классовому врагу, с любезной улыбкой предлагая ему вонзить этот штык ей в живот... А между тем, только это и значило требование роспуска постоянных армий.

Но такова диалектика жизни, такова роковая судьба обреченного класса, что он, упираясь, борясь с социалистами и мерами убеждения и мерами принуждения, вплоть до расстрелов, тем не менее это требование должен выполнять, сам того не замечая, как не заметило

этого большинство социалистов, и потому, за исключением небольшого числа, не умело этого положения использовать.

С первых дней первого интернационала вопрос о борьбе против войны ставился ясно и определенно. Так, в 1866 г. Генеральный совет, когда возникла австро-прусская война, в резолюции указывает пролетариату смотреть на нее, как на распрю двух деспотов и *использовать создавшееся положение для собственного освобождения.*

На конгрессе в Лозанне в 1867 г. было указано, что „для уничтожения войны недостаточно упразднить постоянные армии, а необходимо „изменение всего социального строя". Но не марксистская часть интернационала во главе с Бакуниным, вступила в буржуазно-демократическую Лигу мира, с которой, впрочем, скоро разорвала.

В том же году на конгрессе в Брюсселе рекомендуется рабочим „в особенности, прекращение работ на случай возникновения войны в их стране". В 1888 г., на конференции в Лондоне, социал-демократическим депутатам дается поручение добиваться учреждения третейских судов для разбора конфликтов между отдельными государствами. Так намечал свою политику в военном вопросе I интернационал, моментами резко ставя вопрос об изменении всего социального строя, но практически ничего сделать, конечно, не мог.

Первый конгресс II интернационала в 1889 г. в Париже в антимилитаристской резолюции главным требованием выдвигает замену постоянной армии народной милицией. В 1891 г. Брюссельский конгресс призвал всех трудящихся протестовать в беспрерывной агитации против всяких попыток войн и всю ответственность возложил на правящие классы, в случае возникновения таковых. Цюрихский конгресс 1893 года постановляет: „представители рабочей партии обязаны отвергать все кредиты на военные надобности и протестовать против постоянных армий".

Лондонский конгресс 1896 года ставит вопрос резко и считает, что, начиная войну, правящие классы творят насилие над рабочими: „рабочий класс во всех странах должен сопротивляться насилию, вытекающему из войны, точно так же, как он сопротивляется всякому насилию, которое применяют к нему правящие классы". В 1900 году Парижский конгресс обязал депутатов „*безусловно* голосовать против всяких расходов на милитаризм, маринизм или колониальные экспедиции".

В 1907 г., на конгрессе в Штутгарте, было постановлено: „в случае, если война разразится, социалисты обязаны вмешаться для скорейшего ее прекращения и всемерно использовать вызванный войной экономический и политический кризис, чтобы поднять народ и тем самым ускорить падение капиталистического господства". В ноябре 1912 г. Базельский конгресс заявил: „пусть не забывают правительства, что франко-прусская война вызвала революционный взрыв коммуны, что русско-японская война привела в движение революционные силы народов, населяющих Россию... Пролетарии считают преступлением стрелять друг в друга—во имя барышей капиталистов,

соревнования династий и процветания тайных дипломатических договоров".

Даже Виктор Адлер, комментируя Базельскую резолюцию, писал: „Близится час, когда пролетариат воспользуется тем орудием мести, которое в его руках; пролетариат выступит с обвинительным актом, и наступит час, когда рабочий класс будет иметь в руках и тот меч, посредством которого он приведет в исполнение обвинительный приговор".

Но все это писалось для испуга буржуазии, по крайней мере, так хотело большинство деятелей II интернационала. Они мыслили, что буржуазия не станет начинать войны, что она испугается их присоединения к левым резолюциям и мирно начнет слушаться их. Они воображали, что в парламентах большинство проголосует отмену постоянных армий и провозгласит учреждение всенародной милиции и дальше все пойдет тихо и гладко.

И все это, несмотря на то, что для большинства социализм уже был экономической необходимостью. Каутский в 1907 г. в брошюре „Социализм и колониальная политика" писал: „Социализм ныне стал уже экономической необходимостью. Срок его наступления есть уже только *вопрос силы*. Дать пролетариату эту силу при помощи организации и просвещения—является ныне более чем самой важной задачей с.-д. Нет ничего более странного, чем те социалисты, которые думают, что теперь надо еще заботиться о дальнейшем развитии сил капитализма". Гильфердинг в „Финансовом капитале" писал: „Борьба за низвержение капиталистической олигархии представляет последнюю фазу классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Захват шести крупных берлинских банков уже в настоящее время был бы равносилен захвату важнейших сфер крупной промышленности и до чрезвычайности облегчил бы первые шаги политики социализма". В 1912 г. партийное правление германской социал-демократии выпустило оффициальную брошюру „Империализм или социализм", в которой писало: „Если бы 300 магнатов капитала были заменены доверенными людьми пролетариата, все производство, без дальнейших затруднений, могло бы быть направлено в интересах рабочих классов вместо интересов капитала и переход к социалистической организации производства был бы начат. Настолько созрела уже предварительная работа, выполненная капитализмом".

И Отто Бауэр, и Август Бебель писали и говорили, что мировая война поведет за собой мировой переворот, мировую революцию. Но говорить—говорили все, а „силу", которая может все это сделать, которая может обеспечить все то, о чем говорили и Каутский, и Гильфердинг и правление германской социал-демократии, они не могли указать. Ее они искали в парламентах, в просьбах и требованиях от буржуазии распустить постоянные армии и вложить оставшееся оружие в руки рабочих.

А между тем, диалектика истории сыграла плохую штуку с буржуазией. Она ее заставила все это проделать, но так, что большин-

ство социалистов ничего не поняли и забыли все то, о чем они писали и что они считали необходимым внушить пролетариату. Начав войну, буржуазия, в сущности, выполняла одно из требований интернационалов относительно всеобщего вооружения, не распуская постоянных армий. Война поставила под ружье около 60 миллионов мужчин в возрасте от 18 до 45 лет, т. е. как раз тот возраст, который при милиционной системе и должен быть вооружен. Ведь если Россия имела под ружьем более 15 миллионов, то это, в сущности, и было выполнение требования о народном вооружении, ибо это была 1/4 мужского населения. В других странах, как Франция, Бельгия, Германия, число мобилизованных на войну составляло еще большую часть в отношении мужского населения.

История заставила буржуазию создавать себе могильщиков и выполнять требования социалистов. Из-за распри капиталистических клик были втянуты в войну десятки миллионов ее классовых врагов, которых она сама же обучала военному искусству, сама же вооружала, вкладывала им в руки оружие. Сама буржуазия вынуждена была создать ту „силу“, о которой писал в 1907 г. Каутский. Эта „сила“ была вооружена, обучена и надо было ее „просветить и организовать“, что Каутский считал „более чем важной задачей с.-д.“.

Но и Каутский и все другие, вместо просвещения и организации против капитализма, этой, руками капитализма созданной, силы, потащили ее на службу этому самому капитализму. И только в Циммервальде и Кинтале в сентябре 1915 г. и еще резче и четче ранее, в сентябре 1914 г., в манифесте центрального комитета большевиков—ясно и твердо указывается путь организации этой „силы“: лозунгом „мир хижинам—война дворцам“, лозунгом гражданской войны, которая значит повернуть ружья, вложенные буржуазией в руки пролетариев, и пушки, к которым та же буржуазия приставила трудящихся, против своей национальной буржуазии. Враг не впереди, а позади—в собственном тылу, своя буржуазия—самый злейший враг.

Так родилась новая линия в военной политике пролетариата, так родился его новый штаб, пришедший на смену старому. 14 октября 1915 г. т. Зиновьев писал: „Второй интернационал умер, зараженный оппортунизмом, да здравствует III интернационал, освобожденный от оппортунизма“. Но только в 1919 г. организовался первый конгресс III интернационала, только после того, как пролетариат России сумел вступить в союз с крестьянством и пойти по пути гражданской войны против буржуазии.

Русский пролетариат пошел по тому пути, который указывал Жюль Гэд в 1891 году: „Война столь же неизбежна в капиталистическом режиме, как холера у истоков Ганга. Либо социальная революция, либо война. Завоевать прочный мир, завладеть средствами производства мы можем не тем, что бросим ружье, которое неблагоразумное правительство и капиталисты дадут нам в руки. Нет, нам надо зарядить это ружье, нам надо взять это ружье на плечо. Всюду, где у социалистов будут для этого силы, им надо будет сделать нечто

совсем другое, чем скрестить руки. Благодаря начинающейся войне, мастерские опустеют, война подымет на ноги тысячи и тысячи пролетариев, которые теперь будут вооружены и станут господами положения".

Использовав вооруженную силу, созданную буржуазией для защиты ее интересов, против буржуазии, свергнув ее и экспроприировав ее богатства, российский пролетариат распустил эту силу по домам, чтобы, рассыпавшись по классовым ячейкам и осознав происшедшее, она встала потом в виде революционного народа на защиту своих прав. Но на помощь низвергнутому национальному русскому отряду буржуазии пришла вся международная буржуазия, вдобавок кровно заинтересованная, так как ее капиталы, вложенные в промышленные, торговые, финансовые и даже земельные предприятия России, были конфискованы революцией пролетариата наряду с капиталами российской буржуазии.

Перейти к отмене постоянных армий не удалось, так как пролетариату не было дано ни отдыху, ни сроку, чтобы начать строить новый мир. Но, в сущности, и армий постоянного казарменного типа не было, так как обучение военному делу трудящихся в условиях, близких их профессии, не надолго отрывая их от труда для обучения воинскому искусству, мыслимо только в условиях мирной жизни. Вся же история первых лет первой в мире республики трудящихся была историей войн на фронте протяженностью более 5000 верст. Войска в казармах не задерживались. Они попадали туда на короткие сроки после мобилизации и потом сразу, часто не пройдя обучения, вливались в фронтовые части, и дальнейшее обучение военному делу уже происходило на поле боя, под огнем врага. В казармах были, не засиживавшиеся долго, только необходимые резервы. Все войска были в поле, дивизиями, а иногда и целыми армиями, перелетавшие с одного фронта на другой, отстоявший один от другого не на одну тысячу верст.

Жизнь показала, что переход к социализму, хотя и ставшему экономической необходимостью, не совершается просто, что даже ту замену „300 магнатов капитала", о которой говорила официальная брошюра правления германской социал-демократии в 1912 г., и „захват" уже не берлинских, а петроградских и московских „банков", о котором говорил Гильфердинг в своем „Финансовом капитале", надо уметь защитить и обеспечить какой то силой, ибо буржуазия на это добровольно не согласна.

И если Каутский говорил, что „военное дело является не сильной стороной пролетариата", то опыт первой пролетарской революции потребовал, чтобы рабочий класс научился владеть в совершенстве инструментом войны, чтобы он стал организатором войска, не обращая внимания на то, будет ли оно постоянное или на милиционных началах. Важно было доказать буржуазии, что пролетариат не только владеет оружием критики, но может довольно чувствительно критиковать оружием.

И только после того, как буржуазия убедилась на опыте, что пролетариат довольно крепко держит в руках то, что сумел взять с бою, что позиции его довольно прочно защищаются и он имеет союзников во всем мире, что у него организовался в лице III интернационала штаб, который, вопреки мнению Каутского, сказавшего, что „интернационал не является действительным орудием в войне, что в основе своей он—инструмент мира“, является довольно хорошей организацией и во время мира, и во время войны, как только она убедилась во всем этом, буржуазия на время отстала, чтобы собрать свои силы и тем самым дала передышку и российскому отряду пролетариата.

Последний времени не теряет даром. Он уже сорганизовал союз целого ряда национальностей, союз политический, экономический и военный. Окруженный врагами, поджидающими и подстерегающими удобный момент, чтобы напасть и задушить республику трудящихся, он сохраняет постоянную армию, скорее представляющую кадры армии, и одновременно использует период боевого затишья для организации наиболее демократического войска, войска, наименее обременяющего трудящихся в смысле отвлечения их от занятий производительным трудом.

Таким войском являются наши, так называемые, милиционные территориальные дивизии, которые, в сущности, и являются первой попыткой осуществления того, что хотели, но не умели ни точно выразить, ни правильно осуществить революционные социалисты первых двух интернационалов. Не к буржуазии надо обращаться с просьбами о сформировании таких войск, а только, свергнув ее, сможет пролетариат, победивший свою национальную буржуазию, приступить к уничтожению постоянных казарменных армий.

Но пока такая победа достигнута только в одной стране, и поэтому то на этот отряд пролетариата ложится ответственная и трудная задача не только отстоять себя, но и создать и подготовить силы для победы пролетариата во всем мире.

Вместе с тем, укрепление власти пролетариата в России, создание на территории, обнимающей $^1/_6$ часть света, Союза Советских Социалистических Республик и признание de facto довольно большою частью буржуазного мира первого пролетарского государства ставит снова в порядок дня обсуждение вопроса о „справедливых“ и „нечестивых“ войнах. На этих определениях споткнулся II интернационал, из-за них раскололось рабочее движение и в результате создался III коммунистический интернационал, вожди которого, еще до его возникновения, выдвинули твердые и четкие характеристики войн в эпоху империализма.

В брошюре т. т. Ленина и Зиновьева „Социализм и война“ так определяется понятие „справедливой“ войны: „Если бы завтра, например, Марокко об'явило Франции войну, Индия—Англии, Персия или Китай—России и т. п., это были бы справедливые „*оборонительные*“ (курсмой. Н. К.) войны, *независимо* от того, кто первый напал, и всякий

социалист сочувствовал бы победе угнетаемых, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских „великих“ держав“.

История человечества есть история борьбы его с природой попыток создания такой организации, при которой человечество, широко эксплоатируя силы природы, имело бы „на земле мир и в человецех благоволение“. Но в то же время история человечества есть история борьбы классов, т. е. борьбы внутри человечества за то, какой класс лучше и выгоднее для всего человечества организует победу над природой.

Пока частно-капиталистический способ хозяйства еще не перешел в стадию империализма, т. е. почти полного раздела мира, его эксплоатация десятков миллионов трудящихся не была резко заметна самим эксплоатируемым. Они могли в то время путать понятия о справедливости в моменты нападения и обороны. Частные раздоры и несогласия, конкуренция и неуменье добрососедски поладить между собою возбуждали войны, прикрытие «обороной отечества» давало возможность буржуазным правящим группам вести войны грабительского характера, путая головы „высокими“ принципами справедливости.

Национальные войны прошлого, ведомые буржуазией в период, когда она вытесняла феодализм и крепостничество, носили справедливый характер, поскольку они расчищали почву более культурному, а посему и более выгодному для человечества, способу хозяйства. Таковы были национальные войны Франции первого периода после революции, таковы были итальянские национальные войны против австрийского владычества.

В эти периоды противоречия капиталистического строя были еще не настолько глубоки, пролетариат еще не осознал себя, как класс, и у буржуазии еще не возникало мысли о борьбе против пролетариата, ставящего в порядок дня социалистический метод хозяйства, как более лучший и совершенный способ организации человечества в борьбе с природой.

Теперь картина резко изменилась. Теперь даже в Китае, где идет борьба с „белыми дьяволами“, китайская буржуазия с опаской оглядывается на пролетариат и немедленно передается на сторону „белых дьяволов“, как только замечает попытку самостоятельного разрешения вопроса пролетариатом. Те же шаги буржуазии заметны в Индии, в Турции. Наиболее характерны они даже там, где меньше всего этого можно было, казалось, ожидать,—в Германии, когда буржуазия предлагает французским оккупантам свои услуги по усмирению рурского пролетариата.

Наиболее характерный пример „нечестивости“ буржуазии дает франко-прусская национальная война 1870—1871 г. Буржуазия Франции, при попытке пролетариата взять на себя „защиту отечества“, немедленно вышла из войны, вошла в соглашение с правящими кликами Германии и при их помощи залила кровью Париж. Все только

потому, что почувствовала со стороны пролетариата смутное стремление перестроить государство не на капиталистических началах.

Побежденная французская буржуазия 50 лет тому назад и германская буржуазия современности одинаково вступают не только со вчерашним, но и с сегодняшним врагом в союз, как только замечают со стороны пролетариата попытку самостоятельно, свойственным ему способом, спасать и защищать „отечество".

А этот способ указала Октябрьская революция, когда пролетариату пришлось, нейтрализовав врага, вести борьбу с „союзниками" и со своей буржуазией, которая осоюзивалась с „врагом", пока он был в силе, а затем снова с союзниками, когда близкий „враг" разложился и дальние союзники получили возможность нападать.

Жизнь определенно и безжалостно вытравила всякие надежды на мирное разрешение вопроса о лучшей организации человечества для борьбы с природой. Войны неизбежны, потому что национальные группы буржуазии между собою вечно в борьбе, стремятся обогащаться за счет других и из-за выколачивания прибылей наряду с распространением среди человечества способов совершенного и успешного покорения природы безжалостно и зверски эксплоатируют это человечество.

Империалистическая война вытеснила одного конкурента в области захвата мировых богатств. Германия до войны имела площадь в Европе в 540.857 кв. километров с населением около 65 миллионов и владела колониями в разных частях света, площадью в 2.952.924 кв. километра, с населением в 13 миллионов. После разгрома она потеряла все колонии и в Европе сократилась до 468.677 кв. клм. с населением более 59½ миллионов. Оккупация Рура еще сократила эти цифры.

Мир сейчас поделен между капиталистическими державами и благосостояние метрополий зависит от колоний так сильно, что это дает буржуазии возможность приковывать пролетариат к своей колеснице, пугая его полной остановкой промышленности в случае потери колоний. Вот цифры, характеризующие состояние в европейских государствах.

Страна.	Площадь в Европе в кв. клм.	Площадь колоний в кв. клм.
Англия	314.458	34.968 322.
Бельгия	30.440	2.405.995
Голландия	34.184	2.016.956
Италия	310.981	1.591.107
Португалия	91.948	2.428.599
Франция	550.986	13.019.014
	1.329.997	56.629.993

Т. е. площадь колониальных владений в 42,6 раза превышает площадь 6 европейских метрополий.

Характерно также сопоставить и население тех и других.

Страна.	Количество в Европе в тысячах.	Количество в колониях в тысячах.
Англия	47.656	412.284
Бельгия	7.684	12.000
Голландия	6.841	49.538
Италия	38.835	2.165
Португалия	5.958	8.538
Франция	39.209	64.791
	149.183	549.316

Выходит, что на каждые 100 кв. клм. европейской земли в среднем приходится 4260 кв. клм. колониальных владений, причем Англия превзошла всех: у нее на 100 кв. клм. собственной земли в метрополии—приходится 113000 кв. клм. колониальных владений. В среднем, каждый англичанин является „господином“ почти 9 цветных.

Такова картина мира после 1920 года. Но еще до этого в 1907 году, после штутгардтского конгресса, Каутский писал:

„При данной всемирно-политической ситуации нельзя и представить себе такой войны, при которой можно было бы допустить, чтобы пролетариат или демократия были заинтересованы в защите или нападении. Конечно, принципы демократии обязуют нас защищать национальную самостоятельность, а принципы интернационализма диктуют нам защиту *каждой* нации. Но нигде теперь не угрожает опасность самостоятельности тех больших наций, которые надо принимать в расчет при войне. Единственная опасность войны угрожает теперь со стороны колониальной мировой политики, по отношению к которой пролетариат с самого начала занимает резко отрицательную политику“...

В общем, ни оборона, ни нападение, ничто не может прикрыть захватнический „несправедливый“, „нечестивый“ характер войны, которую начинают господствующие нации, ибо их политика империалистична, ибо она насквозь проникнута колониальными стремлениями, и что бы они ни говорили, какие бы красивые и высокие слова ни употребляли, дело все равно просто: в капиталистическом периоде всякие войны исключительно ведутся из-за рынков и миллиардов.

Тов. Зиновьев в 1916 г. в „Коммунисте“ писал: „Справедливая“ война между империалистскими европейскими правительствами невозможна, как невозможно представить себе „справедливую“—с точки зрения честных людей, а не самих разбойников—борьбу между несколькими разбойниками из-за дележа награбленной добычи. Всякая (такая) война в наше время неизбежно будет не справедливой, а *нечестивой* войной, войной империалистов между собой, войной финансово-плутократических и династических клик, *войной, всегда враждебной рабочему классу всех стран*“.

Теперь, с образованием СССР, эти положения особенно резко и наглядно лезут всем в глаза. В результате мировой войны человечество далеко шагнуло вперед. Раздел мира лигой наций выпукло показывает, что империалистическая буржуазия все свои усилия направляет к тому, чтобы закабалить новые народы или же еще крепче,

еще сильнее упрочить закабаление тех, которые находятся под властью национальных ее отрядов. С другой стороны, С. С. С. Р., фактом своего существования показывающий, как надо об'единяться многим нациям на основе равноправия и братства, без насилий со стороны бывших господствующих групп, является бельмом на глазу.

Экономически он ослабляет позиции империалистической буржуазии, вырвав из-под ее власти одну шестую часть света и строя хозяйство этого союза на иных, не капиталистических началах. В общем, сейчас на лицо те два случая „справедливых" войн, о которых т. Зиновьев писал в 1916 г. „А могут ли иметь место „справедливые" войны теперь, в империалистическую эпоху?

Да, могут. Но—только в двух случаях. Первый—война победившего в какой-либо стране *пролетариата*, обороняющего завоеванный социалистический строй против других государств, отстаивающих капиталистический режим. Второй—война Китая, Индии и т. п. стран, служащих *об'ектом* угнетения со стороны империализма, за свою независимость *против* европейских империалистских правительств".

Вот положение, которое сейчас определяет состояние человечества в мире. Независимо от стратегического характера войны, всякая война со стороны буржуазии есть несправедливая, „нечестивая", реакционная, ибо она ведется за укрепление буржуазного строя и его порядков, который тянет сейчас человечество не к свободе, не к счастью, а к порабощению сотен миллионов десятками тысяч, развращает его, ибо „не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы".

И всякая война, если бы ее пришлось вести нам, является справедливой, прогрессивной войной, облегчающей человечеству муки родов нового коммунистического строя.

А раз так, то надо все усилия приложить к тому, чтобы опыт создания и обучения войск по территориальному и национальному принципу прошел вполне блестяще. Надолго ли нам предоставлено заниматься мирным строительством и подготовкой к будущим неизбежным боям—неизвестно. Мы находимся в авангарде мирового пролетариата, как победившие свою буржуазию и отбившие, при поддержке мирового пролетариата, атаки международной буржуазии, но в то же время стоим в резерве мировой социалистической революции, поскольку буржуазия сейчас не в состоянии напасть на нас и вынуждена усмирять пролетариат в своих странах, чтобы защитить свой тыл и иметь возможность без помех со стороны рабочего класса уничтожить нас. Исход борьбы, несмотря на видимость силы фашистского движения, для нее сомнителен, и победа пролетариата в той или иной стране не исключена, и тогда-то понадобится наше участие, как резервов.

Война идет, для нас она не прекращалась, но сейчас она для нас имеет формы экономического и политического состязания, потеряв временно формы непосредственных боевых кровавых столкновений, ибо буржуазия, борясь с нами рублем, пробует крепость дубья на своем пролетариате, чтобы потом перенести удары на нас. И как резерв, и как будущий об'ект для пробы силы буржуазного дубья, мы обязаны

быть готовыми во всеоружии отразить все нападения, и для этого создать такие формирования, которые быстро и решительно смогли бы всегда бить буржуазию.

Так от платонических, просительных обращений к буржуазии о роспуске постоянных армий, через роспуск созданной буржуазией вооруженной силы, использованной пролетариатом для свержения буржуазии, и через на спех созданную полуказарменную, полукочевую армию, отстоявшую границы страны первоначального социалистического накопления, мы пришли к постоянной казарменной армии. И под прикрытием ее, верные лучшим заветам интернационалов, наследники их главных традиций, мы выполняем их главное требование—перехода от постоянных армий к вооруженному народу.

Мы можем это делать потому, что буржуазия у нас лишена политических прав, что союз пролетариата и крестьянства у нас становится с каждым днем прочнее, что наш III интернационал силен и во время мира, как показал опыт последних международных конфликтов, и будет силен во время войны, как показал опыт его организации и дела его вождей, начиная с 1914 года.

Наша территориально-национальная армия будет сильна и боеспособна, ибо дело, которое она защищает и будет защищать—правое. Какой бы стратегический характер ни носила война, которую нас вынудят вести, наша война будет справедливой, несущей человечеству счастье и свободу.

От неименья всякой военной политики—к строительству своих классовых вооруженных сил, от скрещивания рук—к активному перекладыванию ружья на плечо, от классовых отрядов, через и под прикрытием постоянной армии—к вооруженному коммунистическому народу, сначала союза советских социалистических республик, образовавшихся на месте бывшей России, а потом—мирового союза пролетарских республик, чтобы, победив буржуазию, упрочить мир и уничтожить всякое оружие и всякую возможность войны—таков путь военной политики пролетариата.

Проф. Топорков.

Диалектика и военное дело.

I.

Тема „диалектика и военное дело“ может показаться на первый взгляд слишком отвлеченной и очень мало связанной с текущей работой Красной армии.

Действительно, эту тему, может быть, и должно трактовать отвлеченно.

Но хотелось бы подойти к ней с несколько иной стороны. Хотелось бы связать ее с теми вопросами, которые являются в военном

деле очередными, которые поставлены перед нами, которые мы должны так или иначе разрешить.

Таким основным, таким определяющим вопросом является вопрос об учете военного опыта, как мировой, так и гражданской войны. Этот опыт многолетен и очень обширен; безусловно, он послужит рубежом, от которого придется исходить в дальнейшем строительстве.

Но стоит только так поставить вопрос, чтобы тотчас же стало ясно, что к этому опыту нельзя подойти с голыми руками, что самый подход к нему требует, по сути дела, определенной методологии, определенного социологического и общественного миросозерцания, потому что от подобных методологических предпосылок будет зависить и самый результат истолкования этого опыта.

И вот тут, мне кажется, диалектический материализм и диалектика, как метод, сыграют, может быть, решительную роль.

Прежде чем приступить к этой, в высшей степени трудной и сложной задаче, необходимо отличить две стороны стоящей на очереди проблемы. Можно понимать тему „диалектика и военное дело“ в том смысле, что война и военные события являются всегда в то же время и социальными явлениями. И, будучи этими социальными явлениями, они, конечно, могут и должны изучаться с точки зрения диалектического материализма.

Мне кажется, если так подойти к этой проблеме, то она не может вызвать очень многих разногласий.

Ведь действительно, всякая война, всякое военное событие есть социальное явление, и, конечно, в настоящее время наиболее сильным социологическим миросозерцанием является исторический материализм. Безусловно, как начало возникновения войны, так ее течение, наконец, ее исход определены известным экономическим отношением классовых сил и т. д.

В настоящее время можно сказать, что материализм есть миросозерцание обще-научное, что современное научное миросозерцание материалистично по существу. Поэтому, если только историю понимать, как науку, неминуемо превратишься в материалиста, хотя бы против воли. Люди, которые не являются марксистами, в широком смысле слова, именно так поступают в конкретной научной работе.

После империалистической войны в Германии появилась книга „Экономическая война и экономика военного времени“. Автор этого, довольно об‘емистого, труда является сподвижником и верным саттэлитом Гинденбурга и его нельзя заподозрить в социалистической идеологии. Очень любопытно, что он говорит в конце своей книги; он обращается к социал-демократам и упрекает их в том, что они не поняли исторического материализма, т. е. те, кто должны быть материалистами в истории, неправильно истолковали то миросозерцание, носителями которого они себя об‘явили.

Таким образом, даже люди, которые не являются марксистами в широком смысле слова, когда они пишут научно об общественных

явлениях, волей не волей, становятся на эту материалистическую точку зрения, потому что она есть единственно-научная.

II.

Но проблема, которая нас интересует, тема „военное дело и диалектика“, имеет и другую сторону, и она военных должна наиболее интересовать. Ведь нельзя отождествлять всецело военное дело с социологией. Ведь можно быть блестящим членом социалистической академии, но очень плохим тактиком, или артиллеристом или стратегом. Социология это есть нечто общее; известной отраслью социологических знаний—является военное дело, и поэтому военное дело включает в себя специальные знания и о них идет речь. Это самая интересная тема для военных, и это есть наиболее спорная, наиболее трудная тема для ее развития, для ее разработки. Эти трудности поставлены на очереди дня. Я постараюсь эти трудности вскрыть, как они стоят в современной литературе. И вот здесь, мне кажется, наиболее любопытным является один спор, который вели между собой два очень видные военные деятели: Бернгарди, а другой, наиболее талантливый, наиболее, можно сказать, одаренный из современных историков—Дельбрюк.

Дельбрюк является человеком штатским, но он ряд лет посвятил изучению военной истории и написал очень хороший труд „История военного искусства“.

Главная идея труда Дельбрюка заключается в том, что он утверждал, что нет, так сказать, единой спасающей стратегии, что в разные эпохи существуют разные стратегии; в зависимости от условий эпохи, войны велись по разному в разное время.

Эта общая мысль исторического миросозерцания, что все течет, все изменяется, всякая эпоха имеет свое значение. Стратегия имеет в определенные эпохи определенный облик. Если читать внимательно Дельбрюка, то у него не много образов дает история. Собственно, существуют две стратегии: одна—это стратегия Наполеона, стратегия, которая сокрушает противника, стратегия, которая хочет поставить противника на колени и вторая стратегия—которую Дельбрюк видел проведенной Периклом, стратегия, которая вовсе не хочет окончательно сокрушить врага, а просто изнурить его.

И вот Дельбрюк говорит, что Фридрих II-й (что для пруссаков очень важно) был представителем этой второй стратегии, противоположной Наполеоновской. Но немецкий генштаб хотел выставить Фридриха II-го, как предшественника Наполеона.

Немецкий генштаб утверждал, что стратегия сокрушения и является стратегией Фридриха II-го, потому что Фридрих —военный гений, который открыл вечные законы и сущность войны. Дельбрюк отрицал это мнение немецкого генштаба. Бернгарди на него очень рассердился и любопытно, как он ему ответил.

„Вы—говорит Бернгарди — рассуждаете не по военному“. Что значит рассуждать по военному? Можно рассуждать правильно или

неправильно, но нельзя рассуждать по военному, по медицински и т. д. Все науки признают одну логическую законообразность. Но потом эта мысль вскрывается, вскрывается, правда, то, чего требовал Бернгарди, как активный член германского генштаба. Он требовал от истории определенной догмы, определенного урока, определенного рецепта. В этих целях он обращался к историческому опыту. Дельбрюк же показывает различные образы войны. Этих образов, собственно, должно быть гораздо больше. Эти образы должны дробиться гораздо чаще. Бернгарди того мнения, что из утверждения, что все течет, развивается, что всякая эпоха имеет свои свойства и имеет свою стратегию, он не может получить никакого конкретного урока, не может сделать вывода. К военной истории он подходит, как к той шахте, откуда он может извлечь нужные ценности.

Вот как рассуждал Бернгарди. Со своей точки зрения он был прав, и весьма любопытно то, что в своем ответе Дельбрюк говорит ему: „Да, совершенно верно, я рассуждаю, как человек штатский, и я вовсе не хочу давать Вам полезные уроки, я рассматриваю только, как было это дело. Можете вывод сделать или нет, это зависит от вас".

Такова большая задача, как рассматривать военный опыт. С одной стороны, как будто, получается историзм, который утверждает, что все меняется, все течет, что сегодня так, а завтра иначе, длится вечное изменение, которое все с собою уносит, с другой стороны—нужна известная опора для деятельности, известный исходный пункт. Нужно сознать, что то, что разбиралось в споре между двумя большими представителями германской обще-научной и военной мысли, то же самое волнует и другие науки.

Если мы обратимся к современной политической экономии, например,—мы можем легко увидеть, что одна школа, школа так называемая историческая, отрицает всякую теорию политической экономии, всякие выводы, всякие обобщения; она принципиально исключает, она только описывает данное хозяйство в данное время. Иногда этот труд бывает очень интересен, очень внимателен и очень кропотлив и дает очень много ценного историкам. Но ясно также, что таким путем нельзя создать никакого экономического вывода. С другой стороны, мы имеем в политической экономии обратную точку зрения, точку зрения антиисторическую. Это, так называемая, австрийская школа. Она утверждает, что капитализм, например, есть вечный принцип; капиталисты существуют сейчас в Западной Европе, капиталисты существовали и у диких народов. Если дикарь палкой разобьет яблоко, так это есть проявление капитализма. Спор двух школ прекрасно очерчен в книге Бухарина „Политическая экономия рантье".

Таковы две крайности.

Вы легко можете почувствовать, что тот спор, который ведется политической экономией, совершенно аналогичен той разнице пониманий, которая столкнула Дельбрюка с Бернгарди.

Как подходит к этой проблеме Маркс? Безусловно, Маркс стоит на точке зрения истории. Марксизм это есть историческое миросозерцание, по преимуществу это есть диалектический материализм, исторический материализм. В то же время этот историзм, эта диалектика вовсе не исключает совершенно определенного экономического взгляда Маркса. Утверждение, что все течет, все изменяется вовсе не ведет к какому то нулю, напротив, на рассмотрении истории и умножается содержание мысли, в истории утверждается это содержание.

Таким образом, если бы диалектику приложить к тому спору, который велся между Бернгарди и Дельбрюком, она легко бы преодолела односторонние крайности этих двух людей. Безусловно, знания военные почерпываются из истории; исторический опыт является источником военных знаний, но в то же время опыт есть, именно, источник военных знаний, а не ведет к нигилизму.

Будучи истолкован правильно, он является источником положительного содержания науки.

Таким образом, в этих пределах мы можем видеть, что многих ошибок можно было избежать, если бы Дельбрюк стал на более правильную обще-философскую и социальную точку зрения.

III.

Ту же тему по существу, но только применительно к иному предмету, трактует, так называемая, прикладная школа, которая стоит за прикладной метод изучения военного дела. Этот метод принадлежит популярному немецкому генералу, министру Верди дю-Вернуа. Он сам командовал частью в 66 году в войне, которую вели Пруссия с Австрией. И вот, однажды, в битве при Находе, он очутился в своеобразном положении. Он вспоминал все правила, которые он знал еще на ученической скамье, все книги, которые он прочел, подбирал все указания, как ему поступить в данном случае, но сколько он этих правил ни подыскивал, он видел, что случай никак под правило не подходит. Тогда он понял, что никакие правила, никакие предписания в военном деле не могут иметь никакого решительного смысла, что военное дело есть дело конкретное.

Нужно решить данный случай. Можно знать все книги по военному искусству, можно быть блестящим профессором военной академии, и в то же время провалить любую кампанию и не быть в состоянии провести операцию.

Всякая наука разбирает общие отношения. Но общие отношения остаются общими отношениями. На войне же дело идет о том, как полководец должен думать в определенный час, в определенном месте. Здесь ставится вопрос, как думал Наполеон при Ватерлоо в таком то году, в таком то месте. Это знание частного случая, это не есть знание, которое могло бы уместиться в формы науки, потому что всякая наука стремится к обобщению.

Та мысль, которую имеет военный, говорит Верди, совершенно отличается от мысли профессора военной академии; этой мыслью и должен обладать тот, который хочет подготовляться к военным действиям. Если он будет эту мысль воспитывать в себе, то он выполнит свою задачу, т.-е. в мирное время научится мыслить по военному, так, как стал бы мыслить на поле сражения.

Вот для того, чтобы выполнить эту, на нервый взгляд не выполнимую, задачу, он и предложил свой прикладной метод. Если его разобрать—в чем он заключается, то придется сказать, что он сводится к разбору отдельных примеров из военной истории и практики; и, в конце концов, этот прикладной метод имеет очень много разновидностей: военная игра, полевые поездки, являются применением этого прикладного метода. Нужно сказать, что этот метод имел очень большой успех. Его, так или иначе, приняли все академии Европы. В последнюю очередь он был принят и русской академией. Его рекомендовал профессор тогдашней академии Головин, который был командирован во Францию, реорганизовавшую свою армию во многом по немецкому образцу.

Несмотря на большую правоту этих соображений, можно возражать против этого метода, потому что очень легко прикладной метод может выродиться в натаскивание, выродиться в безпринципность.

Безусловно человек, если он перерешает много задач и примеров, набьет себе руку. Но это—самый отрицательный эмпиризм. Есть разница между доктором и коновалом. Ведь коновал тоже исходит из опытных данных, но доктор подходит с научным методом к опыту, чего коновал отнюдь не делает. Прикладной метод менее всего способствует принципиальному сознанию. Он разбирает частный случай.

Нужно сказать, что многие теоретики так и говорят, что единственный метод изучения военной науки,—это есть заключение от частного случая к частному случаю, аналогия в широком смысле слова. Эта мысль лежит в основе труда Лорингсфена по мировой войне. Лорингсфен говорит, что мировая война подтвердила те теоретические соображения, которые имел немецкий главный штаб—нет каких либо в военном деле общих принципов, единственно спасательных средств, все зависит от обстановки.

Идея Шлиффена об окружении верна, как частный случай; прорыв также удается, как частный случай, в известных условиях. Весь военный опыт должен быть изучаем, как частный случай, вне какой либо связи с общими принципами.

Лорингсфен стоит на антидиалектической точке зрения по преимуществу потому, что диалектическая точка зрения требует связи. А Лорингсфен разрывает эту связь—накопляя, распыляет опыт.

Мы подошли к диалектической проблеме в военном деле. Диалектика, как и прикладной метод, борется и отрицает всякие отвле-

ченные рассуждения, она показывает, что всякое отвлеченное рассуждение обнаруживается, как полное противоречие, которое разрешает в конце концов диалектическая мысль, ибо она—конкретная мысль.

Но в то же время диалектика совершенно не есть распыление опыта. Она, напротив, есть установление всеобщей связи, собственно, она и есть эта связь.

IV.

Теперь можно обратиться к некоторым новейшим сочинениям, которые очень близко подходят к учету опыта мировой войны. Можно показать, как именно этот учет производится. Есть некоторые критики, которые думают, что военный опыт можно изучать так же, как опыт естественно-научный, как изучается что-либо в химии, в физике или в геометрии.

Как известно, метод наук физических есть преимущественно аналитический. Анализ заключается в том, что исследователь исходит из проблемы. Пусть проблема огромна, пусть невозможно ее никоим образом решить сразу; пусть на решение этой огромной проблемы нужен гениальный ум. Постараемся, тем не менее, обойтись без гения. Посмотрим на условия решения этой большой проблемы; будем рассматривать задачу в связи с условиями ее решения. Тогда большая задача распадется на ряд задач, стоящих друг к другу в последовательных отношениях. Разбивая большую задачу на ряд задач (так дробить можно сколько угодно), наконец можно дойти до такой задачи, которая будет по силам, которую легко можно решить; раз найдено решение, тогда возможно итти по этим задачам обратно и придти к первой, с которой нельзя было справиться сразу и ее решить легко.

Какие бы задачи ни стояли перед человеческим умом, они будут решены - говорит аналитический метод. Это его большая смелость и, в то же время, правота. Это есть именно гордость науки: что бы там ни было, как бы грандиозна задача ни была, раз задача есть — она будет решена потому что ее можно аналитически расчленить и так придти к ее решению. Как в стратегии всякая крепость может быть взята, так и в науке всякая задача может быть решена.

Такова сила аналитического метода.

И, конечно, в военном деле аналитический метод имеет полное применение. Конечно, всякий, кто разбирает тактическую задачу, работает аналитическим методом. Стратег и тактик в такой же мере аналитик, как и геометр.

Я имею перед собой военную задачу. Эта задача должна распасться на ряд других задач, которые ведут к ее решению. И чем тщательней я продумаю эти средства, которые ведут к решению, чем последовательней я веду эту работу, тем вернее я ее решу. Сущность стратегической и тактической мысли в этом и заключается.

Но едва ли в военном деле достаточен один анализ. Военное дело не есть отнюдь геометрия: самая обстановка постоянно изменяется, и задача, которая была одной недавно, стала другой. Требуется поэтому новое решение, новая работа аналитического метода.

Является ли это новое решение новым актом, абсолютно новым, никак не связанным с прежним или связанным? Легко можно показать, что новое решение будет связано с первым самым теснейшим образом; оно будет связано непрерывностью. Новое решение будет развитием, дополнением первоначального замысла, первоначального решения.

И вот поэтому те, которые изучают современную войну, наиболее часто пользуются термином: непрерывное развитие. Я могу здесь сослаться на такой ценный пример, как Балк „Развитие тактики в мировой войне" и переведенную у нас книжку Гаскуэна „Эволюция артиллерии в мировой войне". И тот и другой авторы видели, что тактика изменилась. Никто не предполагал, как развернется война, никто не создал такого плана, который решил бы задачу войны. Действительность была антитезой, которая противостояла первоначальным соображениям и предположениям.

Очень характерно, как эти два автора пользуются одной и той же идеей в двух диаметрально-противоположных смыслах и значениях. Балк хочет показать, что новые решения остаются старыми по существу, только количественно измененными, но качество основного замысла осталось одно и то же; поэтому Балк сводит новое на старое.

Гаскуэн, напротив, хочет видеть, как рождается новая форма войны. Поэтому книжка Гаскуэна гораздо более привлекательна. Она открывает гораздо больший простор. Тем не менее, самое существо дела остается одним и тем же, т. е. и тот и другой думают, что непрерывность может преодолеть многообразие военного опыта. Таким образом, анализ, дополненный непрерывностью, дает схему, в которой может уложиться все разнообразие военного опыта.

Мне кажется, что этот ответ не вполне удовлетворителен. Непрерывность требует углубления через диалектику. На примере Балка это всего очевиднее. Он сам дает оружие против себя. Ведь, по Балку получается какая то нелепость. По его мнению, принцип изменяется под влиянием военного опыта, но, по существу, сохраняется. Вы доходите до последней страницы и видите, что немецкая армия была побеждена. Но почему? Она была побеждена с тыла. Зигфрид получил удар сзади.

Здесь непрерывность рушится, и эта непрерывность приводит к катастрофе.

Или это не непрерывность, или катастрофа должна быть истолкована Очень ограниченный кругозор Балка заставил его прийти к этому самоотрицанию.

Я могу сослаться на другой пример. У меня недавно под руками была книга Райта, которая посвящена Высшему Военному Совету у союзников. Райт был его членом и переводчиком. Он является видным, горячим защитником идеи об‘единения командования у союзников. Как известно, союзники первоначально не имели об‘единенного командования. Но вот случается разгром итальянской армии, и тогда та мысль, которую тщетно предлагал Фош, о том, чтобы был составлен общий резерв, получает воплощение. Это было первым шагом к об‘единению.

Наконец, когда при Сен-Кентене были разбиты англичане в 18 году, тогда обстоятельства заставили об‘единить командование на фронте в одних руках. Таким образом проблема командования на Западном фронте развивалась непрерывно, она шла по ступеням, решение пришло не сразу. Но эта именно непрерывность и была из‘яном. Эта непрерывность и привела к поражению, которое Фош предвидел. Эта непрерывность была недостатком.

Мне кажется, что если мы возьмем военную мысль более решительную, более последовательную, мысль, которая старается итти до предела, то увидим, что такая мысль не может быть только аналитической, она не может быть только непрерывной, она, по сути своей, будет диалектической. Когда Гинденбург хотел пленить всю русскую армию, он этого не мог. Людендорф видоизменил эту идею. Желая дать французам решительное сражение в 18 году, он действовал не на флангах, а прорывом, но все же так, чтобы окончательно добить врага. Но именно этой непрерывностью своей мысли Людендорф истребил верным образом свою армию и привел к капитуляции, ибо он не смог отступить от мысли дать решительное сражение.

Если мы эту мысль сравним с мыслью Жоффра на Марне, то нас поразит, прежде всего, что развертывание французской армии совершенно не учитывало обстоятельств; французы предполагали дать сражение в Лотарингии. Когда немцы стали обходить Бельгию, нужно было всецело изменить положение: Жоффр отступает к Парижу, образовывает армию Манури, он окончательно порывает с прошлым и решительно принимает новый план. Та конкретная мысль, которая была у Жоффра, имеет предельность и смелость.

Этот способ действий очень напоминает римского военачальника, создателя римской армии, Сципиона. Сципион учитывал, что решение заключается не в одном ударе, а является следствием маневрирования по преимуществу, что война является искусством, что решительная победа дается не только в пространстве, а и во времени; тот побеждает, кто побеждает в последние 15 минут. Последний удар— самый ценный, и потому он в своей тактике выдвинул три боевые группы, а в стратегии—он не стал нападать на Ганнибала в Италии, а сокрушил его базу в Испании, и Ганнибал погиб. Это не непрерывное мышление, а мышление предельное, до конца идущее,

гораздо более смелое. Оно безусловно свойственно наиболее напряженной, наиболее диалектической эпохе.

Но, заговорив о Сципионе, о чем то очень далеком, нужно дополнить примером более наглядным, более близким и ощутительным. Ведь известно, что война мировая, империалистическая, перешла в войну гражданскую. Этот переход и является, сам по себе, примером диалектики. И, собственно, если говорить о диалектике и приводить примеры ее в военном деле, то о гражданской войне и нужно говорить сразу. Но тем не менее я должен был так сделать. Конечно, гражданская война без диалектики не может быть изучаема, потому что война гражданская—есть война классов, и без классовой точки зрения она совершенно не понятна. Классовая точка зрения и есть ничто иное, как сама диалектика. Это есть наиболее конкретное выявление сути диалектики. На примере гражданской войны и нужно было развить эту тему. Но я здесь этого не сделал сознательно, потому что, к сожалению, до сих пор еще гражданская война не достаточно изучена. Это безусловно является очередной важнейшей задачей, которая стоит перед Красной армией, именно—изучение гражданской войны, и эта задача близка к решению.

Японская война была изучена в 3 года; надо, чтобы гражданская война была изучена скорей. Но пока это не сделано, я не мог говорить об этих явлениях или разбирать их диалектически. Гражданская война несомненно должна внести существенное дополнение к тому, что мы знаем из литературы западной и империалистической. Именно она, своей классовой точкой зрения, своими социальными мотивами способствует прояснению тех вопросов, которые мало освещаются, насколько я знаю, в западной литературе.

В самом деле—чем кончилась мировая война? Во всяком случае, она не кончилась Каннами. Она кончилась диаметрально противоположным: она кончилась разложением; разложились армии русская, болгарская, австрийская, немецкая. Для всех фронтов война одинаково кончилась разложением.

Если продумать это слово *разложение*, то мы получим пример чистейшей диалектики: гибель одного и возникновение другого. В России гибель империалистической армии была рождением Красной армии.

На этом, думается, можно закончить и поддерживать основные тезисы, именно, что диалектика, по существу своему, может, как нельзя больше, содействовать прояснению и сознанию той воли к победе, которая лежит в основе бытия всякой армии, в том числе и Красной армии, и что диалектика является самым могучим орудием классового самосознания этой армии.

Н. Смирнов.

Тейлоризм и научная организация труда *).

„До последнего времени организационный опыт человечества не пытались систематизировать научно в его целом. Он, конечно, накоплялся и оформлялся, но, главным образом, стихийно, передаваясь из поколения в поколение в наивных образах народной мудрости. Опираясь на эту традиционную мудрость и на живую практику, отдельные лица вырабатывали для себя специальные организационные приемы и навыки, достигая иногда высокой степени организационного искусства, ибо организационное искусство всегда существовало, но не было организационной науки и потому огромная, наибольшая доля этих достижений умирала вместе с личностью организатора—таланта или гения, и только ничтожно-малая переходила в традицию".

(Из доклада А. А. Богданова „Организационная наука и планомерность" на 1-й Всероссийской конференции по научной организации труда и производства).

В последнее время в этой области намечается перелом. Крупным шагом вперед было уже осознание действительности и критический подход к вопросам строительства и хозяйства, определенно выявившиеся еще в 21 году на 1-й конференции работников НОТ **) (состоялась 20—27 января в Москве). С этого времени, благодаря, отчасти, работе наших органов НОТ, с другой стороны,—под воздействием постоянного соприкосновения с отрицательными сторонами нашего гос. и хозаппарата, это осознание недочетов охватывает все более и более широкие круги, и, в конце концов, выливается в известное постановление XII С'езда РКП, которому суждено будет положить начало новой эпохе в истории нашего строительства. От отдельных, случайных, не об'единенных идейно и даже внешне попыток реорганизовать наше управление и хозяйство, мы, по мысли этого постановления, переходим к планомерной перестройке нашего госаппарата на *научных* основах.

Нельзя думать, что мы в ближайшем же будущем увидим это постановление претворенным в жизнь. Для такой грандиозной реорганизации нужны годы упорной, непрерывной подготовительной работы наших органов НОТ. Сейчас эта работа, получившая теперь новый могучий импульс к дальнейшему развитию и углублению, протекает почти незаметно для широких масс. Специальные издания (отдела

*) Вопрос о рациональной постановке военного дела, на строго научных основаниях, до сих пор в специальной литературе представлен крайне скудно и сводится всего к нескольким беглым статьям. Между тем, в настоящее время научная организация труда, во всех его отраслях, приложимых к военному делу—от примитивнейшего производства до управления сложнейшим аппаратом современных армий—в связи с историческим постановлением XII С'езда РКП, приобретает значение особой актуальности также и для Красной Армии.

Этим вопросом занят кружок НОТ Военно-научного общества Запфронта, работа которого, в конечном итоге, направлена к изысканию научных основ построения военного дела во всем его об'еме. Редакция намерена в ближайших №№ поместить цикл статей по этому вопросу. Настоящая работа т. Н. Смирнова является вводной из них.

Редакция.

**) НОТ—условное сокращение термина „научная организация труда".

нормализации НКРКИ, ЦИТ'а и друг.) сравнительно мало известны, общая же пресса печатает исключительно периодическую информацию, которая дает только отрывочные сведения о ходе работ в различных отраслях НОТ. В целях пропаганды выпущены уже десятки книг и брошюр, но в провинции, мы знаем это по личному опыту, достать их весьма трудно, если не невозможно. Между тем, ознакомление с этими вопросами сейчас необходимо для каждого сознательного гражданина, тем более—для совработников и военнослужащих.

* * *

Научная организация труда и как наука, и как „наукообразная практика" (Хлебников) возникла не произвольно и не случайно. Реальные предпосылки для нее даны были уже предшествующим ходом развития фабричного производства, основные тенденции которого во многом совпадают с тенденциями научной организации.

Концентрация производства ставит фабриканта перед задачей координировать огромное количество необычайно сложных элементов производства, так как учет материалов, работы, дисциплина, инструктирование рабочих, организация покупки и сбыта, контроль и другие отрасли фабричного хозяйства вырастают в сложные и трудные проблемы. Организация производства становится настолько трудной и важной задачей, что предприниматель все чаще уступает управление предприятием специалисту-инженеру.

Потребность в ускорении темпа производства является одним из самых главных стимулов технического прогресса. Беспрерывное соревнование промышленных наций, сосредоточивших свою деятельную силу, свой изобретательный гений и свой капитал на улучшении орудий и машин, дает огромные результаты, в особенности в XIX и XX столетии. В этой области капитал действительно является двигателем прогресса, хотя и не „несет за него ответственности", используя его и видя в нем лишь средство для своих эгоистических целей.

В дальнейшем своем развитии тенденции к ускорению и увеличению размеров производства выливаются в основную тенденцию современной промышленности к массовому производству, область которого все более и более расширяется „включением в нее все новых отраслей, отвечающих основной предпосылке для такой формы производства. Эта основная предпосылка состоит в стандартизации типов и моделей и достигается путем технического об'единения, соглашения в деле конструктивной разработки типов моделей и частей; на основе стандартизации типов и моделей целых единиц строится также унификация частей и нормализация деталей, распространяющаяся не на одну только, но на целый ряд отраслей техники, более или менее близких между собою" *).

Таким образом, самым ходом развития фабричного производства, к концу XIX века были намечены многие элементы научной органи-

*) Чарновский. „Основные мотивы в современной постановке массового производства", цит. по книге Д. Хлебникова.

зации: широкое разделение труда, рационализация оборудования и, отчасти, рационализация управления.

Недоставало только подхода к производству с организационной (если так можно выразиться) точки зрения и теоретического их обоснования и формулировки. Как и следовало ожидать, это произошло, прежде всего, „в стране наибольшей промышленной энергии, наибольшей промышленной инициативы, наибольшего размаха самой промышленности“—в Америке, „а Колумбом Новой Америки оказался Тейлор“ (из доклада проф. Гредескула на 1-й конференции работников НОТ) *).

Несмотря на определенно выявившуюся тенденцию к рационализации не только отдельных элементов, но и всей организации фабрики в целом, приемы хозяйства (в особенности в области использования рабочей силы) совершенно не отвечали техническому оборудованию. Статистика работы была поставлена неудовлетворительно, учет израсходованной энергии невозможен. Обучение рабочих улучшенным приемам работы не велось; методы работы, усваиваемые рабочими путем наблюдения и подражания другим, представляли „хаотическое нагромождение приемов и способов, оставшихся от всех предыдущих эпох“. Наряду с вполне целесообразными и необходимыми приемами и движениями было много таких, которые перешли в качестве пережитков прошлого и при современных технических условиях оказывались совершенно излишними и нецелесообразными. При таких условиях о рациональном использовании рабочей силы, о полном использовании мощности станков и двигателей не могло быть и речи, тем более, что управление фабрики было организовано также неудовлетворительно (смешивались функции административные и производительные).

Прямым и неизбежным результатом этой системы, которую, в отличие от научной, называют эмпирической или традиционной, была „необычайно низкая производительность всего предприятия в целом, высокая себе-стоимость производства, удорожающая продукты без большой выгоды для предпринимателей и без всякой выгоды для рабочих, хищническое уничтожение производительных сил и бесплодная трата энергии. Естественно, что эта система оказалась несостоятельной

*) Тейлор не был патентованным инженером, по своему профессиональному образованию он был квалифицированным рабочим металлистом, а свою промышленную карьеру он начал даже простым поденщиком. Его система вырабатывалась им в течение двух последних десятилетий XIX века. Первые сведения о ней появились в 1895 г. когда он сделал свой доклад в Обществе Американских Инженеров-Механиков о своей премиальной системе и изучении элементов времени. В 1900 г. на парижской Всемирной выставке демонстрировались его опыты с быстрорежущей сталью. В 1903 г. система его окончательно сложилась и изложена им в докладе Об-ву Инженеров-Механиков (этот доклад составил содержание самой крупной работы Тейлора „Shop Management“) С 1903 г. до самой смерти (в 1915 г.) он занимался организационной практикой и не дал ничего существенно нового в области теории.

Главные работы Тейлора: „Административно-техническая организация промышл. предприятий“, „Искусство резать металлы“ и „Научные основы организации промышленных предприятий“.

перед требованием массового производства, рассчитанного на широкий сбыт и возможного лишь при дешевизне и относительно высоком качестве продуктов.

По мнению Тейлора, все хозяйство предприятия должно быть организовано научно и планомерно; в производстве не должно быть места рутине: ко всему надо подходить критически, вся жизнь предприятия, до мельчайших деталей, должна итти по определенному, заранее продуманному, плану, в котором должны быть учтены и согласованы все факторы производства и техническое оборудование (в отношении его рационального использования, расположения, установки и взаимного согласования всех частей сложного промышленного организма), и технические процессы, и администрирование, и живая рабочая сила и т. д.

„В прежнее время",—говорит Тейлор, „преобладало мнение, удачно выраженное афоризмом: капитаны индустрии рождаются, а не делаются: думали, что если удалось найти подходящего человека, то выбор методов управления спокойно можно предоставить ему. В будущем же признают, что руководители предприятий должны быть не только „капитанами" по рождению, но и по подготовке, и что ни один крупный человек (при старой системе личного управления) не может выдержать конкурренции с обыкновенными людьми, хорошо сорганизованными для производительного сотрудничества".

„В прежнее время на первом плане был человек; в будущем же на первом плане должна быть система. Это не значит, однако, что даровитые люди не нужны. Напротив, первой задачей хорошей системы управления должен быть подбор и обучение первоклассных работников; при такой системе лучшие люди выдвигаются вернее и быстрее, чем при всяких других условиях". („Научн. основы орг. пром. предприятий").

Труд человека занимает центральное место в системе Тейлора. Это—отправный пункт системы, об'ясняющий весь генезис ее, это—ядро системы, вокруг которого наростает и все дальнейшее ее содержание. Тейлор подходит к производственному процессу со стороны живого деятеля в производстве, со стороны самого человека, пытаясь приложить к его деятельности методы точных наук. Другой вопрос, насколько удалась ему эта попытка и могла ли вообще она удасться в условиях капиталистического хозяйства.

Система Тейлора окончательно сложилась к 1903 г. К этому времени она уже охватывала все вопросы, которые встали перед Тейлором при разрешении основной его задачи (увеличить производительность и интенсивность труда рабочих): изучение движений и элементов (отрезков) времени, подбор рабочих, инструктирование (инструкционные карточки), стандартизацию инструментов и оборудования, организацию управления.

Изучение движений. Ни наука, ни техника до Тейлора не интересовались приемами работы. Каждый рабочий выполнял одну и ту же работу „на свой образец". Поэтому, на одной и той же фабрике, как

свидетельствует об этом Тейлор, одну и ту же работу выполняют 40—50, а то и 100 способами. Среди них есть и хорошие и дурные, но лучший может быть только один. Отсюда—необходимость изучения движений.

„Работа эта,—говорит Тейлор,—распадается на 3 фазиса:

Первый фазис—аналитический, т. е. все работы данного ремесла разлагаются на мельчайшие элементы; производительные движения рабочего отделяются от непроизводительных; с помощью секундомера определяется нормальная продолжительность для каждого элементарного движения“.

„Второй фазис—синтетический, т. е. группируются вместе все нормальные и производительные движения, требуемые для выполнения данной работы; затем эти данные классифицируются и комбинируются так, чтобы их можно было использовать самым простым и удобным образом“.

„Третий фазис—проверка, т. е. испытание ценности полученных сведений и таблиц; сначала определяется время, которое должно пойти на данную работу по таблице, а затем оно сравнивается с временем, действительно ушедшим на эту работу“.

В конечном счете, в основе каждого движения рабочего должна лежать „наука“. Эта „наука ремесла“ создается совместными усилиями техника, технолога, администратора и, в первую очередь, психо-физиолога. Задача этой „науки“—дать „систему действий для каждой отдельной профессии исключительно целесообразных и производительных, систему, совершенно свободную от традиционных пережитков, от наслоений старых времен“ (Аронов. „Рац. хоз.“). У Тейлора нет указаний каких результатов удавалось достигать ему при помощи изучений движений, но у одного из последователей Тейлора, Франка Гильбрета, в его книге „Motion. Study“ (имеется русский перевод «Изучение движений». СПБ. 1913 г., изд. Левестари) мы находим поразительный пример увеличения производительности труда, вследствие устранения излишних движений.

„Исследования условий кладки кирпича позволили Гильбрету сократить число движений для каждого кирпича с 18-ти до 5-ти (по другим—до четырех с половиной). Благодаря такому сокращению числа движений и облегчению работы в целом, рабочий по его системе может уложить до 350 кирпичей в час, тогда как при обычных условиях кладется лишь 120 кирпичей (у нас еще меньше). Результаты были достигнуты, главным образом, тем, что Гильбрет устранил некоторые движения, научил рабочих делать простые движения одновременно обеими руками и изменил всю обстановку работы в том направлении, чтобы, по возможности, облегчить и упростить, а тем самым и ускорить работу“ (Аронов. „Рац. хоз.“).

Процесс научной организации труда не может быть изложен во всей полноте, за недостатком места. Главнейшие фазисы его сводятся к изучению *элементов времени*, составлению, на основании их, *инструкционных карточек*, нормирующих весь процесс работы, и в *подборе*

рабочих по способностям, согласно особенностям каждой отрасли труда. Далее, необходима *стандартизация* инструментов, оборудования и пр., рациональная *организация управления* производством по системе, выработанной Тейлором, введение т. наз. *дифференциальной сдельной системы* заработной платы и постановка процесса производства в наиболее благоприятные, в смысле использования труда рабочего, условия.

* *
*

Тейлор думал, что его система должна примирить интересы предпринимателей и рабочих, давая каждому то, чего он хочет и добивается: рабочему—высокую заработную плату, предпринимателю—минимальную стоимость продукции. Придавая своим выводам значение об'ективных и чрезвычайно точных законов, он полагал, что они делают невозможными стачки и вообще недовольство рабочих. „Научная организация",—говорит Тейлор, „стремится заменить в отношениях рабочих и предпринимателей господство силы и мнения господством факта и закона. Она заменяет догадку точным знанием и хочет установить кодекс естественных законов, одинаково связывающих и предпринимателей и рабочих". „Справедливость или неправильность жалобы рабочего должна быть установлена не мнением администрации или рабочего, но тем великим кодексом законов, который уже выработался и который должен удовлетворить обе стороны".

Такой взгляд в корне неправилен и грешит непониманием природы организационной науки, выводы которой, как и всякой технической (прикладной) науки имеют лишь условную, относительную ценность и точность.

Другой, практически гораздо более важный, недостаток системы Тейлора—ясная тенденция к интенсификации труда. Правда, сам Тейлор главное ударение делал на повышении производительности, а не интенсивности труда и всегда подчеркивал, что „научная организация" имеет задачей добиться наивысшей продуктивности труда не за счет порыва и перенапряжения сил, а такой работой, которую рабочий может выдержать в течение долгого ряда лет без вреда для здоровья. Но на практике и сам он, а еще более его последователи, сильно грешат в этом отношении.

Для установления нормальной производительности выбираются исключительно первоклассные рабочие, хронометраж применяется как средство для вылавливания у этих рабочих рекордных по быстроте движений, на основании которых и устанавливается „нормальная" продолжительность данной работы и вырабатывается „нормальный" дневной урок. В конечном счете, хронометраж, как он применяется на практике, по выражению Фрея (один из членов комиссии, назначенной в 1912 г. Американским конгрессом для обследования предприятий, работавших по системе Тейлора) это—способ извлечения из рабочего его силы до последней унции, до последней капли, не считаясь ни с какими вопросами утомляемости. Поэтому способ хроно-

метража применяется сплошь и рядом и такими предприятиями, которые и не думают переходить к системе Тейлора в целом.

К каким результатам приводит эта система на практике, рассказывает немецкий журналист Артур Голишер в своих путевых заметках „Америка сегодня и завтра“ (цитируем по ст. Р. Вольдта „Система Тейлора“). „Особый интерес представляет глава, в которой описываются знаменитые чикагские бойни. Он находит там изумительную систему разделения труда. Каждый рабочий изо дня в день должен повторять один и тот же прием. Скот прогоняется сквозь строй и обрабатывается путем гениальнейшего разделения труда. Гигантское деревянное колесо, к которому привязаны за ноги живые, барахтающиеся свиньи, пускается в движение. Как только к первому рабочему поворачивается свиное брюхо, он проводит по нем первый короткий удар ножом сверху вниз. Барахтающаяся жертва только теперь догадывается в чем дело, издает испуганный визг, точно обжегшийся ребенок, обдает туловище и руки своего убийцы тонкой, красной, горячей струей и тут же перебрасывается цепью к следующему резнику, который наносит ей такой же короткий, изящный и рассчитанный удар. Еще сто шагов,—и животное уже по всем правилам искусства ошпарено, ощипано, разделено на составные части и отправлено в холодильник“.

„Голишер с изумлением останавливается перед этим человеком первичной операции. В течение 30-ти лет он стоит на одном и том же месте и наносит свой первый удар решительно и с сознанием своих сил. Точно директор банка ставит свою подпись под документом. Он зарабатывает много денег, 60 центов в час, и является репрезантативной личностью современной Америки, как Дови Рокфеллер и Рузвельт. Он в течение 30 лет выдержал этот темп: 25 животных в минуту, или 1500 в час, или 15000 в десятичасовой рабочий день. 30 лет он оставался на своем посту в стремительном водовороте американской жизни. Миллионы свиней прошли через острие его ножа“.

„Но Голишер считает его врагом,—не свиней, но его же собратьев. Это его ловкость делает его таким“. „По старому изначальному закону „дельный“ является врагом менее дельных, а в бойнях Чикаго работают по системе Тейлора, по системе Spelding up, системе, которая доводит распыление, напряжение и затрату человеческой энергии до последней границы естественной возможности“.

В других местах своей книги Голишер описывает каменщиков, рабочих на доменных печах, работниц на фортепьянных фабриках: все они работают по системе Тейлора, и Голишер указывает на новый тип надсмотрщика, развившийся в связи с этой системой. „До рождения системы Тейлора обязанность рабочего надзирателя заключалась в том, чтобы следить за добросовестностью и аккуратностью исполнения работы. Новый же надсмотрщик, „speed boss“ (борзовщик) определяет темп, число работ, которые должны быть доведены до конца, он требует от рабочих рекорда, а кто не в состоянии дать рекорда, тот тотчас же вылетает из своего job'а (заработка) и бесповоротно попадает под колесо жизни“.

Каковы же последствия этой дробной работы, этого убийственного темпа. Сначала „ловкий“ выбивает из строя неловкого;—это само собой разумеется,—но потом самый ловкий выгоняет из строя самого себя. „И эта система, эта собачья система дробной работы и живодерства, процветает и завоевывает себе в далекой Америке одну отрасль производства за другой, одну фабрику за другой,—и простирает уже свои чудовищные лапы к нам, в Крезо, в Эссен, всюду“.

„Дальнейшим следствием этой эксплоатации сил является регулирование возрастных пределов. В Нью-Иорке мне показывали рабочего, который красил себе волосы. Что рабочий раньше, чем явиться на зов, смазывает себе сапожной ваксою волосы на висках,—это представляет уже самое повседневное явление. Многие красятся, другие тратят по 10 долларов в месяц на мышьяковые препараты, возбуждающие во время работы деятельность сердца“.

Отсюда становится понятным, что Конгресс С.-Американских С. Штатов постановил воспретить применение хронометража в государственных промышленных предприятиях Америки; что рабочие всюду резко отрицательно относятся к системе Тейлора и что предприниматели стараются вводить эту систему (вернее только то, что в этой системе сулит сразу же увеличение прибыли), ни слова не упоминая о Тейлоре и замаскировывая ее всеми способами и притом настолько удачно, что, напр., немецкие рабочие, если верить Вольдту, и не подозревают, что „организация труда в мастерских давно уже проводится в Германии по системе Тейлора“.

* *
*

Научная организация берет у Тейлора только самые общие принципы и устремления. Методы его работы сейчас уже устарели. Современные достижения науки (в особенности—психотехники и физиологии труда) позволяют значительно уточнить и усовершенствовать разработку основных проблем научной организации (в особенности-вопросов утомляемости, подбора рабочих и т. д.). В частности, в вопросах увеличения производительности все большее значение придается не интенсификации труда, а улучшению общегигиенических условий. Изучение движений ведется более усовершенствованными способами (Цит'овский метод „циклограмм“—усовершенствованное применение фотографии и кинематографа). Премиальная система, в том виде, как она применялась Тейлором и его последователями, не кажется уже нам непременной принадлежностью всякой системы научной организации.

Вместе с тем, мы постепенно освобождаемся от примитивного догматизма Тейлора и его последователей, видевших в его теории вполне законченную систему, применимую во всяком предприятии. „Теоретическая и практическая работа современности“, говорит Д. Н. Хлебников в своей „Научной организации труда“, „приводят нас к выводам: а) организация управления индивидуальна в каждом предприятии. Дело не в применении тех мероприятий. которые практиковал Тейлор, а в создании своей системы для своего предприятия так, как это делал Тейлор; б) именно научный характер современного

управления делает относительными все его качества. Научное управление есть никогда не законченная система. Нет резких граней научного и ненаучного управления“.

Но все это отнюдь не умаляет заслуг Тейлора. Из краткого изложения его системы мы уже видели, что она охватывает все те вопросы, которые в своей совокупности образуют многогранную проблему организации труда. Он первый осознал значение всех отдельных факторов в производстве и подошел к ним под углом зрения единого организационного процесса. В основу своей теории и практики он кладет критический анализ, возводит в принцип план, систему. Вместе с тем он ясно выдвигает на первый план роль человека в производстве и намечает все главные, вытекающие отсюда, проблемы научной организации. Правда, он сам не дает удовлетворительного решения этих вопросов, и с этой именно стороны его система, главным образом, и не совпадает с действительно научной организацией. Но это—не его вина. В тех условиях, в которых он жил и действовал, он и не мог дать другого решения.

Идея научной организации, по словам О. А. Ерманского, прививалась в Америке „в чрезвычайно неблагоприятных условиях, ибо там общество построено на принципе частного капитала, а его фундаментом служит анархически слепая, стихийная борьба частнокапиталистических интересов. Это исключало всякую возможность сознательного творчества, планомерного строительства. При таких условиях нет ничего удивительного, что абстрактная идея научной организации, появившись в Америке и Европе, сразу исказилась, приняла характер чего-то внутренне противоречивого, характер *гримасы*...“ „В обществе, раздираемом внутренними общественными противоречиями, система Тейлора, исходным пунктом которой была идея планомерной и рациональной организации всех процессов работы, неизбежно должна была подвергнуться такому искажению, даже превратиться в нечто противоположное исходной идее“ (Труды 1-й конференции раб. НОТ., стр. 8).

Будем надеяться, что у нас судьба этой идеи будет другая, что, если не в ближайшее время, то, через несколько лет упорной настойчивой работы, идея эта претворится в жизнь, и мы,—я развиваю образное сравнение т. Ерманского,—вместо странной и страшной (вспомните о рабочих) гримасы или, может быть, лучше было бы сказать трагикомической маски, надетой на идею, увидим ее подлинное, величаво-прекрасное лицо.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

В. Микулин.

Перспективы организации и ведения дальней (стратегической) кавалерийской разведки.

(Опыт исследования).

От редакции.

Один из главных уроков, который дала нам практика гражданской войны, это то, что конница является в ней одним из решающих родов оружия.

Гражданская война позиционного характера носить не может. В ней могут быть позиционные периоды, вызываемые необходимостью починки частей или из-за весенней или осенней распутицы, когда бездорожье или разливы рек являются своеобразной заменой позиционной техники.

Гражданская война, которую мы кончили и которая предстоит в будущем (национальных войн или синдикатских войн, какою была последняя империалистическая война, в широком масштабе уже не будет) может быть затяжной, но по своей тактике должна быть только и только—маневренной и молниеносной. Позиционного характера будущая война носить не может, потому что каждая страна, благодаря классовым противоречиям, будет иметь врага и перед фронтом и в тылу. При таком положении зарываться в землю не придется и только быстрое, гибкое и умелое маневрирование может скоро решить задачу.

А таким гибким и подвижным родом оружия являются конные массы с приданными—артиллерией, ездящими пулеметами и броневиками. Окончательно решит вопрос только пехота, но без конницы, благодаря огромным фронтам и отсутствию позиций, ни начала для победы, ни завершения победы быть не может.

Империалистическая война знала густое насыщение фронта, при котором корпус в 15—20 тысяч штыков занимал участок в 5, максимально—10 верст Гражданская война дала совершенно иные цифры. Бывали случаи, как это было на восточном фронте в районе Ишима, когда дивизия, имевшая 5 тысяч штыков, растянута была на участке в 110 верст.

Или, как это было на польском фронте в 1920 г., 12 армия, состоящая из 5 пех. дивизий, численностью в $7^1/_2$ тысяч штыков, занимала участок в 160 верст.

Это очень сильно пугало белогвардейское командование. Так, Кильчевский в одной из своих брошюрок писал: „Насколько фронт был велик, можно судить из того, что нередко одному корпусу в 15—20 тысяч человек приходилось защищать из общего боевого фронта армии пространство в 100—150 и даже до 200 верст“.

Нам же на участке в 200 верст приходилось ставить две дивизии, доходившие до 9 тысяч штыков.

Естественно, что при таких условиях фланги были особенно чувствительны и только искусное маневрирование могло помочь делу. Так как, маневрируя, бой все-таки надо вести сосредоточенными силами, то на флангах оставались незащищенные пространства, куда могли просачиваться враги.

Поэтому, появилась необходимость в создании конницы по двум причинам: 1) для охраны фланга необходимо было держать уступом за флангами пехоты конные части. С одной стороны, они обеспечивали фланги, с другой стороны—являлись решающей силой для успешного ведения боя, 2) огромные фронты и основное требование гражданской войны—быстрота—настойчиво выдвигали необходимость иметь войсковое соединение, которое могло бы быстро маневрировать и появляться там, где его меньше всего ожидают. А таким соединением может быть только конница.

Опыт окончившейся гражданской войны, показавшей, что приходится брать в войска наспех сколоченный и малообученный человеческий материал, кроме того, боязнь, ввиду остроты и ненависти, которая обуревает классы, попасть в плен и там быть подвергнутому насилиям, делает пехотные части обеих сторон недостаточно стойкими. Отсюда, завязка боя и развитие его происходили очень часто на больших расстояниях, не всегда достигавших дистанции хорошего ружейного огня.

Эти условия останутся и в будущих войнах. Что же касается до прошедшей, то артиллерия, ввиду ненадежности пехоты и из боязни потерять материальную часть, нередко стреляла на дистанции, находящиеся вне пределов досягаемости. Очень часто стрельба артиллерии, даже когда бой шел в нормальных условиях, была скорее звуковым эффектом для ободрения пехоты.

То, что у нас сейчас армия в 600 тысяч, говорит за то, что, в случае нового набора, если возникнет война, все эти недочеты снова всплывут наружу. Всевобуч и милиционная система, которая только что начинает применяться, исправить и избавить от этих недочетов не смогут, так как вся отпущенная масса будет заниматься каким угодно делом, но только не надоевшим уже военным обучением.

От этих недостатков не будут избавлены и армии во всех других странах. Отсюда вытекает неизбежный вывод, что в будущей гражданской войне конные массы будут играть огромнейшее значе-

ние. Поэтому задачей нашей подготовки и нашего обучения является тактическая разработка роли и значения конницы и выработка приемов, как искусно сочетать действия конницы и пехоты.

Статья тов. Микулина представляет большой интерес, намечая, в общем и целом, правильные пути использования конницы.

Редакция.

Попытка подойти вплотную к сущности поставленного вопроса требует, прежде всего, исчерпывающего определения того значения, которое имеет в наши дни дальняя кавалерийская разведка в оперативных рассчетах высшего (армейского) командования.

Для этого необходимо бросить беглый взгляд назад.

Абсолютное значение этого вида разведки в недалеком еще прошлом неоспоримо.

Конница была тогда *единственным* фактором дальней войсковой разведки в полевой войне, а использование ее на широком фронте впереди армии—опять таки *единственным* приемом, при помощи которого высшее командование могло, захватив в разведывательную „вилку" целый ряд оперативных направлений, выяснить важнейшие из них, в результате получения от конницы сведений о группировках и действиях сил противника, обнаруженных ею

В период зачаточного состояния авиации, последняя рассматривалась лишь, как желательное *пособие* к разведывательной работе конницы: в серьезность этого пособия никто особенно не верил, и даже наиболее прозорливые военные умы того времени согрешили в этом смысле. Так, например, Бернгарди писал до мировой войны *) следующее: „... насколько аэропланы окажутся в состоянии служить средством для производства разведок противника—является вопросом нерешенным", но „.. если действительно окажется, что аэропланы пригодны для разведок, то кавалерия приобрела бы в них серьезную *помощь*...".

В этом же духе высказывались и другие видные авторитеты. В общем и целом, накануне мировой войны центр тяжести *дальней* разведывательной службы лежал в глазах высшего командования, по прежнему, на плечах стратегической конницы.

Война явилась поверкой правильности этой точки зрения.

Результаты этой поверки могут быть ныне исчерпывающим образом под'итожены.

Скудость, недостаточность и хроническая несвоевременность сведений, большие потери, измотанный конский состав—такова, в общем и целом, картина этих результатов, общая для всех участвовавших сторон и на всех фронтах. Те отдельные, более или менее удачные, достижения в области дальней разведывательной службы конницы, которые могут быть установлены, носят эпизодический характер и тонут в общей массе, хотя и героических, но почти неизменно безрезультатных попыток конных масс удержать за собой разведывательную монополию в стратегическом масштабе.

*) „Современная война".

Параллельно с этим, только еще зарождавшаяся тогда военная авиация, не взирая на все ее несовершенства и малочисленность, необыкновенно быстро завоевывает себе полное доверие командования, как *надежный и верный* фактор дальней войсковой разведки.

Изложенное отнюдь не является только нашим личным выводом из опыта мировой войны, ибо целый ряд видных участников и историков ее свидетельствует о том-же *). Для примера можно назвать Жоффра, Фрейтага-фон-Лорингрофена, Шмидта, Карьерега и целый ряд других.

Результаты разведывательной деятельности русской стратегической конницы в подавляющем большинстве случаев, из которых назовем хотя-бы операции в Восточной Пруссии и под Лодзью—являются ярким и прямым подтверждением сказанного.

В общем и целом, отрицательный характер стратегической разведывательной работы конницы в мировую войну можно считать фактом прочно установленным. Мы отсылаем, как всех интересующихся этим вопросом, так и намеревающихся возражать по его существу, к имеющейся литературе и, в частности, к талантливой книге Б. М. Шапошникова „Конница“ (кавалерийские очерки); при этом мы пользуемся случаем расписаться в полной солидарности с ее автором по существу заключений его о дальней кавалерийской разведке в обоих минувших войнах **).

Обратимся теперь к опыту гражданской войны в области интересующего нас вопроса.

Здесь обстановка несколько иная. Наша красная конница вписала в историю своего рода войск исключительно яркие страницы, но последние отражают преимущественно картины конных масс, как отдельных (оперативных) моментов крупных операций. Что-же касается выдающихся достижений в области разведывательной службы в стратегическом масштабе, то примеры таковых отсутствуют даже в тех случаях, когда к этому имелись, казалось-бы, все необходимые предпосылки в смысле наличности конницы и возможности для нее широко использовать район операций ***)

Красная конница выступила на арену борьбы с большим запозданием против хода событий и была сразу-же призвана им к роли *активного боевого* фактора, в каковой роли она неизменно и фигурирует в дальнейшем на всех фронтах, зачастую являясь даже *главным* боевым козырем в руках высшего командования.

Такое использование конницы естественно отвлекало конные массы от исполнения прочих видов боевой службы и, в частности, службы

---

*) Опять таки в стратегическом (оперативном) масштабе крупных событий, а не отдельных боев.

**) В оценке-же будущего дальней разведывательной службы конницы мы резко расходимся с Б. Шапошниковым, принципиально отрицающим его вовсе.

****) Например, во время ликвидации Врангеля (XIII армия), когда, при наличии двух конных армий и ряда других конных частей, конница все-же ровно никаких сведений не дала, получались они исключительно от авиации (Шапошников).

дальней разведки „по полевому уставу". Этому много способствовала и полная неподготовленность нашей конницы и ее начальников к успешному отправлению этой службы, сложной в организационном отношении и с точки зрения руководства. Стихийно выросшая по кличу т. Троцкого из классовой ненависти пролетариата, являвшаяся живым олицетворением воли этого пролетариата к победе, красная конница, грозная своей ударной силой, была тактически и технически весьма слабо обучена, особенно в начале.

Если личная доблесть бойцов и командиров и активность последних и искупали в значительной степени этот недостаток, то в целом ряде случаев этого оказывалось все же мало; поэтому и нет ничего удивительного в том, что история гражданской войны не знает „разведывательных" моментов, сколько либо выдающихся в стратегическом масштабе, как мы уже и указывали *).

Конница разведывала лишь постольку, поскольку это было необходимо для нее самой (ближняя и боевая разведка), да и это дело, надо признать прямо, было поставлено, в общем, неудовлетворительно; Шапошников совершенно прав, говоря, что „в первый период гражданской войны перед нами предстала разведывательная деятельность конницы со всеми ее недостатками в обстановке наших дней", отмечая при этом и то обстоятельство, что общие результаты дальней *войсковой* разведки улучшились лишь тогда, когда единичные самолеты, имевшиеся у нас в начале войны, уступили свое место правильно организованным авиационным группам, на которые и легла *в полном об'еме* вся тяжесть несения дальней разведывательной службы, в частности—на Западном и Южном фронтах в 1920 году.

Суммируя сказанное, не будет слишком смело утверждать, что, не взирая на явно повышенный и выгодный у нас процент соотношения конницы к прочим родам войск, авиация все же оказалась в гражданской войне *главным*, если не единственным источником ориентировки высшего командования

Обобщая по данному вопросу итоги обеих минувших войн—нельзя не признать, что они вполне согласованно свидетельствуют об упадке в этих войнах оперативного значения дальней кавалерийской разведки и о всевозрастающем значении пришедшей ей на смену воздушной разведки.

Из этого мы и исходим в нашем дальнейшем изложении, считая, что всякие попытки доказать обратное могут показаться удачными (да и то на первый взгляд) лишь при подтасовке исторических фактов, всегда легко разоблачаемой, ибо спорить против очевидности, конечно, можно, но расчитывать на успех этого начинания—по меньшей мере, трудно.

---

*) Подтверждение этого явления можно найти и в зарубежной литературе, напр., в обзоре полковника Фурнье—„Красная большевистская армия", причем автор об'ясняет это, преимущественно, фактом широкого привлечения конницы к самостоятельным оперативным заданиям. (Revue militaire française, 1922 г. №№ 13 и 14).

Мы позволяем себе думать, что усилия в этой области достойны лучшей участи и, в частности, использования их для розыска тех *новых* путей, идя по которым конница могла-бы вновь занять соответствующее место в области разведывательной службы, на началах, определяемых всей современной боевой действительностью.

Выявить эти начала мы и считаем своей задачей, по пути к разрешению которой мы остановимся на выяснении причин упадка значения разведывательной деятельности конницы в минувших войнах.

Явления упадка приходится рассматривать при этом совершенно *самостоятельно*, вне всякой связи его с появлением авиации, ибо последняя выдвинулась в мировую войну, как *новый, самостоятельный* фактор войсковой разведки, не имевший никакой возможности непосредственно повлиять на успешность или неуспешность отправления конницей разведывательной службы, а лишь создавший ей конкурренцию, в которой он и восторжествовал, доказав свое превосходство.

Действительно, разведывательная деятельность конницы в мировую войну, подвергаемая нами оценке, охватывает лишь сравнительно короткий период маневренных операций в 1914 г. и в дальнейшем, с наступлением позиционного периода, замирает до конца военных действий. Авиация-же в первый период войны не имела даже боеспособности (вооружения) и никак не могла, следовательно, повлиять на земную разведывательную службу конницы. Причины неуспехов этой службы, которые мы считаем, повторяем, вполне установленными, приходится таким образом искать *на земле*, а не в воздухе, и это может только способствовать яркости и законченности выводов о дальней разведке конницы, как таковой, в условиях недавнего прошлого.

Ответ на интересующий нас вопрос мы без всякого труда находим у целого ряда видных участников и исследователей мировой войны.

Шапошников в России („Конница"), Карьерр во Франции („Конница"), Балк и генерал-инспектор кавалерии Позек—в Германии („Развитие тактики в мировой войне"—Балка и ст. генерала Позека „Германская конница на Западном фронте в 1914 г.") *) и целый ряд других авторов единогласно считают основной и важнейшей причиной неуспеха дальней кавалерийской разведки слабость разведывательных органов (разведывательных эскадронов) и неспособность их преодолеть огневое сопротивление *даже* передовых пехотных частей противника.

Вполне солидарны все названные авторы и по вопросу о мерах к устранению этого явления, которое рисуется им в виде придачи разведывательным эскадронам—пехоты на подводах, самокатчиков, пулеметов, броне-машин и даже... отдельных орудий (Балк и Позек).

Что касается гражданской войны, то причины несовершенства дальней кавалерийской разведки были нами уже очерчены. Необходимо, однако, оговорить то обстоятельство, что красная конница, при всем несовершенстве своей тактической выучки, интуитивно пошла

*) „Военный Зарубежник", 1922 г. № 16.

как раз по пути практического осуществления перечисленных выше требований. Еще в тот период, когда опыт мировой войны не был даже под'итожен, в самый разгар гражданской войны, красная конница уже обнаруживает стремление вести разведку, поскольку она вообще велась, на основе численного усиления разведывательных органов и обильного снабжения их техническими огневыми средствами (пулеметы на тачанках и броне-машины), причем успешность этих попыток, равно как и самый факт их, отмечается даже не нами, а нашими противниками *).

И хотя эта разведывательная работа красной конницы приближается по своим задачам скорее к ближней, нежели к дальней разведке, все-же факт инстинктивного уклона в сторону требований, выдвигаемых ныне учеными авторитетами, является весьма знаменательным.

К сказанному надо добавить, что эти требования высказываются постольку, поскольку речь идет о дальнейшем существовании прежней схемы организации и ведения дальней разведки, центр тяжести которой лежит преимущественно *в действиях самих разведывательных органов*. Поскольку так—необходимо усиление их и обильное снабжение огневыми средствами.

Но на ряду с этим, у целого ряда авторов проскальзывает мысль, что ударные действия целых крупных кавалерийских соединений с целью *боем* добыть нужные сведения, все-же больше обеспечивают результаты разведки, нежели непосредственные действия разведывательных органов.

Указать пределы усиления последних крайне трудно, почему это „усиление" идейно знаменует собою необходимость для самих конных масс втягиваться в бой, не отыгрываясь на одной работе разведывательных органов, как это, по свидетельству Шапошникова (цитирующего и других авторов), обычно наблюдалось в мировую войну.

„...Конные массы должны боем прокладывать дорогу для своих разведывательных частей. Это положение до войны было твердо установлено и не вызывало сомнений, но опыт мировой войны внес скептицизм и сюда..." пишет Шапошников, и далее об'ясняет это явление „отсутствием чутья и решительности у начальников конных масс *бросаться всеми силами* в район сосредоточения противника с задачей пробиться в него через передовые части с целью освещения указанного района".

*) Келчевский, „Думенко и Буденный"—„Смелые исполнители технических идей по ведению разведки передовыми (*очевидно разведывательными? В. М.*) эскадронами, они (Думенко и Буденный) и сюда внесли свое новое. Высылая на разведку редко по одному, и большей частью по два и даже по три эскадрона на каждое направление, они снабжали эти эскадроны большим числом ездящих пулеметов (на тачанках) и, сбивая разведывательные части противника, всегда добивались цели разведки. Благодаря этому, они подходили к полю боя и вступали в бой всегда с открытыми, а не закрытыми неизвестностью глазами". (*По смыслу сказанного речь идет, повидимому, скорее об усиленной ближней (колонной), чем о дальней разведке. В. М.*).

Вполне соглашаясь с Шапошниковым, мы полагаем, с своей стороны, что не меньшее значение сыграла и техническая затруднительность такого приема при уставной схеме организации разведки, которая предусматривала возможность сосредоточения ее в руках одного начальника на фронте до 40—45 верст. Такое разбрасывание конного соединения, идейное происхождение которого мы проследили в самом начале нашей работы, само по себе ограничивало возможность сосредоточить его для „броска" в расположение противника. Отсюда—естественное отыгрывание на работе одних разведывательных органов со всеми уже изложенными выше последствиями этого, из которых наихудшим приходится признать боевую пассивность главных сил конницы, сведенных к роли резерва свежей силы для замены разведывательных органов.

Мы умышленно остановились так детально на истории разведывательной службы в минувших войнах с целью подчеркнуть те основные выводы, которые намечаются в результате исследования вопроса, как теоретически, так и по данным непосредственного боевого опыта.

Эти выводы приводят, на наш взгляд, к такого рода заключению: авиация вполне доказала способность принять на себя задачу *общего* дальнего разведывания по всему фронту, и справлялась с этой задачей быстрее конницы, давая при этом *ничуть не менее полные сведения*, нежели последняя, зачастую оказываясь значительно выше ее в этом отношении и даже в деле *детализирования* этих общих данных.

Конница же встретила серьезные препятствия к успешному отправлению своей разведывательной деятельности, в об'ективных условиях современной боевой действительности поставившей перед ней задачу *пересмотра* приемов своей работы и самой цели последней в соответствии с этими условиями, одним из которых следует считать и успехи авиации, как-бы дублирующей ныне разведывательную работу конницы, *откуда необходимость поделить роли.*

Если остаться на прежней точке зрения, настаивающей на проведении в наши дни метода работы конницы на широком фронте *), то окажется, что это будет возможно лишь при значительном численном увеличении конницы в масштабе вооруженных сил страны. Это прямо вытекает из необходимости, уже зафиксированной нами, усилить разведывательные органы до тех пределов, которые обеспечат им необходимую боевую (вернее—огневую) самостоятельность и устойчивость, как стимул успешности их действий.

Отсюда—необходимость говорить не о разведывательных эскадронах, а о разведывательных дивизионах, а, может быть, даже полках

*) Подразумевая фронт, назначаемый отдельным кавалерийским соединениям, т. к. в масштабе армий фронт разведки в целом будет, может быть, и прерывчатый, но, естественно, всегда широкий. Мы просим не забывать этого раз'яснения при дальнейшем чтении.

и более, поскольку развитие огня идет таким темпом, что всякие организационные мероприятия на практике, обычно, далеко отстают.

Такие перспективы, как-бы заманчивы они не были, конечно, не сбыточны по целому ряду причин, хотя-бы, прежде всего, экономического характера.

А поскольку мечтать о том увеличении конницы, которое было-бы необходимо—(примерно, раза в два, в три против существующего) нельзя—нужно искать другой способ целесообразно использовать имеющуюся в наличии, ибо о разведывательных дивизионах или полках, как *нормальном* способе, при этой численности конницы, тоже мечтать не приходится, а единственно доступное—разведывательные эскадроны—забракованы боевым опытом.

Выход из положения подсказывается всем уже изложенным выше—вовсе отказаться от дробления конницы для целей разведки, а иными словами—*сдать в архив идею разведки крупными соединениями на широком фронте.*

Можно отрицать какие угодно преимущества воздушной разведки, кроме способности ее *при всяких условиях* в кратчайший срок установить районы крупных группировок противника и проследить в дальнейшем направление перебросок последних.

Всех, желающих возражать по существу этого положения в деталях (ночь, непогода, маскировка) и т. под., мы отсылаем к книге Шапошникова „Конница“ с просьбой возражать непосредственно ее автору, к взглядам которого мы всецело присоединяемся, равно как и к мотивировке их. От себя добавим, что дело маскировки, какого-бы она совершенства ни достигла (а до этого еще очень и очень далеко), все-же никогда не сможет укрыть всех характерных признаков насыщения того или иного района войсками, даже при условии пребывания их на месте. На походе-же об этом пока не приходится и говорить.

Отсюда—полная возможность принципиально отказаться от использования конницы именно для вышеуказанной цели, составлявшей раньше одну из ее основных задач.

Это приведет, помимо экономии чисто физических сил конницы, к возможности *сразу-же* сосредоточивать массы ее на важнейших направлениях (где они и должны вообще быть), не разбрасывая ее предварительно перед фронтом армий, *откуда стягивание ее сопряжено обычно с рядом затруднений, а то становится и просто невозможным* *).

---

*) Затруднительность эта прямо подчеркнута ст. 87 нашего „Пол. Уст.“ (1918 г.); к тому-же конница, разбросавшись перед фронтом, почти никогда не успевает выполнить теоретического «отхода на фланги и передачи разведки дивизионной коннице и пехоте» (ст. 77 Пол. Уст.), а оказывается механически втянута сама в события на фронте подошедшей пехоты, откуда извлечь ее оказывается зачастую уже не мыслимо, без явного риска с оперативной точки зрения: прямым последствием этого оказывается спешивание конных масс, как это и подтверждает, напр., история кавалерийских корпусов на Западном фронте в 1914 году.

Бернгарди после войны 1914 года писал, что „кавалерия, как будет только возможно, должна быть избавлена от тягот дальней разведывательной службы"; надо полагать, что он имел в виду как раз те тяготы, которые вытекают из разбросанной работы на широком фронте, каковая была в его время преимущественной формой использования конницы для целей дальней разведки.

Современное развитие авиации даст возможность приблизиться практически к осуществлению этого принципиального положения почтенного автора и освободить конницу от этой работы, отводя ей относительно не широкие, но зато *глубокие* полосы (районы), выясненные авиацией, *почти всецело берущей на себя и функции наблюдения за районами, не наблюдаемыми стратегической конницей* *).

Способность авиации к успешному выполнению этой последней задачи несомненна, даже при относительной *бедности* в авиа-средствах; минувшая война—лучшее тому доказательство, поскольку наша конница никакой разведки на широком фронте (в уставном понимании) вообще не вела, слабая-же наша авиация справилась с задачей разведывания не только на очень широком, но и на весьма прерывчатом фронте, характерном в минувшую гражданскую войну.

Изложенный взгляд на взаимодействие конницы и воздушного флота существует как будто давно; так, напр., у Матковского (1911 г.) попадается такое место: „Дирижабли с головокружительной быстротой произведут основную разведку в крупных чертах, наметят канву, расшить на которой требуемые узоры составит дело конницы". Однако, если образное сравнение о вышиваемых узорах остается в силе и поныне, то технику этого „вышивания" приходится мыслить себе совершенно иначе, нежели это делалось к началу мировой войны, в частности тем-же Матковским, убежденным сторонником разведывательных эскадронов и признанным теоретиком их службы.

Неудачи „вышивания" в эту войну и являются стимулом для пересмотра организационных форм этой работы на основе отказа от разбрасывания на широком фронте и яркого опукления идеи *боя и стремления в тыл противника*, преломленной сквозь призму современной боевой действительности.

Уместно вспомнить, что существующие приемы организации и ведения дальней разведки, изложенные в Полев. Уставе, относятся к временам весьма отдаленным, примерно к 1910—1911 году, и отражают переломный момент, когда конница, сознав невозможность работать одними офицерскими раз'ездами, искала новых путей и оживленно дискуссировала вопрос о передовых и разведывательных эскадронах, идея которых восторжествовала и была оффициально признана на страницах Полевого Устава.

---

*) Это наблюдение будет дополняться разведкой агентуры, а по мере надобности—разведкой дивизионной конницы и пехотных частей. Боязни пространства здесь быть не должно, так как в условиях громадного протяжения прерывчатого фронта маневренной войны заткнуть все „дыры", конечно, невозможно; этого не могла-бы сделать и конница, даже при явно фантастическом % соотношении ее к прочим родам войск.

Однако, самый замысел этой идеи—разведка боем, силой—оказался атрофирован уже в периоде своего зачатия куцыми организационными формами, откуда и все неудачи разведывательных эскадронов в мировую войну, несмотря, как пишет Шапошников, „на хорошо разработанную до войны теорию этих эскадронов“.

Эта теория явно недооценила значение и мощь огневой действительности даже того времени (1910—1911 г. г.), не говоря уже о видах на будущее. Оценка последнего была вообще теоретическая и явно недостаточно прозорливая; уместно вспомнить, хотя-бы, взгляд на пулеметы и на их значение, в частности—в коннице. Последняя, после долгих дебатов, получила незадолго до войны по 8 пулеметов на дивизию (в среднем, по 2 на полк, но без органического включения в состав полков—дивизионные команды); между тем, наличие уже в то время того-же количества пулеметов (8) при каждом полку отнюдь не было-бы преувеличением. Но этого не понимали или не хотели понять, и нет ничего удивительного в том, что действительность первых-же дней мировой войны рассеяла все надежды, возлагавшиеся в стратегическом масштабе на работу разведывательных эскадронов, ныне окончательно развенчанную историей.

На этом мы считаем возможным закончить мотивировку выдвигаемых нами положений, которые и формулируем конкретно следующим образом:

1. *Общая* дальняя разведка на широком фронте впереди армии переходит, в принципе, *всецело к авиации.*

2. Конные массы, по мере выяснения с воздуха важнейших оперативных направлений, *сразу-же* сосредоточиваются на них, получая определенные задания, имеющие целью *дополнить и уточнить* непрерывно продолжающуюся авиа-разведку.

3. Эти задания определяют для конницы необходимость добыть *с боя* нужные сведения на флангах и, *преимущественно, в тылу* противника, собирая их путем опроса жителей, пленных, нападений на штабы и аэродромы (захват документов) и на линии технической связи (перехват сообщений) и, вообще, в результате *активных боевых действий крупными силами.*

4. Таким образом *рейд* в тыл противника крупными соединениями *) становится важнейшей формой ведения дальней кавалерийской разведки в наши дни. Центр тяжести непосредственной разведывательной работы переходит *к самим конным массам,* освобождая разведывательные органы от непосильной для них задачи—прорыва расположения противника и сбора сведений в его тылу.

5. Фронт *конной* разведки рейдирующей конницы не превышает размеров, необходимых на общем основании при совершении походных движений в предвидении боя; разведка эта исполняет, таким образом, функции *ближней* (колонной, охранительной) разведки, удаляясь от главных сил верст на 12—15; разведывательные органы усиливаются; разведывательный эскадрон, усиленный тяжелыми пуле-

*) Принципиально—не меньше дивизии.

метами, может успешно выполнять *эти* функции, приходя на смену отдельному раз'езду, как типу органа ближней разведки в прошлом.

6. Более глубокое освещение района рейда для нужд рейдирующей конницы выполняется авиацией, *органически* состоящей при кавалерийской группе, ушедшей в набег, и теснейшая связь и взаимодействие с которой для конницы совершенно *обязательно*.

Эта-же авиация несет воздушную охрану рейдирующей конницы и содействует ей непосредственно в бою.

По мере возможности должна быть достигнута и связь с армейской авиацией, причем инициатива этого должна принадлежать авиации по указаниям армейского командования.

7. Вся сложная схема земной связи главных сил конницы с ее разведывательными органами отпадает, и сведения даются непосредственно от главных сил, прямо из тыла противника по радио, по воздуху и т. п., тотчас по мере получения их, в результате боевых действий этих сил.

8. Участки фронта (и соответствующие им тыловые участки), где действия конных масс с разведывательными целями не представляются по обстановке необходимыми—освещаются с воздуха и агентурой, а по мере надобности—дивизионной конницей и прочими видами войсковой разведки.

9. В конечном итоге, разведывательная деятельность крупного кавалерийского соединения выливается в форму боя *в тылу* пр-ка, что технически влечет за собой (или наоборот) *одновременное* выполнение и других, не менее важных, заданий—производство разрушений, поднятие восстаний и т. п., *при этом опять-таки на важнейших направлениях*.

10. Разведывательно-боевой рейд конницы должен быть, как правило, строго согласован с операциями на фронте и самостоятельного оперативного значения иметь не может.

11. Разведывательно-боевой рейд является одновременно и наилучшим способом отвлечения конницы пр-ка от попыток вторгнуться в наше расположение, оттягивая ее в район нашего рейда, для чего необходимо, однако, опередить ее действия своими, что выдвигает требование решительности в использовании своей конницы для рейда высшим командованием.

Таковы те тезисы, что ли, к заголовку нашей работы, которые мы предлагаем оспаривать.

Рейд конницы, т. е. организованный прорыв или выход ее в тыл, является несомненно той *единственной* формой ее использования, которая сулит наибольший успех как разведывательной ее работе, так и чисто боевой, *причем грань между обоими как будто стирается*.

Эта форма использования стратегической конницы одновременно раз навсегда, освобождает ее от „прилипания“ к пехоте, от операций „на участке“ в пределах разграниченных линий, и открывает пред конными массами во всю их ширь перспективы *самостоятельной* оперативной работы, единственно целесообразной в наши дни.

Мы полагаем, что подобное понимание будущих разведывательных задач конницы во всех отношениях оправдывается и теоретическим исследованием вопроса, и историческим материалом о рейдах, изобиловавших в эту войну, где они являлись излюбленной и всегда усиленной формой использования крупных масс конницы (рейды Буденного, Примакова и др.).

Мы определенно утверждаем, что если рейды эти не дали особых результатов в разведывательном смысле, то *исключительно* в силу недостаточности и несовершенства снабжения техническими средствами беспроволочной связи, *главное*—на почве полнейшего отсутствия связи с воздушным флотом. В силу этого рейды обычно выливались в форму самостоятельных боевых операций с чисто материальными и оперативными результатами, весь-же добывавшийся ценнейший разведывательный материал обычно оставался неиспользованным для высших штабов и лишь частично использовался самой конницей для своих нужд, что было, конечно, недостаточно. В правильности изложенного мы неоднократно убеждались на личной практике, во время рейдовой работы.

Последней своей задачей мы считаем установление того, в какой мере положения нашего Полевого Устава 1918 г. о дальней разведке соответствуют всему изложенному.

Ст. 146 этого Устава гласит: „Набеги на фланги и в тыл противника предпринимаются: для разведки в периоды между главными операциями и для выполнения боевых задач—в связи с ними“.

Таким образом, возможность набега (рейда) с разведывательной целью *в период операций и в теснейшей связи с ними* как будто даже и не мыслилась составителями устава, точно также и не мыслилась ими и возможность получения разведывательных данных от чистого боевого рейда, согласованного с операциями на фронте.

И это становится понятным, если вспомнить, что во времена составления этого устава*) и авиация и средства беспроволочной связи**), как факторы ассимиляции разведывательной и боевой работы конницы, были еще в зачаточном состоянии.

Правда, в издании 1918 года вкраплены сведения о службе этих родов войск, но вкраплены чисто механически, без всякой органической связи с идейным содержанием Устава, очевидно как на спех принесенная дань опыту мировой войны. Это становится особенно наглядным, когда обращаешься к главе о дальней разведке, из которой узнаешь (ст. 116), что „главная цель армейской конницы... проникнуть *своими частями* (!) к главным силам противника“, причем этими частями являются „преимущественно разведывательные эскадроны“ (ст. ст. 111 и 117), об обязательности усиления огневой мощи которых в Уставе вообще ничего не говорится.

*) Наш полевой устав 1918 г. является, в сущности, перепечаткой полевого устава старой армии 1912 г.; в отдел разведки ничего нового не внесено.

**) Успехи радио-телеграфирования приходится учитывать в пользу всего сказанного особо.

Отсталость нашего Пол. Уст. можно легко проследить и по содержанию ст. 77, согласно которой несение разведывательной службы „при значительном удалении противника“ возлагается „*преимущественно*“ на конницу, воздухоплавательные же средства применяются для разведки... в зависимости от „их свойств(?!)“. Едва-ли можно дать более превратное в принципе и более туманное по содержанию понятие о взаимодействии конницы и авиации в наши дни.

Упоминание в ст. 115 о том, что об'единение разведки в руках *одного* начальника на фронте *более* 45 верст „может“ затруднить управление—наводит на мысль, что возможность такого об'единения в принципе не исключается и вызывает образную картину такого об'единения, неповоротливость которого прямо подчеркнута в ст. 87, равно как и вся сложность связи при этих условиях (ст. 85).

Лица, колеблющиеся на грани старых и новых веяний (а сколько их!) и не решающиеся одним махом оторваться от привычных форм прошлого, прибегают обычно к ссылке на ст. 120, утверждая, что она открывает старшему кавалерийскому начальнику полный простор действий, почему и никакой особенной надобности в перередактировании устава нет. Однако, при ближайшем ознакомлении с этой статьей, оказывается, что принцип последовательного дробления до неизбежных разведывательных эскадронов и отдельных раз'ездов проведен и здесь с той же последовательностью, не открывающей никаких перспектив для активных массовых действий и обеспечивающей разве что осторожное „нащупывание“ по фронту противника.

Утешающим обстоятельством остается, правда, то, что фронт этого нащупывания широкий...

Сказанного, пожалуй, достаточно для того, чтобы обрисовать явную неудовлетворительность уставных положений о дальней разведке; это нельзя, впрочем, поставить в вину составителям устава, уже благополучно отпраздновавшему десятилетие с лишним. В свое время все это было, быть может, и приемлемо, но ныне требуется коренная переработка на изложенных выше началах.

Настаивая на полном принципиальном признании правильности выдвигаемых нами положений, мы оговариваемся, однако, что исключительные обстоятельства нашего военного строительства таковы, что известная постепенность перехода в переработке устава, конечно, необходима. Но мы совершенно несогласны с тем мнением (большинства—на наш взгляд), которое считает, что в основу этой переработки должно быть положено *смешение* старого и нового на очень осторожных началах, постольку-поскольку. В военных вопросах такая соглашательская методика вовсе неприемлема; наоборот, должны быть совершенно отчетливо формулированы принципиальные основания и соображения, влекущие за собой необходимость переработки; в первую очередь это должно коснуться указаний 77 и 146 ст. ст. Затем уже должны быть определены организационные формы; при этом, поскольку временное *полное* отсутствие авиасредств, напр., может *принудить* к использованию армейской конницы по прежним методам (вы-

сылка разведыв. частей на широком фронте, следует дать понятие и об этой службе, но четко подчеркнув ее *подсобное* значение и оговорив все организованные детали ее со всеми возможными поправками на современность *обязательная* обильная придача разведывательным эскадронам пулеметов, автоматов, иногда—броне-машин.

Короче говоря, не должно оставаться никаких недоговоренностей, и взаимодействие конной*) и воздушной разведки, а равно и задачи каждой из них, должны найти себе ясное и точное определение.

Это совершенно необходимо и с точки зрения правильного обучения войск в мирное время и в целях урегулирования требований к конным массам со стороны армейского командования, получающего их в свое распоряжение. Эта последняя сторона дела протекает почти всегда с традиционными шероховатостями, и поскольку обычная причина этого—недостаточное знакомство с характерными особенностями службы конницы (и подавно уже и авиации), постольку нужда в исчерпывающих и вполне современных указаниях особенно велика.

В заключение необходимо оговорить еще и то обстоятельство, что беспрепятственное и успешное несение стратегической конницей своей специальной службы в современных условиях настоятельно требует доведения состава дивизионной конницы в принципе не *менее*, чем до полка 6 эскадронного состава на стрелковую дивизию**).

В противном случае использование стратегической конницы всегда будет грешить уступками недостатку в коннице при пехотных частях, со всеми вытекающими из этого последствиями, вплоть до невозможности вообще оторвать конные массы от пехоты и атрофирования их основных свойств по роду войск.

Мы пользуемся случаем, чтобы определить наш взгляд на ближнюю разведку. Мы полагаем, что она должна работать, примерно, на переход от своих частей, проникая, по мере возможности, в *ближайший тыл* противника и добывая там данные, ценные в *тактическом* отношении (для войсковых начальников). Эта работа ее несомненно будет разделяться в самом недалеком будущем и авиацией, состоящей при корпусах и дивизиях (ближняя воздушная разведка).

Все-же *стратегически* важные сведения могут быть добыты лишь из *глубокого* тыла, и это выполнимо для конницы лишь в порядке рейда, т. е. боевой операции крупными силами, *в теснейшей связи с армейской авиацией и со своей собственной* (*приданной коннице*).

Повторяем—грань между дальней разведывательной службой и непосредственно-оперативной (боевой) работой *крупного* кавалерийского соединения должна быть в наши дни стерта и заменена знаком полного тождества, а набеги (рейды), отнесенные Кав. Уставом (ч. II и III, п. 6, в) к предприятиям „малой“ войны, должны быть

*) Как крупных соединений, так и частей дивизионной конницы.

**) Еще лучше—отдельная двухполковая бригада с отдельной батареей—образец достигнутый, напр., в Румынии (бригада на корпус).

выдвинуты (их выдвигает сама жизнь) на место *главной* задачи конницы в процессе ее оперативной работы

„Даешь тыл“, как говорили бойцы в гражданскую войну, ибо этот тыл—единственная арена деятельности конных масс в наши дни, как обеспечивающий необходимый простор для их работы, столь стесненной на полях современных сражений, и таящий богатейший разведывательный материал.

Нас обвинят, конечно, в стремлении увести конные массы с фронта, туда, „где легче“, в ущерб пехоте, борящейся на линии огня и лишаемой содействия конницы *в бою.* Найдутся, несомненно, знатоки буквы устава, которые припомнят „прямые“ указания уже однажды процитированного нами п. 6 Введения к ч. II и III Строевого Кавалерийского Устава о том, что содействие прочим родам войск в достижении общей цели, именно *в бою—есть главная задача конницы**) и что разведка, а тем паче рейды, каковы бы они ни были, являются, хотя и важными, но „прочими“ отделами деятельности конницы, увлечение которыми грозит самыми пагубными последствиями.

На это мы ответим: о том, что главной задачей конницы является содействие прочим родам войск в достижении общей цели, спорить, конечно, не приходится; насчет же слов *„в бою“* спорить не только можно, но должно, поскольку это касается, в частности, конных масс, а не дивизионной конницы.

Если еще сравнительно недавно эти массы могли найти себе место на поле общего сражения, если они могли, как таковые, вмешиваться в ход этого сражения и иногда даже решать его участь чуть ли не на глазах пехоты в порядке чисто тактических действий, то в наши дни картина резко меняется.

В горниле современного боя конные массы уже не найдут себе места, а если и найдут, то только пешком; история войны на Западном фронте в 1914—1918 г. г.—лучшее тому доказательство. Даже комбинированный бой на линии огня будет, вероятно, редкостью, а молниеносный эффект массовых конных атак прошлого останется лишь идейным воспитательным стимулом кавалерии

Меняются времена—меняются и формы; неизменной остается лишь та истина, что коннице во всех случаях своей деятельности необходимо искать *фланги и тыл противника.*

В прошлом конные массы искали эти фланги и тыл тактически, на поле боя; в наши дни—они вынуждены углубляться дальше, несомненно в ущерб зрительной связи с ними прочих родов войск, но едва ли в ущерб общему делу.

Сакраментальная формула о флангах и тыле остается, но осуществление ее проходит под знаком своей эпохи—эпохи пустынности полей сражения и неслыханного развития огня и техники, рождая понятие *самостоятельной* оперативной работе конных масс на *театре войны,* неизвестное в прошлом периоде их исключительно тактического использования на полях общих сражений.

*) Курсив устава.

И поскольку эта самостоятельность конных масс, так пугающая многих призраком партизанщины, позволяет им об'единить боевую работу с разведывательной, агитационно-повстанческой и др., то какие причины могут способствовать предубеждению против этого метода ее использования?

Реальная, правда, возможность того, что конница, брошенная в набег, опоздает к розыгрышу на фронте, подобно Стюарту под Гетисбургом?

Что будет этим потеряно?

Проследим для примера те противоречия, в которых запутался по этим вопросам даже такой убежденный автор, как Б. Шапошников, отрицающий и целесообразность ведения дальней кавалерийской разведки, и целесообразность рейда, и, наконец, самую возможность участия крупных конных масс в общем бою.

Мотивировка его отрицания рейда такова: „Конницу, отправленную в рейд, надо заранее вычеркнуть из боевого состава фронта", и далее... „выбрасывая в рейд значительные силы конницы, командование лишается содействия крупных сил этого рода войск"...

Таким образом ошибиться невозможно, одна и та же мысль повторяется.

Между тем, сам же Б. Шапошников заявляет дальше, уже в порядке нумерованных тезисов: „Современная авиация... почти исключила возможность участия крупных сил конницы в сражениях совместно с другими родами войск".

Итак, спрашивается, что же остается делать конным массам и армейскому начальнику, имеющему их в своем распоряжении?

И не лучше ли, не мудрствуя лукаво, признать, раз и навсегда, что в обстановке наших дней, дней машинизации фронта и болезненной чуткости его тыла, милиционизирования армий и роста классовых брожений, место конных масс *только на флангах и, преимущественно, в тылу* противника, причем пребывание их там *именно в разгар операций, в решающий их период*, является идеальным моментом в пользу того высшего начальника, который решился их туда направить, с'умел это своевременно проделать и отрешился от боязни пространства, выигрывая этим возможность использовать свою конницу одновременно и как фактор дальней разведки и как фактор чисто оперативный.

Нужна лишь согласованность намерений и действий—это задача организации; нужна постоянная осведомленность начальника рейдирующей конницы и взаимная связь с ними—это дело беспроволочной связи и воздухофлота и вопрос обеспечения рейда тем и другим.

Нужны яркие, сильные личности во главе конницы—это вопрос подбора ее начальников; нужна конница, как таковая—это вопрос ее организации, обучения и воспитания.

И, наконец, и это пожалуй, главное, как мы уже и подчеркивали —жизненно необходимо доведение численности дивизионной конницы до тех пределов, которые обеспечат армейскому командованию воз-

можность использовать конные массы, не задаваясь ежеминутно вопросом „о своевременности их возвращения для участия в бою“*).

Если присутствие конницы, как рода войск, на полях будущих сражений еще необходимо, то эта работа должна лечь на части дивизионной конницы, всесторонне, главным образом, в организационном отношении, к этому приспособленные**).

И нам кажется, что эта задача нашего военного строительства, столь серьезная и важная, может и должна быть разрешена, если только мы хотим сохранить за конными массами то устрашающее значение, которое они прочно завоевали в глазах наших противников именно систематическими действиями по их тылам или повиснув у них на флангах.

Не менее важно осуществить, наконец, и органическое включение в состав высших кавалерийских соединений авиационных и броневых частей, находящихся в подчинении начальника конницы, о чем, в качестве пока что платонического пожелания, говорится чуть ли не с 1918 года.

Будь все это на лицо, кто останется в рядах наших идейных противников? Разве только те, кто не потерял еще веры в то, что мы „всех порубаем“ при каких угодно обстоятельствах.

Но ведь собирались же в 1905 году закидать японцев шапками...

Этот исторический прецендент взывает к удвоенной осторожности и в вопросе о „рубании“.

Да, рубать мы будем и не один еще раз, но для этого надо указать конным массам путь, идя по которому они не наткнулись бы на непреодолимые для них огневые клещи современных полей сражений, а нашли бы простор, необходимый для развития и использования *всех* своих основных свойств, как рода войск.

Во всех противоречиях, которые сплетаются вокруг этих вопросов, кроется громадная идеологическая опасность; они чреваты возможностью новых колебаний и шатаний веры в конницу, новых периодов неустойчивости взглядов, со всеми их последствиями, если только тенденции „рубак во что бы то ни стало“, одержав верх, провалятся с первых же дней будущей войны (на что много, слишком много данных).

Избежать этой опасности можно лишь решительным признанием за конницей всех ее суверенных прав, как рода войск, в условиях работы в тылу противника, признав этот тыл *главной* ареной оперативной работы ее крупных масс в наши дни.

Это—программа минимум, *уже* дающая неисчислимые преимущества и в боевом, и одновременно и в разведывательном отношении,

---

*) В чем Б. Шапошников и его единомышленники по этому вопросу оказываются еще требовательнее, нежели наш Пол. Устав, который в 126 ст. указывает на обязательность своевременного участия в бою своей пехоты *лишь* дивизионной конницы, почему либо далеко отделившейся.

**) Польша—стратегическая конница—уланы и шеволежеры, дивизионная—конно-стрелковые полки, при значительной разнице в организации.

как мы пытались доказать. Можно будет достигнуть большего—еще того лучше. Но лучшее—почти всегда враг хорошего, откуда необходимость сугубой осторожности.

Даже Балк, этот осторожный и сдержанный немец, и тот рискнул признать в своем „Развитие тактики в мировой войне“, что... „осужденные ст. 527 Строевого Кавалерийского (германского) Устава набеги получают в наши дни иное значение“...

Тем более непонятно и вместе с тем обидно, что у нас, создавших недосягаемые образы рейдов, противники последних вот-вот положат на обе лопатки группу их проповедников, положат при этом в порядке эффекта всего на всего громких фраз о партизанщине, о непонимании основ взаимодействия различных родов войск(?)... о технической невозможности рейдов в наши дни...

Забыли Буденного, Примакова, забыли кровавый путь, протоптанный красными всадниками по белым тылам, забыли отскоки фронта противника на десятки, сотни верст под напором взрыва изнутри.

Все это забыто во имя торжества классического (не ложно-классического-ли?) направления, воплощаемого цитатами из уставов сверхдесятилетней давности.

Авось, лишь до первых выстрелов на границах...

Мы ясно отдаем себе отчет в том взрыве протеста и негодования, который будет вызван этой статьей. Мы были уже свидетелями его на предшествовавших словесных дискуссиях по этому вопросу, слышали и тяжелые обвинения в „наплевательстве“ на устав, в расшатывании моральных устоев, в подрывании веры в конницу и ее будущее.

Мы считаем, однако, возможным твердо итти по намеченному пути, не придавая этим нападкам никакого значения и продолжая верить в правильность всего сказанного, а также и вычитанного нами где-то утверждения, что всякая обоснованная, но новая смелая человеческая мысль переживает обычно три фазиса, причем в первых двух все твердят с возрастающей энергией: „Помилуйте, да разве это возможно“!, а в третьем—говорят друг другу: „Как, а Вы этого не знали“?

С твердой уверенностью в скорый переход наших тезисов в третий фазис и с непоколебимым убеждением в величие боевого будущего конницы, мы закрываем последнюю страницу нашей работы.

П. Дыбенко.

Тактические действия тяжелых пулеметов.

(*Значение пулемета в современном бою*).

Практика мировой и гражданской войны показала, что тот, кто ищет победы на полях сражения, должен достигнуть перевеса в могуществе своего огня над огнем противника. Война с применением высоко развитой техники требует не только преимущества духа

войск, их воспитанности, подготовки, проявления максимальной инициативы, находчивости, предприимчивости, но и умения хорошо владеть оружием, маневрировать и своевременно использовать все средства современного боя. Широкое применение на полях сражения усовершенствованного ручного огнестрельного оружия и бронированной, быстро маневрирующей техники меняет тактику всех родов оружия и, в первую очередь, тактику пехоты. Чтобы пехота не потеряла своего первенствующего значения и осталась бы царицей полей сражения, она должна обладать могущественными средствами, дающими в короткий промежуток времени наисильнейший и меткий огонь.

Пехота должна закаляться в огне, выносливостью и огнем прокладывать себе путь к достижению победы. Пехота должна знать, что быстрое движение вперед возможно при поддержке короткого, но сильного и меткого огня. Огонь прокладывает путь к движению и огонь дает возможность закреплять достигнутое с наименьшими потерями и с наименьшей затратой времени и средств. Если когда-то Суворов говорил, что: „Пуля—дура, а штык—молодец", то в те времена на полях сражения царил только дух. Огнестрельное оружие было неусовершенствовано, наносило незначительные потери живой силе и применялось с целью нанесения морального поражения. Для боя избирались плацдармы, где поле боя обозревалось простым глазом командующих армиями. Боевые порядки были основаны на линейных построениях сплошных фаланг.

При таком построении победа достигалась упорством штыковой атаки, упорством и умелым владением холодным оружием. Цель для холодного оружия всегда была видна. Она поражалась на самой близкой дистанции. Но уже русско-японская кампания показала, насколько примитивны были те средства, с которыми вышли на войну русские, думая победить японцев шапками и своим безрассудным самопожертвованием. Гражданская война 1917—20 г. г. еще более подтвердила другой факт, что даже при наличии многочисленных огневых средств, но неумении ими владеть и маневрировать, а также своевременно использовать в бою, они не играли сколько нибудь значительной роли в сражениях. Войска несли значительные потери в живой силе, и техника оставалась без применения и без прикрытия.

Еще русско-японская камнания потребовала умения маневрировать войсками и техническими средствами, давая должную оценку и значение огневой силе и огневым средствам, применяемым не только с открытых, но и закрытых позиций. Русско-японская война потребовала широкого применения орудий ближнего боя—пулеметов. Но русское командование все еще надеялось на суворовский штык, и русские войска вышли на войну, имея весьма ограниченное количество пулеметов. В бою под Мукденом на 378 баталионов имелось только 56 пулеметов, т. е. на 5400 бойцов—один пулемет. В японской же армии к этому времени был один пулемет на 1600 бойцов, т. е. почти в четыре раза больше. Стрельба из пулеметов и управление огнем стояло на весьма низкой ступени. Действие же самих пулеметов было разрознено, и по-

этому огонь пулеметов не выполнял тех задач, которые можно было бы от него потребовать. Мировая война застает уже все армии с усовершенствованной артиллерией (стрельба орудий с закрытых позиций и применение дальнобойной тяжелой артиллерии) и увеличенным числом тяжелых пулеметов со щитами, прицельными панорамами и пр. В русской армии на полк было не более 6 пулеметов, т. е. один пулемет, приблизительно, на 750 бойцов.

К концу мировой войны техника проделывает быстрый скачек прогресса, и армия насыщается не только легкой и тяжелой артиллерией и бронечастями, но и тяжелыми пулеметами, как могущественными орудиями ближнего боя. Уже в 1918 году, согласно инструкции Людендорфа от 17-го апреля, в германск. ротах вводится два отделения легких пулеметов, и полку придается пулеметная рота из 12 тяжелых пулеметов, которая впоследствии, для легкости маневрирования, была сокращена до 6 пулеметов. Людендорф в своей инструкции того времени предусматривал силу огня орудий, непрерывно следующих с пехотой и прокладывающих ей дорогу. Согласно этой инструкции, немцы, применяя тактику рассредоточенности атакующих частей, с применением широкого маневра даже в укрепленных полосах (обход с флангов и тыла) оправдали надежды Людендорфа. Там, где штурмующие части задерживались губительным огнем противника, им дорогу расчищали легкие пулеметы, а, в случае надобности, получали огневую помощь тяжелых пулеметов. Тяжелые пулеметы, находясь в непосредственной связи с пехотой, имея возможность поражать противника с закрытых позиций, первые приходили на помощь задерживающейся пехоте и прокладывали ей дальнейший путь. В дальнейшей своей инструкции, от 9 июня 1918 г., Людендорф говорит: „небольшие хорошие части пехоты, поддерживаемые пулеметами и артиллерией сопровождения, всегда будет иметь достаточную наступательную силу. Излишнее скопление пехоты вызывает только большие потери. Новая тактика нашей пехоты (меньше стрелковых цепей и штурмов массами, но зато больше атак группами пулеметов, поддерживаемых артиллерией сопровождения, гренадерами и бомбометами) обеспечивала нам успех и избавила от больших потерь“.

Если в данной инструкции проскальзывает боязнь Людендорфа за потери в людском составе, в момент кризиса такового к 18 году, а мы знаем, что немцы в начале войны не считались с потерями в живой силе, то мы должны заблаговременно подойти к разрешению данного вопроса. Мы должны разрешить его не тогда, когда будем чувствовать кризис в людском материале, а когда только будем накапливать, подготавливать и специализировать, на случай быть втянутыми в войну. Перед нами, в первую очередь, стоит вопрос в период мирного времени точно и определенно установить организационные формы, тактические действия, управление огнем и связь между отдельными группами пулеметов—батареями, как между собой, так и остальными родами оружия.

Опыт гражданской войны показал, что неумение владеть столь сильным и могущественным огневым средством, как тяжелый пулемет, неумение управлять огнем, отсутствие правильного руководства в управлении и неналаженность взаимной связи, даже при сверхестественной насыщенности пехоты пулеметами, не давали сколько нибудь положительных результатов. Процент попадания не превышал 5. Такая сила огня пулеметов только показывала противнику слабость и несостоятельность этого могущественного оружия в руках неумелых и неподготовленных руководителей. Были случаи, когда полки имели до 70 пулеметов и конница в конном строю рассеивала эти полки, неся совершенно незначительные потери.

Пехота, вооруженная легкими и тяжелыми пулеметами, при умелом руководстве огнем и управлении, быстро маневрирующая, не может даже допустить мысли, чтобы конница безнаказанно могла господствовать на полях сражения. Это значило бы доказать свою несостоятельность, потерять свое господство на полях сражения. Группа тяжелых пулеметов, расположенная за закрытыми позициями, хорошо замаскированная, является неуязвимой не только для артиллерии, но и для воздушного флота.

Ставя огонь тяжелых пулеметов доминирующим над всеми средствами пехоты (винтовки, ружья-автоматы, легкие пулеметы, гранатометы, гранаты) мы должны преследовать одну главную цель: пехота не должна быть зависима от подвижности пулемета в своих движениях, маневрировании. Пулемет не должен являться обременением для пехоты. Он должен, на ряду с пехотой, быть быстро подвижным и следовать там, где может пройти пехота. Пехота, отвечая требованиям современного боя, должна сохранить за собой присущую ей подвижность и независимость от местности, времени года, суток и погоды. Там, где может пройти один пехотинец, там должна пройти рота и ее непосредственная огневая поддержка—пулеметы.

Новый германский полевой устав, утвержденный в 1921 г., в своих отделах, при рассмотрении всех фазисов боя, уделяет весьма значительное внимание действию артиллерии. Мы не будем умалять значение артиллерии не только сопровождающей пехоту—полковой, но и тяжелой дальнобойной, если уделим особое внимание организационному действию пулеметных батарей, управлению их огнем и связи. Немецкий устав вскользь задевает действия пулеметов. Но весь немецкий устав базируется на опыте войны 1914—18 г. на западном фронте, после 4-х летней стоянки на одном месте, где существовали усовершенствованные дороги, средства передвижения, где нет той задержки в переброске и передвижении, как на участке нашей западной государственной границы.

На этом участке применение тяжелой артиллерии, бронемашин, танков будет зависить от времени года, атмосферных явлений, дорог, но пулемет даже в этой болотисто-лесистой местности во все времена года и при любых атмосферных осадках должен найти себе широкое применение. Тяжелый пулемет явится постоянным спутником и

верным соратником пехоты. На него должен быть обращен наш взор и применение его в бою должен знать не только каждый командир, но и каждый боец. Пулемет должны изучить все. Если в бою работа пулемета будет приостановлена из-за того, что перебита прислуга и некому будет владеть и управлять этой огневой машиной, это будет тягчайшее преступление, как со стороны командного состава, так и со стороны бойцов. Они лишат себя верной и надежной поддержки.

Они лишатся того, кто им в первую очередь прокладывает дорогу.

В настоящий момент почти во всех иностранных армиях на пехполк имеется от 32 до 36 тяжелых пулеметов и не менее 54 легких пулеметов и ружей-автоматов (Польша, Германия, Франция). Тяжелые пулеметы об'единены в организационном отношении и в отношении управления в пулеметные роты, взводы или пулеметные отделения, но не менее 2-х п-тов в отделении. Из этого видно, что пулеметы об'единены для удобства управления и командования в так называемые огневые пулеметные группы. На командном составе этих огневых пулеметных групп лежит обязанность:

а) указание задач для каждой группы, в связи с обще-поставленной задачей;

б) управление этими огневыми или пулеметными батареями;

в) управление огнем в бою;

г) выбор позиции, указание целей;

д) питание патронами в бою и забота о пополнении запасов патронов после боя;

е) установление безотказной связи между отдельными группами пулеметов и той частью, которую поддерживает своим огнем.

Для того, чтобы дать хотя бы общий очерк действия тяжелых пулеметов и их управления, необходимо рассмотреть действия таковых во всех фазах боя маневренной войны.

Действия тяжелых пулеметов во встречном бою.

Встречный бой чаще всего развивается в момент неожиданного столкновения противников при невыясненной обстановке, как с одной, так и с другой стороны, и, особенно, когда отсутствует воздушная разведка. В данном случае, бой начинается с столкновения передовых охраняющих частей—авангардов. Развитие и результат боя передовых частей имеет весьма важное значение на ход дальнейшего сражения. Тот, кто раньше предупредит противника своим сильным пехотным и артиллерийским огнем, кто заставит охраняющие части противника попятиться назад, захватив инициативу в свои руки, затем остается больше шансов на успешное развитие дальнейшего сражения. Предупрежденный сильным, неожиданным огнем противник вынужден будет преждевременно развертывать свои части и вводить в бой Противник, при данной обстановке, будет лишен возможности получить необходимые данные о положении в нашем лагере. Захват

инициативы дает возможность планомерно изготовиться к бою, получая более полную ориентировку о положении в лагере противника.

Для развития успешных действий охраняющие части должны иметь в своем составе ружья-автоматы, легкие пулеметы, гранатометы—т. е. в охраняющие части необходимо выдвигать целиком пулеметные отделения. В голове колонны главных сил авангарда обязательно должно следовать необходимое количество тяжелых пулеметов (сообразуясь с задачей и обстановкой). Эта необходимость вызывается тем, чтобы при первом же столкновении не ломать походные колонны, и тяжелые пулеметы могли бы быстро, без малейшей задержки, принять участие при завязке боя, тем самым создавая с самого начала перевес в огне. На обязанности тяжелых пулеметов, выдвинутых для поддержки охраняющих частей, лежит задача—своим огнем сбить охранение противника и своевременно взять под обстрел главные силы авангарда противника. Для выполнения этой задачи командиры пулеметных взводов и даже начальники отдельных пулеметов должны стремительно захватить лучшие позиции, особенно фланкирующие.

Сильный пулеметный огонь, предупредивший противника, дает возможность авангардной артиллерии планомерно изготовиться к бою, выбрать позиции и наблюдательные пункты. После того, как охраняющие части противника будут сбиты, тяжелые пулеметы, главным образом, стремятся взять под обстрел резервы противника, главные силы авангарда. Артиллерия же целиком должна обрушить свой огонь по главным силам авангарда. Противник в данном случае принужден будет ввести в действие свою артиллерию для борьбы с пулеметами и, одновременно, с артиллерией. Пулеметные взводы, выдвинутые вперед, должны быть рассредоточены, во избежание предоставить хорошую цель для противника.

Командиры пулеметных взводов должны стремиться выдвинуть свои пулеметы вперед и на фланги. Выдвигая тяжелые пулеметы на фланги, охватить не только охранение, но и главные силы авангарда фланкирующим огнем, тем самым обеспечивая своим частям свободный маневр и заставляя противника удлинять сразу же участок. В случае, если противник успел предупредить наше охранение и заставит его отходить, задача тяжелых пулеметов, выдвинувшись вперед, задержать противника и заставить последнего попятиться назад. В крайнем случае, задача пулеметов—удерживать противника до подхода главных сил авангарда. По моему мнению, при авангарде силою до одного пулеметного полка, впереди главных сил авангарда выдвинуть к линии охранения не менее трех пулеметных взводов, по три пулемета в каждом. Эти взводы не будут связаны общим командованием по управлению огнем при завязке боя. Они будут слишком рассредоточены и для каждого из них будет своя определенная цель. Здесь командование по управлению огнем будет принадлежать командиру взвода и многое будет зависить от индивидуальной находчивости и знания дела начальника пулемета.

Если охраняющие части будут высланы от двух батальонов авангарда, то и пулеметные взводы должны быть высланы от тех пулеметных команд, которые должны были обслуживать эти баталионы. Если при баталионах нет пулеметных команд, а лишь только полковая пулеметная рота, то, опять-таки, от тех взводов, которые, по соображению и плану действия начальника авангарда, будут действовать на участке соответствующих баталионов. Это вызывается тем, чтобы в момент развертывания боя не делать лишних и бесполезных группировок, а, следовательно, бесцельно не прекращать действие огня пулеметов.

Наступление.

Во время наступления, постольку, поскольку у нас имеются только полковые пулеметные команды, общее руководство тяжелыми пулеметами лежит на помощнике командира полка. Если пулеметные команды приданы баталионам, то—на комбате. В бою пулеметные команды получают собственные приказания, сообразно с задачами, поставленными пехотным частям. Основная задача пулеметов—расчистить путь движения пехоте. Во время самого боя начальники пулеметных команд и командиры взводов должны проявлять широкую инициативу, не уклоняясь от выполнения поставленной перед ними основной задачи. В бою ни в коем случае не допускать дробления целых организационных единиц—пулеметных взводов. Подчинение пулеметных команд мелким войсковым начальникам, ротным командирам—допускается в исключительных случаях: когда рота выполняет особо важную задачу или действует на весьма пересеченной местности.

Но это явление может быть, опять-таки, только временным. Задача тяжелых пулеметов в наступательном бою состоит в том, чтобы своим огнем проложить пехоте путь с дальних дистанций действительного пехотного огня, т. е. 1300—1500 метров. Открытие пулеметного огня должно быть с самого начала боя, если для этого имеются соответствующие цели. Запоздалое вовлечение тяжелых пулеметов в бой дает преимущество в огне противнику и возможность захватить более выгодные позиции, особенно фланкирующие. Важность введения в самом начале в бой тяжелых пулеметов вызывается необходимостью в начале боя захватить под влияние своего огня наибольшее пространство.

Задача тяжелых пулеметов, быстро выбрав позиции,—обеспечить развертывание и наступление пехоты. При продвижении пехоты вперед, пулеметные команды эшелонируются вперед по-взводно, дабы в нужный момент не прекратить огонь. Во время эшелонирования—ни в коем случае не допускать перемешивания со стрелковыми колоннами или цепями. Главная задача пулеметных начальников, при движении пулеметных взводов вперед,—захват фланкирующих позиций, одновременно избегая попасть под артиллерийский огонь противника. Фланкирующие позиции дают возможность стрелять продол-

жительное время без поражения собственных линий стрелков. Накопление тяжелых пулеметов на флангах исключает возможность охватов и заставляет противника удлинять свой фронт.

Выдвижение отдельных пулеметов далеко вперед недопустимо. Малейшая неисправность механизма пулемета может повлечь его потерю. Перед решительной атакой тяжелые пулеметы должны занять такие позиции, с которых все пулеметы своим огнем могут поддерживать атаку. Когда противник сбит и начинает отступать, преследование ведется тяжелыми пулеметами, одновременно с пехотными частями. Главная и основная задача тяжелых пулеметов при преследовании—выиграть фланг противника и своим огнем преградить путь отступления. Преследуя отступающего противника, пулеметные начальники должны помнить, что нельзя выбросить все пулеметы вперед. Одна треть пулеметных взводов должна остаться на захваченных рубежах, на случай своевременного отражения контр-атаки противника.

При отступлении задача тяжелых пулеметов в арьергарде—самая важная и ответственная. В арьергард должны назначаться наилучшие пулеметные команды и взводы. Начальники команд и командиры взводов должны быть беззаветной храбрости, хладнокровные, решительные и с широкой инициативой. Этим же качествам должны отвечать и начальники отдельных пулеметов. Каждый пулеметчик в арьергарде должен быть готов ежеминутно пожертвовать собой, но точно выполнить поставленную перед ним задачу. Он должен знать, что отход пулемета с определенного рубежа на несколько минут раньше влечет поражение отходящих частей. В германской армии во время мировой войны были случаи, когда пулеметчиков при отступлении приковывали к пулеметам, и те удерживали противника до израсходования последнего патрона. Он должен удержать своим огнем противника до полного обеспечения отхода своих частей.

В арьергард должны назначаться пулеметы, обеспеченные быстрыми средствами передвижения. Это необходимо для того, чтобы, удержав противника до определенного времени на данном рубеже, быстро и незаметно оторваться от противника. Отрыв от противника дает возможность выбрать выгодные узлы сопротивления на новом рубеже. При выборе узлов сопротивления необходимы следующие условия: а) замаскированность, б) скрытые подступы на случай отхода, в) расположение такое, чтобы была взаимная огневая связь, г) удобный обстрел впереди лежащей местности, д) хорошие боковые наблюдательные пункты.

Отход от одного рубежа к другому совершать тогда, когда пулеметы своим огнем вносят замешательство в ряды противника. В данном случае, противник не в состоянии сразу преследовать и поэтому не может помешать своевременно выбрать опорные пункты на новых рубежах. Ни в коем случае нельзя снимать пулеметы, когда противник изготовился к атаке. Пулеметы, прикрывающие отход при нажиме противника, должны стремиться с самого начала

открывать огонь с одного какого-нибудь опорного пункта для привлечения внимания противника. Противник, стремясь обойти этот пункт, подставит лучшую цель для других пулеметных гнезд. Каждый начальник пулемета в арьергарде должен знать пять основных положений: а) с точностью до секунды удерживать противника на указанных рубежах; б) правильно уметь эшелонировать огнеприпасы и, ни в коем случае, даже не допустить мысли остаться без огнеприпасов, расчет огнеприпасов должен быть самый точный; в) уметь быстро и своевременно выходить из боя, особенно, при переходе от рубежа к рубежу; г) скрытый и быстрый отход; д) решимость, отвага, предприимчивость, памятуя, что на каждом пулеметчике лежит величайшая ответственность.

А. В. Павлов.

Новая тактика.

Суммируя опыт мировой войны, все государства Западной Европы пришли к выводам, приведенным ныне в исполнение, в основу коих положена формула: „Автоматическое оружие, являющееся мощным огневым средством, требует новых организационных форм пехоты и новых методов применения пехоты в бою“.

Несмотря на присутствие в массе военных специалистов отдельных лиц, скептически относящихся к преимуществам новой тактики, Красная Армия твердо стала на путь практической разработки этого вопроса и, несмотря на то, что к этому делу мы приступили с большим запозданием по сравнению с нашими соседями, работа эта проводится с такой энергией, что можно с уверенностью сказать, что потерянное время с лихвой будет наверстано.

Конечно, в этой работе нам, в процессе практического осуществления ее, придется встретиться с большими затруднениями—эти затруднения будут, главным образом, материального порядка, и о них мы будем говорить в другом месте, здесь, в этой статье, я хотел бы остановиться на другом, это—одностороннее увлечение новой тактикой, ограничивая новую тактику—только тактикой пехоты.

Современные условия боя требуют полного взаимодействия всех родов войск. Разделение сейчас на главные и менее главные войска крайне затруднительно, и, если возможно, то только теоретически, практически же нельзя себе представить столкновения более или менее крупных войсковых частей без полного участия в бою того или иного рода оружия, а раз это так, то естественно, что, на ряду с разработкой новой тактики для пехоты, должно итти соответственное изменение и тактики других родов войск.

Между тем, не видно, чтобы вопросу в этой его постановке уделялось внимание, если не считать первых шагов в этом направлении,

сделанных ВНО Запфронта, поставившим своей очередной задаче, разработку, пока как материал, новой тактики артиллерии.

Очень важно, чтобы этот вопрос был поставлен в смысле его изучения в более широком масштабе и проводился повсеместно, и не только артиллерии, а также тактики кавалерии, бронесил, авиации и т. д.

Целью настоящей статьи является попытка, отнюдь не в догматической форме, выявить те возможные новые требования, каковые будут пред'явлены в военных столкновениях будущего таким родам оружия, какими являются кавалерия и артиллерия.

Кавалерия—особенно популярный род войск в Красной Армии—победа конной армии Буденного, подвиги Червонного корпуса, блестящие операции конного корпуса Гая, в общем и целом, породили чрезмерное увлечение конницей, а между тем, критический беспристрастный анализ дает нам выводы, что на ряду с бесспорно блестящими победами наша конница, встречая против себя сильную технику, умело сосредоточенную и использованную—неизменно несла тяжелые поражения, каковые замалчивать и не принимать в расчет мы не можем.

1-ая Конная Армия, несмотря на усиленное стремление взять Львов—этой задачи выполнить не могла и, понеся потери, вместе с другими частями фронта, должна была быстро откатиться назад. Корпус Гая, забравшись далеко на запад, не мог пробиться обратно и должен был интернироваться в Германию, эти факты должны быть приняты во внимание.

Между тем, техническая мощь современного вооружения значительно возросла; это возрастание и заставило наименее уязвимый род оружия, каковым является пехота, твердо и бесповоротно перейти к новой тактике. А кавалерия? Кавалерия пока обучается по старинке.

Поэтому подойдем к вопросу ближе. Достоинства кавалерии: 1) Моральное действие конной массы, несущейся в атаку. 2) Быстрота передвижения. 3) Способность покрыть большое расстояние в короткое время, не утомляя людей. 4) Скоротечность атаки. Недостатки: 1) Легкая уязвимость всеми видами огня, как крупной цели. 2) Легкая наблюдаемость с воздуха и трудность маскировки. 3) Невозможность действия ночью 4) Затруднительность для действия в местности лесистой и пересеченной. 5) Трудность укомплектования хорошим конским составом и 6) дорогое содержание кавалерии.

Необходимое условие для успешного действия кавалерии—скрытность маневра и внезапность действий.

В грядущих столкновениях, повидимому, надо отказаться от мысли, что крупные кавалерийские массы, не говоря уже о конных армиях, но даже кавалерийских дивизиях, смогут скрыть свой марш маневр и еще меньше можно ожидать возможности внезапной атаки. Наблюдаемость с воздуха настолько сейчас велика и с каждым днем все больше и больше совершенствуется, что только исключительная беспечность противника и его воздушных сил даст возможность крупным кавалерийским соединениям приблизиться к об'екту атаки

незаметно и, следовательно, сохранить принцип внезапности, в большинстве же случаев, примерно, 99%, появление кавалерии заблаговременно будет обнаружено, и необходимые контр-меры будут приняты, а современные огневые средства дают возможность эти меры обеспечить исключительно действительными возможностями. И, по нашему глубокому убеждению, современную пехоту, снабженную всем положенным ей автоматическим оружием, надо совершенно исключить, как об'ект для атаки кавалерии. Если раньше характер вооружения и боевые строи требовали от пехоты для встречи кавалерии принимать сомкнутое построение, на что уходило и известное время и вносило соответствующий беспорядок на поле боя—то теперь, при новом оружии и новых строях—группами, основой коих является автоматическое оружие, пехоте нет никакой надобности при появлении кавалерии на поле боя менять свое построение, и каждая группа, сгрудившись около своего пулемета или автомата и ощетинившись штыками, для всякой кавалерии становится совершенно неуязвимой, сохраняя за собой, в лице своего пулеметного, ружейного и гранатометного огня, страшное поражающее средство для масс кавалерии, несущейся в атаку. В лучшем случае, героическая кавалерия, решившая пожертвовать собой, дойдет до линии тяжелых пулеметов, чтобы здесь, под мощным огнем их, сложить свою голову. И если ранее возможно было, хотя-бы ценой больших потерь, прорвав узенькую полоску в цепи, являться хозяином боевого тыла, внося здесь хаос, панику и смерть, захватывая без труда тяжелую в маневре артиллерию, то сейчас необходимо пройти глубокие пехотные порядки, поражаемые продольным и перекрестным огнем многих десятков и сотен пулеметов, которые своим огнем сметут все живое, осмелившееся проникнуть в их расположение.

Таков наш вывод, и, тем не менее, значение кавалерии и на поле боя и на театре военных действий не только не уменьшается, а скорей возрастает, но тактика ее, а, следовательно, и боевая подготовка, должна быть иной. В чем же выразится взаимодействие кавалерии с другими родами войск. Какие задачи в войне будущего будет разрешать кавалерия. Помимо неот'емлимо принадлежащих кавалерии задач по разведке и службе завесы, при совместном действии войск задачей кавалерии будет:

Маневренный резерв. Подвижность кавалерии, возможность быстро ее перебросить в данное время в нужный пункт, дает возможность старшему начальнику, в распоряжение коего придана кавалерия, маневрировать ею—усиливая ею те точки фронта боя, каковые, по обстоятельствам дела, этого потребуют, но такое использование кавалерии ставит вопрос о необходимости использовать кавалерию в самом бою, в пешем строю, а поэтому, как следствие, является необходимость, во первых—обучить кавалерию пешему бою по новой тактике пехоты, т. е. действию группами, во вторых—ставит вопрос о снабжении кавалерии в большем количестве автоматическим оружием, так как только

при наличности такового спешенная кавалерия сможет выполнить функции пехоты в современном бою.

Преследование разбитого противника. Эта задача попрежнему останется самой благодарной и продуктивной работой кавалерии. Как бы пехота ни была вооружена, но когда она расстроена, приведена в беспорядок, когда нарушена правильная работа ближнего боевого тыла, питающего боевыя машины огнеприпасами, когда сами машины становятся балластом, тогда такая пехота становится легкой добычей кавалерии. Полная эксплоатация достигнутого успеха в бою осуществляется кавалерией, и здесь решительные дерзкие действия кавалерии в конном строю, без сомнения, дадут полные результаты. Поэтому кавалерийские массы, сосредоточенные в тылу боевого порядка, в нужный момент выбрасываются вперед на участке, где нами достигнут перевес, и дело кавалерийского начальника частичный успех развить в полный разгром противника.

Кавалерийский рейд. Для стратегической конницы рейд в войне будущего должен явиться главнейшей задачей, а выполнение этой задачи должно быть решающим фактором каждой задуманной операции широкого масштаба.

Современная организация армии, насыщение ее до предела техническими средствами, характер вооружения превращают всю армию в весьма сложный механизм, а весь театр войны—в большую фабрику, которая должна и может работать только при одном условии—полной слаженности, бесперебойности работы всего аппарата. Частичное нарушение этой работы неминуемо распространяется в ширь и глубину и в кратчайший срок приводит к полному параличу временно или надолго всего аппарата, т. е. фронта.

Техника, при всем совершенстве ее, тесно и неразрывно связана с тылом, нарушение этой связи превращает всю ее мощь в мертвый балласт для живой силы и поэтому задача: во что бы то ни стало в период решительной операции нарушить эту связь—ворвавшись в глубокий тыл фронта, внести там беспорядок, парализовать работу ряда тыловых учреждений — в короткий срок и самым решительным образом скажется на устойчивости фронта. Разгром тыла противника—полная победа на фронте.

Вот те основные задачи, по моему мнению, которые будут в смысле их выполнения лежать на кавалерии, и по этим вопросам необходимо теперь уже, в период передышки, договориться, так как выполнение этих задач, без сомнения, потребует и соответствующего обучения и тренировки кавалерии, а также и вооружения ее и, может быть, изменение организации так как пред'явленные к кавалерии требования, как-то: максимальная стремительность, гибкость маневра и устойчивость в пехотном бою,—потребуют разгрузки кавалерии от всего того, что ее стесняет в движении, а для придания устойчивости в бою—усиления огневой ее мощи.

Перейдем к *артиллерии.*

Мировая война и гражданская война с достаточной убедительностью доказали, что без взаимной, самой тесной связи пехоты и артиллерии никакая боевая задача крупного масштаба невыполнима, дружное сожительство этих двух родов оружия вошли в кровь и плоть Красной Армии—здесь все ясно и каких либо неясностей и недоговоренностей нет. И, казалось бы, когда пехота, тесно связанная с артиллерией, резко порвала с прошлым и перешла к новым организационным формам и новой тактике—соответственно и артиллерия и в организационной своей структуре и, главным образом, в своей тактике должна также внести некоторые изменения; частично это и сделано, но это ни в какой мере не исчерпывает вопроса полностью, и здесь, повидимому, должна быть в кратчайший срок артиллеристами, совместно с пехотинцами, проделана большая работа.

Необходимость иметь полковую артиллерию выявилась тем соображением, что на поле боя в современной войне могут и должны появиться такие машины, которые для ручного автоматического оружия почти неуязвимы; такой род оружия, как танки, бронемашины, тяжелые пулеметы и, наконец, полковая артиллерия противника требует для соответствующего противодействия и соответственного мощного оружия—таковым оружием является артиллерия, но такая артиллерия, которая могла бы присутствовать непосредственно на поле боя и, находясь в руках пехотного начальника данного участка поля боя, разрешать все задачи данного момента и данного участка. Для этого артиллерия пехоты должна отвечать следующим требованиям: 1) быть портативной, 2) скорострельной, 3) всюду следовать с пехотой, 4) обладать достаточной разрушительной силой и пробивным действием. Подчиненность полковой артиллерии диктуется состоянием современного поля боя. При расчлененных порядках уже рота занимает участок значительного протяжения, поэтому участок б-тальона уже должен явиться таким участком, на площади которого необходима наличность полковой артиллерии, поэтому надо предположить, что полковая артиллерия в количестве взвода должна, как постоянная организационная единица, придаваться действующему баталиону.

Здесь некоторое сомнение вызывает то положение, что командир полка не будет распоряжаться своей полковой артиллерией, передавая таковую комбатам, но, по существу, командир полка, решив задачу на бой, в процессе самого боя является распорядителем резерва, каковым, в большинстве случаев, будет батальон, т. е. всегда будет иметь в своем распоряжении часть всех огневых средств, имеющихся в полку, в том числе и часть полковой артиллерии.

Приданием полковой артиллерии батальонам предрешается и ее тактика. Взвод полковой артиллерии, приданный батальону, должен рассматриваться, как огневое средство, находящееся в руках комбата, каковое, в зависимости от обстановки, будет и соответственно использоваться; в начале боя эта артиллерия, находясь в тылу боевого участка батальона, в разгар самого боя потребует своего выдвижения на участок, а, в некоторых случаях, и в первую линию, потому надо предположить,

что будет действовать преимущественно открыто, на коротких дистанциях, быстро маневрируя на поле боя и этим оберегая себя от потерь и разрушения, которые, тем не менее, будут обычны.

Современные расчлененные порядки значительно увеличивают полковые боевые участки по фронту и в глубину, и это последнее обстоятельство вызывает необходимость выделения, помимо полковой артиллерии, еще артиллерийских средств, которые, в той или иной форме, необходимо подчинить пехотному начальнику в лице полкового командира.

Артиллерия эта будет исполнять функции „артиллерии непосредственного содействия".

На полковом участке, как обычное явление, потребуется участие более мощной артиллерии, чем полковая артиллерия. Требования на немедленное содействие в каждом отдельном случае нельзя заранее предусмотреть и согласовать с старшим артиллерийским начальником, и поэтому, по нашему мнению, какая-то часть артиллерии обычного легкого полевого типа должна быть выделена, как артиллерия непосредственного содействия, и передана в оперативное подчинение командира полка. Начальник артиллерии непосредственного содействия, устанавливая с пехотным начальником, коему придан, самую тесную связь, которая, по всем вероятиям, будет осуществляться нахождением его непосредственно, рядом с командиром полка, по указанию и требованиям последнего огнем своей артиллерии разрешает поставленные задачи.

Наконец, вся остальная артиллерия, об'единенная в руках начальника артиллерии того или иного войскового соединения, разрешает все остальное, осуществляя в полной мере принцип взаимодействия и взаимной выручки.

Новые строи пехоты, по нашему глубокому убеждению, должны вызвать некоторые новые тактические формы применения общей артиллерии в бою, оставляя в стороне специальные задачи артиллерии по борьбе с артиллерией противника, с воздухофлотом и разрушению укрытий и укреплений; новая тактика пехоты перед артиллерией ставит прежде всего вопрос: Как стрелять? Если ранее длинные, неуклюжие цепи являлись заметной и далеко видимой целью, вызывали артиллерийский огонь по линии цепи—таковая линия и являлась точкой прицела артиллериста, то сейчас, при пустынности полей сражения, малозаметности целей и их подвижности, становится вопрос: Как стрелять? Стрелять ли по обнаруженной цели, каковая будет, к тому же, в большинстве случаев, подвижной или отказаться от такой стрельбы, учитывая все трудности такой стрельбы, и вести стрельбу определенным числом батарей по площадям. Теоретически здесь вынести решение чрезвычайно трудно, необходимо это проверить практически, на полигонах, и эта задача должна быть разрешена теперь-же, в период лагерных сборов, к чему имеется полная возможность. Поэтому предрешать этот вопрос сейчас нет достаточных оснований.

Остается указать на одно чрезвычайно чувствительное место современных строев пехоты, на что должны обратить внимание артиллеристы—это полоса снабжения боевыми припасами боевых линий из ближнего войскового тыла. Насыщение автоматическим оружием пехоты в первую очередь вызывает необходимость беспрерывного питания боевой линии патронами, расход коих чрезвычайно велик, ни один из способов, ныне применяемых во всех армиях, удовлетворительно этого вопроса не разрешает и в первых боевых столкновениях это придется всем резко и, быть может, очень болезненно почувствовать, а между тем перебойность доставки огнеприпасов может всю мощь автоматического оружия свести на нет, и святой обязанностью артиллерии становится задача—своим огнем затруднить питание патронами до возможной степени, поставив себе задачей, как максимум достижения, чтобы ни одна двуколка, ни одна ручная тележка пройти из питающего тыла к боевым линиям не смогла бы. Эта задача артиллерии будет не менее важна, чем поражение живых целей, а, по нашему мнению, даже важней, так как даже временное прекращение подачи патронов вызовет уменьшение и даже полное прекращение огня десятков смертоносных пулеметов. Игра стоит свеч, и надо над этим подумать. Необходимо сказать несколько слов о том, как и в каких случаях придется употреблять снаряды; упуская стрельбу химическими снарядами, как вопрос специального порядка, требующий отдельного изучения, придется, повидимому, обратить серьезное внимание на изучение целесообразности применения шрапнели и гранаты в каждом отдельном случае; старые шаблоны здесь не годны, они требуют пересмотра, и новая тактика пехоты, новые средства борьбы, новое оружие потребуют от этих шаблонов отказаться.

Эта статья, повидимому, вызовет целый ряд возражений и, может быть, дополнений—этого я и добиваюсь. Поспорим—обменяемся мыслями, а коллективная мысль подскажет правильное решение.

Г. Жилинский.

Очередные вопросы артиллерийской тактики.

В последнее время по некоторым вопросам артиллерийской тактики между комсоставом артиллерии нет единения. Военное дело не терпит неопределенности, т. к. не знаешь, когда тебя призовут к расчету, к которому всегда должен быть готов военный, иначе на поле сражения придется принимать на спех то или иное решение, не успев продумать его за недостатком времени, и, значит, принять не всегда верное.

Кому во время боя подчиняется артиллерия дивизии? Возьмем втречный бой. Авангардная артиллерия подчиняется на походе н-ку артиллерии авангарда, который находится при н-ке авангарда. При завязке боя, встреченный своими артиллерийскими разведчиками, он

получает от них обстоятельный доклад о том, что ими замечено, а также и о местности, т. е. где могут быть найдены наблюдательные пункты и позиции. В это время н-к авангарда, вероятно, будет выслушивать доклад от пехотных начальников. Дополнив его сведениями н-ка артиллерии, он принимает то или иное решение. В авангарде промедление нетерпимо, а потому рекомендуется назначать артиллерийского начальника энергичного, быстро ориентирующегося в обстановке, одним словом, выдающегося. При налаженности работы разведчиков будут быстро выбраны наблюдательный пункт, позиция и пути, ведущие к ней. Пока батарея получит приказание о выезде и выедет на позицию, техника артиллерийской работы будет командиром батареи произведена, и батарея, снявшаяся с передков, тотчас получит первую команду. Кому подчинить артиллерию в данном случае, не стоит и говорить, т. к. начальник авангарда, по всей вероятности, будет командир полка, идущего в авангарде.

Начальник отряда, увидев по обстановке, что придется ввести в дело главные силы, со своим н-ком артиллерии производит разведку и принимает решение. Отдавая приказание полкам и ставя им задачи, раздаст ли он артиллерию по полкам, оставив некоторую часть ее в подчинении у н-ка артиллерии отряда или всю ее, вместе с авангардной артиллерией, подчинит своему н-ку артиллерии?

Думаю, что последнее вернее. За это говорит:

1) Если понадобится помощь полку от артиллерии, он получит ее в виде сильного кулака от артиллерийской группы, а не от одинокой батареи.

2) Н-ку, руководящему боем, виднее общая обстановка, и он по ней судит, где нужнее артиллерия, полковому же ком-ру всегда будет казаться, что его—и положение хуже других и дана более трудная задача, одним словом, кроме своей узкой задачи, он не будет считаться с общей обстановкой.

3) Намечая участок неприятельской позиции для атаки, н-к отряда сосредоточит по нем и подобающий огонь. Нужно заметить, что для подготовки атаки никогда не бывает много артиллерии—чем огонь сильнее, тем лучше.

4) Выделив из состава артиллерии дивизии полковую артиллерию, н-к отряда должен мириться с тем, что он до конца боя лишился ее, т. к., если будут отдаваться полковой артиллерии приказания и от него, то получится двоевластие, что в военном деле недопустимо.

5) Наконец, возьмем технику стрельбы, нужно по каким либо соображениям усилить артиллерийский огонь по участку, по которому ведет огонь полковая артиллерия и вот тут разберись—какие мои снаряды, какие чужие.

Понятно, если полку дается самостоятельная задача, как, например: обходное движение, тут действительно нужно его поддерживать своей собственной артиллерией, если артиллерия дивизии не сможет принять эту задачу на себя.

Надо сознаться в том, что нередки трения между пехотным начальством и артиллерийским комсоставом и обоюдные жалобы. Пехота жалуется, что артиллерия, себя жалея, не поддерживает ее в достаточной мере, артиллерия—на непонимание ее основных свойств, почему и пред'являются к ней чрезмерные требования. Все это—жизненно и понятно, подчинив артиллерию полкам, т. е. введя полковую артиллерию, это неудовольствие друг другом только увеличивается.

Другое дело, если сражение затянется на несколько дней. Иным полкам понадобится ночью выслать разведчиков, иногда этим разведывательным командам нужен будет артиллерийский огонь, скажем, для прикрытия их отступления, или, если замечено будет пулеметное гнездо, место миномета. Такие случаи, понятно, заставят командира полка, как начальника боевого участка, пожелать иметь в своем распоряжении батарею, которой можно отдавать приказания, не спрашивая на это разрешения. Вот тут и можно придать начальнику боевого участка одну из батарей, более подходящую по своему наблюдательному пункту. Эта батарея, хотя и будет исполнять обязанности полковой артиллерии, но в полной мере все же не будет таковой, потому, что ей придется разрешать, кроме этого, более широкие задачи под начальством начальника артиллерии дивизии.

Берем тот же бой, затянувшийся на несколько дней. Похвальна наступательная тенденция, но все же надо подумать и о противнике, который тоже может быть охвачен наступательным порывом. Надо ему подготовить достойную встречу, и вот для этого берется весь участок неприятельской позиции, делится на более мелкие, которые нумеруются и которые делятся, в свою очередь, на батарейные, по которым батареи дивизии ведут пристрелку каждого орудия отдельно, с тем, чтобы снаряды батарей ложились друг около друга, другими словами, чтобы не было аршина неприятельской позиции не обстрелянной. Это называется заградительным огнем. Когда это будет сделано, то начальнику артиллерии, который, получив донесение по телефону о том, что противник наступает с такого-то номерного участка, остается только отдать по телефону приказание по всем группам батарей: „N такой то, заградительный огонь“ и участок моментально покроется равномерными разрывами шрапнелей. Из этого мы видим, что выпустить из рук какую либо часть артиллерии невыгодно. Добавим к этому, что если не будет зенитных дивизионов в артиллерии дивизии, придется от батарей выделять для этой цели взводы. Не верится в то, что зенитные дивизионы будут в числе артиллерии дивизии. Может быть в мирное время и будет так, но стоит начаться войне, как тылы потребуют их все более и более и, в конце концов, предоставят полевым войскам бороться с аэропланами противника собственными средствами. На это надо быть готовыми.

Противник в своем распоряжении может иметь танки. Танки, при следовании в атаку, выбирают более выгодные для них пути, вот на эти пути и надо уделить часть пушек, дав им специальную задачу—

стрелять только по танкам, идущим против них, а в остальное время—сидеть смирно, не обнаруживая себя ничем.

Можно для более успешной борьбы с артиллерией противника сделать так: вести повседневный огонь со взвода, взятого от батареи, расположенной на основной позиции, и поставленном где либо в стороне. Противник при воздушной разведке будет считать эти взводы за батареи, а батареи, расположенные на основных позициях, им не будут замечены. Откроют они огонь в то время, когда противнику будет некогда по ним пристреливаться, и они таким образом уйдут от обстрела.

Из вышеизложенного видно, как много нужно артиллерии для общих задач дивизии, чтобы с легким сердцем раздать ее по полкам, т. е.—потерять совсем.

Нужно ли бояться газовой стрельбы противника по батареям и для уменьшения потерь от нея ставить отдельно орудия батарей, а не всю батарею вместе, на установленных интервалах?

Обыкновенно интервалы берутся в 30 шагов, это, во первых, не позволит разорвавшейся в интервале шрапнели поранить номеров соседних орудий и, во вторых, на таких интервалах можно голосом управлять батареей. Выбор позиции для всей батареи несомненно с'экономит больше времени, нежели выбор места для каждого орудия отдельно. Нужно принять во внимание, что наша пушка страшно капризна в отношении выбора для нея позиции, благодаря большой начальной скорости, а, следовательно, и отлогости траектории. Передачу команд, когда не хватит на это голоса, придется осуществлять по телефону или цепью передатчиков,—насколько это усложнит дело, говорить не приходится. Да всегда ли возможна стрельба газовыми снарядами? Вспомним, сколько времени немцам приходилось ожидать благоприятной погоды для газовой атаки, значит, не всегда она возможна, следовательно, не всегда можно воспользоваться и газовыми снарядами.

Правда, артиллерия чрезвычайно чувствительна к газам. В пехоте, одев маски, сидят и ждут атаки; не то в артиллерии. Все номера в действии, идет усиленная стрельба, от беготни развивается прерывистое дыхание, а маска мешает дышать, следовательно и работать. Приходится снимать ее и стрелять с открытым лицом, отчего среди артиллеристов бывает много отравленных газами.

Заманчиво, значит, применить эту стрельбу против артиллерии, но для этого, кроме погоды, требуются еще некоторые благоприятные условия.

Для того, чтобы расположение батареи отравить газами, нужно возможно больше и в наименьший срок выпустить газовых патронов. Нужно знать позиции неприятельской артиллерии, а для этого заблаговременно произвести пристрелку с помощью воздушного наблюдения. Это—дело сложное и требующее времени. Значит, для этой стрельбы необходимы:

1) Подходящая погода.

2) Обилие газовых снарядов.

3) Заблаговременная пристрелка по неприятельским позициям.

Возможно ли все эти условия соблюсти в полевой войне и не является ли ведение этой стрельбы привиллегией позиционной?

Там выбором времени атаки начальник не так стеснен, как в полевой войне, батареи имеют около своих позиций погребки для снарядов, куда можно заранее поместить необходимый запас их и возможна заблаговременная пристрелка по неприятельским батареям, открытым воздушными летчиками. Всего этого в полевой войне сделать нельзя, за недостатком времени, а потому—имеет ли смысл терять драгоценное время для выбора позиции для каждого орудия батареи, когда возможность газовой атаки так мала? Кажется, что нет.

Как помочь пехоте, когда она подойдет к противнику на такое разстояние, что наша артиллерия, из боязни поражения ее, принуждена будет перенести огонь по тылу и флангам атакуемого участка?

Пехота требует, чтобы ей дали артиллерию сопровождения Желание ее—получить орудие могучее, сильное, но в то же время—легкое и портативное. Дело техники уладить этот вопрос, а пока она не получила орудий или артиллерию сопровождения, удовлетворяющую ее, нужно подумать, чем можно помочь ей в данном случае.

Дать 3 дюймовую или горную пушку навряд ли возможно, по ее тяжести и большой видимости. Если пехота пойдет в атаку после подготовки, которая позволит ей идти бескровно, тогда пушку можно везти как угодно и на чем угодно, но все же имеется вероятность, и очень большая, что атакующие встретят где либо сопротивление, а тогда эта пушка с обслуживающими ее людьми будет первой целью и первой жертвой.

Оставить ее за закрытием где либо позади, когда там расположены наши батареи, не имеет смысла, т. к. все равно ближе или дальше стоит орудие,—важна непосредственная связь с наступающей пехотой и гарантия в том, что команда наблюдателя дойдет наверное по назначению. Вся трудность именно в передаче, в связи. Никакой телефон, никакая устная передача не застрахованы от того, что в нужную минуту как раз связь эта откажет.

Припоминается эпизод из европейской войны. Это было в 1917 году, 30 октября по старому стилю. Стоя на участке около 6 месяцев, мы от пленных немцев все время получали сведения, что готовится на нас наступление с применением газов. В 4 часа пополудни, в октябрьский серенький денек, послышалась пушечная стрельба. Били немцы тяжелой артиллерией по нашим окопам. Пехота к этому времени совершенно разложилась и потеряла всякую боеспособность, огня, понятно, не выдержала, вышла из окопов и направилась в тыл, вернее—бежала. Немцы в это время перенесли огонь по нашим батареям и тыловым узлам дорог. Наша пехота не успела дойти до этой линии, как тут образовался настоящий заградительный огонь, который загнал

отступающих опять в окопы, и, как ни странно, это заставило нежелающих сражаться принять участие в бою и отбить атаку.

Во время этого наступления немцы применили все, что у них было под рукой. Были подняты аэростаты, вылетели аэропланы и пущено было 8 газовых волн. Батареи обстреливались газовыми снарядами. Я тут хочу обратить внимание на деятельность аэропланов во время этого наступления. Они снизились и, летая вдоль позиций батарей, обстреливали их пулеметным огнем. Если бы во время нашего наступления наши аэропланы стали летать вдоль позиций противника, когда артиллерия переносит огонь в тыл и на фланги атакуемого участка, из боязни поражать свою пехоту, смог ли бы, потрясенный и не пришедший еще в себя после артиллерийской подготовки, противник отразить их? Не помешали бы они ему подготовиться для встречи атакующих? Думается, что аэропланы могли бы взять на себя эту задачу с успехом, а также могли бы обстреливать и закидывать бомбами те тылы, которые ускользнули от обстрела тяжелой артиллерии. Надо заметить, что полевая легкая артиллерия меняет позиции быстро и будет все время идти своими снарядами впереди пехоты, расчищая ей дорогу, что для тяжелой артиллерии будет трудновато, т. к. ей устроиться на новой позиции потребуется не мало времени.

Задача артиллерии, когда противник будет сбит с позиции, ясна. Батареи, заранее получившие приказание, меняют позиции, и чем противник более приходит в разстройство, тем это делается чаще, подготовка батарей становится проще и, наконец, батареи будут становиться на открытых позициях, в непосредственной близости к противнику. Одним словом, в этот промежуток времени, это будет артиллерия сопровождения, которой добивается пехота.

Р. Башинский.

Германская артиллерийская доктрина.

(По последнему уставу 1921 г).

Германский устав для боя артиллерии, изданный в 1917 г., не отменен. Тем больший интерес представляет знакомство с новым немецким уставом „Управление и бой больших войсковых соединений“ (Führung und Gefecht der verbundenen Waffen), датированный 1-м сент. 1921 г. В нем в полной мере вылилась та артиллерийская доктрина, которую германский генеральный штаб несомненно исповедует не для своей теперешней 100.000-й армии рейхсвера, а „для армии современной великой военной державы“, как говорится в предисловии к одному из изданий этого устава, сделанному французским генеральным штабом, зорко следящим за своим поверженным соседом и выпустившим у себя даже два издания этого устава—в полном переводе и в сокращенном изложении.

Если в остающемся в силе германском артиллерийском уставе 1917 г. велико влияние опыта позиционного периода титанической борьбы немцев с союзниками, то в этом новом уставе уже целиком использован и опыт последнего периода этой роковой для Германии кампании—период маневренный.

Чтобы дать возможно полное представление об этом уставе и о выявленной в нем артиллерийской доктрине, полагаю, будет наиболее целесообразным проследить по главам и параграфам за наиболее существенными и определенными положениями, в нем изложенными, подчеркивая особенно то яркое, чем он отличается от предыдущих уставов, как отменяемых им, так и остающихся в силе и по ныне.

I. Управление и его органы. Организация управления.

На первых же страницах отмечается существенная особенность этого устава по сравнению со старыми—устав рассматриваемый предвидит наличие не только у армейского корпуса, но даже и у армии своей *собственной артиллерии*.

В конце войны в Германии наступающим армейским корпусам нередко придавалась своя собственная артиллерия; но такое придавание было временным. Здесь же, повидимому, речь идет об органическом включении артиллерии, как видно из приводимых ниже точных цитат из первых же параграфов. Нужно попутно отметить, что вопрос о корпусной артиллерии в Германии после войны сделался предметом самого широкого и оживленного обсуждения в периодической печати.

„*Армии* составляются из армейских корпусов или отдельных дивизий, а также из частей, входящих непосредственно в состав армии (танковые части, авиационные отряды, *артиллерия* и т. д.). *Армейский корпус* состоит из двух или большего числа дивизий и из войсковых единиц, прямо придаваемых корпусу (танки, авио, *артиллерия* и т. д.)“ (§ 1).

„*Главный резерв* (Heeres reserve) подчинен непосредственно командованию (Heeres leitung). Он составляется из армейских корпусов и дивизий; кроме того, в него входят части армейской артиллерии, аэрочасти, части траншейной артиллерии, танковые отряды и др.“ (§ 2).

Связь между пехотой и артиллерией.

Конечно, и в прежних уставах этот вопрос не был забыт, но нигде там не говорилось так определенно и убедительно о первостепенной важности этого вопроса, как именно в данном уставе:

„Связь между пехотой и ее артиллерией имеет капитальное значение. Плохая связь подвергает риску всю артиллерию. *Установить и поддерживать связь с пехотою—первейшая обязанность артиллерии*. Эта обязанность состоит, прежде всего, в непосредственном следовании за своею пехотою, не выпуская ее из виду, и в том, чтобы действовать быстро, часто по собственной инициативе, учитывая желания и потребности пехоты“.

„С своей стороны и пехота должна *всеми средствами обеспечивать связь между обоими родами оружия* (сигнальные огни в передовых частях, ракеты с пехотных авио....)“.

„Пехота дополняет артиллерийское наблюдение и сообщает ей о своих нуждах“ (§ 57).

„Связь между пехотой и артиллерией облегчается устройством *общих наблюдательных* и *командирских* пунктов для начальников обоих родов войск, а также в возможной близости их друг к другу. Однако, всегда стремясь к этому об‘единению или соседству, не следует, прежде всего, упускать непосредственного влияния начальников на свои части“ (§ 63).

II. Авиация и кавалерия армии.

В этой главе нет ничего интересного с точки зрения употребления артиллерии.

III. Разведка и охранение

Разведка.

По этому вопросу устав не дает ничего нового, воспроизводя даже в несколько сокращенном виде, предписания устава для боя артиллерии, изд. 1917 г. Основное указание формулировано так:

„Артиллерия производит разведку противника с наблюдательных пунктов и с боевых позиций, что входит в основную задачу артиллерийских начальников. Кроме того, для этой цели применяются патрули, руководимые, как общее правило, офицерами. Иногда полезно их посылать вперед, вместе с кавалерийскою разведкою“.

„Для отыскания целей используются наблюдательные пункты, привязные шары, секции отмечателей по звуку, по вспышкам и топографические“ (§ 167).

Охранение на походе.

В отношении включения артиллерии в отряды охранения новый устав идет много дальше, чем включение артиллерии, даже тяжелой, в авангарды, вполне определенно указывается в § 173 устава:

„В состав авангарда, как общее правило, нужно включать самокатчиков, минометы, легкую артиллерию, колонны боевых припасов и саперные части“.

„Также может оказаться полезным включение в состав авангарда легких танковых отрядов, броневиков, *тяжелой артиллерии* с их боевыми обозами и, особенно, артиллерии настильного огня и большой досягаемости“.

§ 174 предусматривает пользу включения артиллерии в виде *отдельных орудий* даже в органический состав головных частей авангарда.

В авангард с многочисленной кавалерией, получающий специальное задание, также признается полезным придание артиллерии (§ 171).

Наконец, в особых случаях устав предусматривает возможность подкрепления артиллерии авангарда за счет артиллерии главных сил: когда обстановка неясна, при переходе некоторых полос местности, при проходе городов, значительных населенных пунктов и больших лесных участков, а когда встреча с противником вполне возможна, то такое подкрепление обязательно.

Равным образом органическое включение артиллерии в состав арьергарда устанавливается уставом, как общее правило, и, притом, § 178 говорит об обязательном наличии в составе арьергарда *довольно значительных масс легкой артиллерии.*

Охранение во время остановок.

В отношении этого пункта приходится повторить то же замечание, что и в отношении предыдущего: каков бы состав передовых отрядов сообразно с обстоятельствами ни был, устав считает обязательным наличие в нем артиллерии:

„Как общее правило, передовым отрядам придается артиллерия, особенно, если возможно ожидать неприятельской атаки. Эта артиллерия должна быть готова вступить в дело в любой момент, особенно в отношении действия ночью“ (§ 186).

„Крупные части охранения могут получить отдельные орудия, расположенные так, чтобы обстреливать подступы“ (§ 196).

„Малые охранительные части в некоторых случаях также полезно снабжать легкими минометами и артиллерийскими орудиями“ (§ 197).

IV. Походное движение.

В этой главе новых указаний мало. Беру наиболее характерные места:

„При подходе к противнику артиллерия выдвигается вперед настолько, насколько это допускается ее безопасностью и вызывается возможным ее употреблением. Батареи пехоты*) и остальная артиллерия, приданная пехоте**), передвигаются со своими частями, которые они должны поддерживать“.

„В длинные артиллерийские колонны можно включать пехотные части, если фланги угрожаемы, если есть опасность со стороны авиации противника или если поход развертывается на местности с ограниченным кругозором“ (§ 224).

„Боевой обоз (Gefechtstross) идет по-дивизионно с войсками; боевой обоз батарей сопровождения*) идет со своею пехотою“.

„Полковые обозы (Verpflegungs—und Gepäcktross), соединенные по дивизиям, чаще всего идут отдельно“ (§ 226).

„В ожидании боя, забота о питании боевыми припасами выдвигается на первый план. В этом случае формируется боевой эшелон (Gefechtsstaffel) из колонн боевых припасов, перевязочных пунктов

*) Батареи полковых пушек. *Р. Б.*

**) Артиллерия пехотных дивизий. *Р. Б.*

и пр. При продвижении вперед этот эшелон можно выдвигать непосредственно за интендантским обозом и даже до хвоста боевых сил. При отходе его место непосредственно перед главными силами“ (§ 227).

V. Расквартирование и биваки.

Здесь содержится мало указаний, касающихся специально артиллерии. Можно отметить только следующие:

„Артиллерия никогда не оставляется одна“ (§ 233).

„Для охранения места расквартирования может оказаться необходимым установление наружной охраны, коей может потребоваться придание пулеметов, легких минометов или артиллерийских орудий“ (§ 237).

Устав всюду подчеркивает необходимость мер предосторожности против авиации противника.

VI. Встречный бой.

Эта часть устава представляет наибольший интерес с точки зрения уяснения германской артиллерийской доктрины. Она полнее всего трактует об употреблении артиллерии в бою и поэтому полезно эту главу проанализировать возможно полнее.

Сначала устав останавливается на значении *артиллерии авангарда*.

„Включение артиллерии и легких минометов в состав передовых охранительных отрядов привлекает огонь неприятельской артиллерии и позволяет сломить непредвиденные препятствия“ (§ 261).

„Задачу авангарда—обеспечение главным силам времени и пространства, нужных для их развертывания, а для артиллерии главных сил—наилучших условий наблюдения,—часто удобнее всего будет выполнить, развертывая, как можно скорее и на возможно более широком фронте, артиллерию авангарда, принуждая этим противника к специальным маневрам, требующим времени, и побуждая его к осторожности действий“.

„Другую задачу артиллерии авангарда составляет поддержка пехоты при стремительном занятии во что бы то ни стало важных пунктов местности перед фронтом наступления или на его флангах, доминирующих высот, пунктов, удобных для артиллерийского наблюдения, населенных пунктов и лесов“ (§ 262).

„Разделение артиллерии авангарда на группы может ввести противника в серьезное заблуждение“ (§ 263).

В отношении употребления *артиллерии главных сил* в уставе находим следующие указания, вполне согласующиеся с „уставом для боя артиллерии“ 1917 г.:

„Артиллерией главных сил, прежде всего, создается остов обозначающегося фронта боя. Ее мощность и досягаемость ее огня даст командованию самое действительное средство, чтобы навязать противнику свою волю“.

„Задача артиллерии—сломить сопротивление противника, проложить дорогу своей пехоте и содействовать последней в достижении победы".

„Быстрота разведки и развертывания способствуют артиллерии поддержать свою пехоту во время. С своей стороны, пехота должна учитывать свойства артиллерии и требовать от нее решения задач, сообразных с ее природою и ее возможностями, не перенапрягая их. Пехота, действующая без согласования со свойствами своей артиллерии, прежде всего вредит сама себе".

„Критическая оценка местности боя и предположения, касающиеся употребления артиллерии, представляемые начальнику дивизии начальником артиллерии последней возможно скорее, в главных своих чертах должны, прежде всего, учитывать именно согласованность своих усилий с пехотою и возможно более затруднять воздушную разведку со стороны противника. Если же местность недостаточно обследована, и артиллерия широко развернута, вся оставаясь в руках начальника артиллерии дивизии, то действительная поддержка пехоты может потерпеть ущерб. В этом случае следует в надлежащее время дать в распоряжение пехоты части артиллерии ближнего боя" (§ 265).

После этих основных положений устав переходит к деталям.

„В первом приказании начальнику артиллерии дивизии должно содержаться, прежде всего, только главное намерение командования в отношении задачи артиллерии в ее главных чертах. Подробные задания о пунктах атаки даются только после того, как длительное соприкосновение с противником выяснит обстановку. До этого же часто будет полезным часть артиллерии удерживать в резерве. Именно в это время полезно предоставлять в распоряжение артиллерии возможно большее число летчиков-наблюдателей".

„Начальник артиллерии дивизии, как только это окажется возможным, принимает меры к обеспечению разведки и наблюдения, к своевременному развертыванию своей артиллерии, к организации связи как в пределах самой артиллерии, так и с пехотою, а также к налаживанию действий органов питания боевыми припасами. Артиллерию не следует ни сосредоточивать на слишком узком пространстве, ни разбрасывать ее на позиции растянутой линией. Полезно батареи располагать уступами в глубину и укрыть от воздушной разведки" (§ 266).

В обязанности артиллерии во время соприкосновения с противником устав включает осведомление командования о положении противника, путем передачи всех сведений, добываемых своим наземным и воздушным наблюдением.

Далее в уставе следуют указания по выполнению атаки в собственном смысле слова.

„Как только начальник дивизии отдал приказание об окончании задания авангарду, артиллерия этого последнего переходит в распоряжение начальника артиллерии дивизии, если только она не полу-

чила специального указания оставаться в распоряжении пехотных начальников, в качестве артиллерии ближней поддержки" (§ 281).

„Когда производится постепенное и методическое сосредоточение пехоты и ее развертывание, то вся масса артиллерии развивает свои действия в одном направлении, ее первейшие задачи—прикрывать движение своей пехоты к зоне сосредоточения, прикрывать самое сосредоточение и очищать зону сосредоточения от устремляющихся туда атакующих частей противника".

„Командование ставит артиллерии точные боевые задачи, предоставляя ей, однако, известную инициативу в выборе средств для их разрешения: это—существенное условие успеха".

„Действия артиллерии и пехоты не должны быть раздельными ни во времени, ни в пространстве"

О распределении артиллерии дивизии в уставе имеются весьма подробные указания.

„Расчленение артиллерии дивизии с самого начала на *артиллерию ближнего боя* *) (Nahkampfartillerie) и артиллерию *дальнего боя* (Fernkampfartillerie) обусловливается численностью наличной артиллерии, обстановкою и местностью боя. Артиллерия ближнего боя распределяется в соответствии с расположением пехоты; в непосредственное подчинение пехотных начальников она отдается в исключительных случаях, в подготовительный к бою период, но от этого решения не следует отказываться, если, при отсутствии хороших наблюдательных пунктов с широким кругозором, большое протяжение фронта или значительная численность артиллерии могут вызывать опасение в неоказании во время нужной поддержки пехоте, если управление ею будет сосредоточено в руках начальника артиллерии дивизии".

„Во всяком случае, пехота не удовольствуется только своими *пехотными батареями* **), которые нормально, в самом начале боя, находятся в распоряжении командиров пехотных полков, а впоследствии чаще всего будут распределены по-взводно или даже по-орудийно между своими баталионами, командиры которых, в свою очередь, их могут распределить между ротами для решения определенных задач".

„Задача пехотных батарей—оказывать вместе с другими тяжелыми средствами борьбы, приданными пехоте, помощь при преодолении местного сопротивления и подавление отдельных пулеметов или их гнезд, минометов и артиллерии противника. Лучшим способом решения этих задач будет использование отдельных орудий на часто меняемых позициях и часто без укрытия. Свою частную задачу эти орудия должны выполнять возможно быстрее, по возможности до

*) В прежних германских уставах эта артиллерия называлась „артиллерией сопровождения" (Begleitartillerie). Р. Б.

**) В прежних немецких уставах они назывались „батареями пехотных пушек"; по установившейся у нас терминологии соответствуют нашей „стрелковой артиллерии". Р. Б.

привлечения на себя огня неприятельской артиллерии. В силу этого соображения, а также ввиду трудности питания их боевыми припасами, эти орудия не должны стрелять продолжительное время; напротив, они должны по выполнении своей задачи быстро скрываться от взоров противника.

„Если, кроме пехотных батарей, в распоряжение пехоты дается артиллерия ближнего боя, то эта последняя, находясь под единым управлением своего особого начальника, вообще, имеет своею задачею обстрел целей, мешающих пехоте, в рамках более широких, чем пехотные батареи; во время боя может оказаться необходимым расчленять эту артиллерию, как и пехотные батареи.

„Артиллерия ближнего боя должна поддерживать постоянную связь со своим начальником артиллерии дивизии, чтобы этот последний имел возможность в любой момент сосредоточивать огонь всей артиллерии дивизии на любой цели по требованию пехотных начальников“ (§ 282).

„Назначение артиллерии дальнего боя состоит в парализовании (lähmen) артиллерии противника и в тревожении (im Störungsfeuer beschiessen) с дальних дистанций движущихся войсковых масс противника и других возможных целей, которые заслуживают внимания“ (§ 283).

„Все выпадающие на долю артиллерии задачи она должна стараться разрешить, *оставаясь на одной позиции* *). В период перемены позиции артиллерия лишается своей действительности. Лучше всего, если она будет ограничиваться *продвижением вперед своих наблюдателей* *). Однако, избегать перемены позиции не следует, если артиллерия видит возможность, меняя место, развить большую деятельность или надеется быстрее обстрелять противника с близкого расстояния или взять его под фланговый обстрел. Такие перемещения чаще всего следует производить по-эшелонно.

„*Возможность сосредоточить артиллерийский огонь на решительных пунктах* *) должна быть решающим фактором для выбора позиции при первой же разведке. Для защиты неподкрепленных флангов нужно прибегать к интенсивным обстрелам с большой дистанции“.

„Что же касается охранения самой артиллерии, то оно обеспечивается пехотою, расположенною перед нею. В специальном охранении она нуждается только, когда занимает незащищенную фланговую позицию. В этом случае необходимое охранение требует начальник артиллерии дивизии. Тем не менее, каждая батарея, каждый дивизион постоянно должны быть готовы *сами обеспечивать* *) свою собственную безопасность“ (§ 284).

После этих общих, довольно характерных, положений, среди которых особенно обращает на себя внимание боязнь немцев перед подвижностью артиллерии в бою, и после краткого указания, что продвижение пехоты должно сопровождаться огневою поддержкою

*) Курсив мой. *Р. Б.*

артиллерии, устав переходит к собственно атаке, при которой роль артиллерии вполне обрисовывается в нижеприводимых выдержках.

„Как только своя атакующая пехота приблизится к полосе, где неприятельский ружейный огонь становится действительным, *вся артиллерия* *), включая и артиллерию дальнего боя, направляет свой огонь *на пехоту противника* *)“.

„Артиллерийский огонь чаще всего принимает форму последовательных огневых ураганов (Feuerstössen), более или менее продолжительных“.

„Когда атакующая пехота подходит на дистанцию решительного удара, артиллерийский огонь доводится до наибольшего напряжения, сосредоточиваясь по указаниям командования на различных целях, на еще оказывающих сопротивление частях неприятельской пехоты, и удерживая артиллерию противника в парализованном состоянии (niederhalten). Летчики-наблюдатели и отряды связи, обслуживающие артиллерию, особенно заботятся о направлении артиллерийского огня непосредственно на те пункты, где происходит наиболее оживленный бой“.

„Направляя свой огонь на атакуемые цели, артиллерия вселяет своей пехоте уверенность в успехе. Когда противник достаточно поколеблен, начинается атака, при которой продолжение артиллерийского огня должно быть вполне обеспечено“.

„Если противник расположен уступами в глубину, то чаще всего придется последовательно преодолевать сопротивление его опорных пунктов предварительной огневой подготовкой, в которой артиллерия должна принимать самое действительное участие, особенно же артиллерия прямого взаимодействия с пехотою (пехотные батареи и артиллерия ближнего боя)“.

„Не следует упускать из виду возможности контр-атак, для отбития которых необходима взаимная поддержка пулеметов и стрелковых групп, своевременное действие артиллерии и тяжелых средств вооружения пехоты, быстрое вмешательство резервов“ (§ 288).

Значению и необходимости тесной связи артиллерии с пехотою посвящен весь следующий параграф:

„Артиллерия прилагает все усилия к тому, чтобы точно уловить тот момент, когда ее пехота устремляется в атаку, поддерживая тесную связь с нею через своих наблюдателей в передовых линиях. Когда обстоятельства позволяют не назначать момента атаки заранее приказом или предварительным соглашением, то пехота, чаще всего сигналами из передовых линий, оповещает о своем намерении устремиться в атаку и о необходимости своей артиллерии развить наибольшую интенсивность огня и перенести его вперед, причем, *в случае надобности, этот огонь может принять форму подвижного заградительного огня* *). В этот именно момент самой напряженной борьбы согласованность действий обоих родов войск приобретает решающее значение: пехота должна близко следовать непосредственно за под-

*) Курсив мой. *Р. Б.*

вижною огневою завесою, *не страшась случайных потерь* *). Тогда же необходимо деятельное участие артиллерийских наблюдателей—летчиков и авиации пехоты: эти последние, посредством радио-телеграфной связи и сигнализации, обеспечивают над полем сражения воздушную тесную связь между передовыми частями пехоты и ее артиллериею" (§ 289).

„Непосредственно перед приближающимся моментом атаки часть батарей—либо сосласно полученного приказания, либо по личной инициативе в соответствии с обстановкою—готовится *к быстрому продвижению вперед* *) на новые позиции. Их цель — преодоление местного сопротивления, отбитие контр-атак и обеспечение использования успеха атаки энергичным огневым преследованием противника" (§ 290).

„Если недостаток боевых средств не позволяет завершить увенчавшуюся успехом атаку преследованием противника, то все меры принимаются для удержания за собою захваченной территории. Действительный огонь тотчас же пристрелявшейся артиллерии обеспечивает пехоте необходимую защиту, причем обстрелы артиллерии не должны ограничиваться единственною целью отбития контр-атак отброшенного противника, но и направляться на подавление его артиллерии, которая несомненно обрушит особенно сильный огонь на атаковавшую пехоту" (§ 291).

„Если наступившая темнота ночи принуждает закончить бой до завершения атаки, то на долю артиллерии выпадает задача оберегания захваченной местности. Необходимо до наступления темноты произвести подготовку заградительного огня артиллерии и минометов (§ 292).

VII. Преследование.

Роль артиллерии при преследовании отброшенного атакою противника почти вполне исчерпывается цитируемыми ниже указаниями из двух параграфов устава (§§ 296 и 297):

„Надлежащее употребление артиллерии является самым важным фактором использования успеха. Соединяя в себе скорострельность с действительностью огня на дальние дистанции, она целиком для этого предназначена. Поэтому артиллерия должна развить успех победы, не останавливаясь ни перед чем и используя каждое орудие, находящееся на надлежащей дистанции".

„Некоторые части артиллерии, особенно батареи большой досягаемости, должны оставаться на своих позициях до тех пор, пока они еще могут производить стрельбу с наблюдением по отходящему противнику, пока это будет возможно, с помощью наблюдения с привязных шаров. Другие артиллерийские части теснят противника с фронта, в тесном контакте со своей пехотою, или включаются в состав легких колонн, стремящихся обойти, отрезать противника; для этой последней цели особенно рекомендуются батареи конной артил-

---

*) Курсив мой. Р. Б.

лерии и батареи *авто-моторных пушек* *), в связи с кавалерией и со специальными отрядами *большой подвижности**)".

Это место устава особенно подчеркиваю, как совершенно уместное использование новейших технических усовершенствований в области увеличения подвижности и артиллерийских орудий—авто-моторная артиллерия и самоходные пушки,—и войсковых масс при посредстве специально приспособленных грузовиков и тракторов.

„Артиллерия, атакующая с фронта, часто сможет удачно взять под свой обстрел тылы отходящего противника, вызывая там панику".

„Часто приказа о своевременной перемене позиции нельзя будет дать; тогда младшие артиллерийские начальники должны *действовать по собственному почину**). Авианаблюдатели устремляются за противником с первыми же атакующими частями, поддерживая связь со своими батареями посредством радиотелеграфа".

„Обильное питание боевыми припасами—весьма существенный фактор при преследовании".

Эта достаточно яркая картина дополняется подчеркиванием специальной роли артиллерии, взаимодействующей непосредственно с пехотою:

„Артиллерия ближнего боя, приданная к атакующим частям, пехотные батареи и пехотные минометы продвигаются в тесной связи с пехотою, следуя непосредственно, часто даже без прикрытия, за самыми передовыми группами стрелков".

VIII. Прекращение боя. Отход.

В этой стадии перипетий боя роль артиллерии очерчена много туманнее, чем в предыдущих случаях.

В отношении прекращения боя устав ограничивается указанием, что вся артиллерия прикрывает своим интенсивным огнем боевые части, отступающие под натиском противника (§ 301).

Для введения неприятеля в заблуждение рекомендуется патрули из смельчаков, продолжающих прикрывать отступление, снабжать несколькими отдельными артиллерийскими орудиями, не останавливаясь даже перед опасением потерять их (§ 303).

Когда отходящим войскам удалось выйти из соприкосновения с противником, устав предписывает организовать арьергард, достаточный для задержки наседающих неприятельских частей,—назначая в состав его артиллерию. Главнейшею целью этой последней будут обстрелы с дальних позиций, используя с выгодою при этом химические или дымородные снаряды (§ 306).

В дальнейшем указываются переходы на новые позиции, которые как для артиллерии, так и для остальных родов войск предписывается непременно предварительно разведывать.

*) Курсив мой. Р. Б.

IX. Атака позиций.

А.—Атака в маневренной войне.

В прежних уставах нет глав, точно соответствующих этой части нового устава, но изложенные здесь основные принципы в значительной мере были рассеяны и в прежних уставах в разных их частях. В последующем изложении привожу вкратце те предписания, которыми устав характеризует роль артиллерии в этой стадии боя.

В подготовительный период оттеснения авангардами атакующего передовых отрядов противника, устав предписывает усиливать артиллерию авангардов (§ 315).

В этот же период им предписывается и начало разведок, которые затем пополняются всеми располагаемыми средствами: методическою разведкою целей, своевременно производимою летчиками, привязными шарами и артиллерийскими отрядами отмечателей, которые имеют особенно важное значение для артиллерии, давая часто указания к введению ее в дело, и для самого ведения стрельбы (§ 317).

В последующий период развертывания атакующим своих сил артиллерия его занимает позиции под прикрытием выдвинутых вперед пехотных частей. Этот маневр устав рекомендует выполнять с *сугубою осторожностью* *), так как его приходится выполнять перед лицом неприятельской артиллерии, стоящей уже на своих боевых позициях. Необходимые меры по подготовке наблюдения, по ведению огня и его открытие, а также меры предосторожности против воздушного и наземного наблюдения со стороны противника—рекомендуется производить без поспешности, согласуя с артиллерией все время, потребное для всех этих операций.

Для достижения единства в подготовке огня, как общее правило, устав не допускает после начала атаки полевой укрепленной позиции подбавки к пехоте артиллерийских частей ближнего боя сверх наличных пехотных батарей. Распределение же артиллерии на батареи дальнего и ближнего боя в уставе связывается всецело с мощностью располагаемой артиллерии и с положением неприятеля (§ 319).

Как правило, требуется стремление к *одновременному открытию артиллерийского огня* *), исключая те редкие случаи, когда некоторым артиллерийским единицам удастся занять свои боевые позиции лишь под прикрытием огня остальных батарей. Рекомендуется удержание *нескольких батарей в резерве* *), для использования их против той неприятельской артиллерии, присутствие коей не могло быть обнаружено своевременно (§ 320); в то же время устав настаивает на самом интенсивном использовании всех средств наблюдения и на важности организации передачи.

Обращаясь снова к уже данному ранее определению задачи артиллерии, устав излагает более детально последовательный ход ее боевой работы в нижеследующих выражениях:

*) Курсив мой. Р. Б.

„Артиллерия начинает с подавления неприятельской артиллерии, чтобы дать возможность своей пехоте легче пройти зону неприятельского огня. Затем части артиллерии дальнего боя присоединяют свой огонь к огню артиллерии ближнего боя и к тяжелым пехотным орудиям для обстрела *самых важных пунктов* *) позиции, продолжая подавление артиллерии обороняющегося. При этом, против артиллерии и против важнейших опорных пунктов применяются *химические снаряды* *). Обстрел оборонительных сооружений оправдывается только в том случае, если есть уверенность, что они заняты войсками. Действительность артиллерийского огня доводится до своего максимума, когда пехоте удастся нащупать противника и, принудив его занять свои позиции, заставить его тем самым обнаружить свои силы".

„По мере развития пехотою атаки, все более и более значительные массы артиллерии получают задачи ближнего боя; при этом, для усиления помощи, оказываемой пехоте в период возрастания трудностей борьбы, артиллерийские части ближнего боя к этому моменту должны быть подчинены пехотным начальникам; установление *наиболее тесного сотрудничества* *) обоих родов войска должно быть предоставлено *инициативе* *) этих дивизионов и этих батарей ближнего боя“ (§ 320).

„Продвижениям неприятеля позади его позиций и в тылах, в особенности подтягиванию им своих резервов для решительных ударов, мешают обстрелами тревожения, направленными далеко в тыл. Существенное влияние на успех окажет *тщательно подготовленное содействие* *) специальных летчиков—наблюдателей“ (§ 323).

В заключение этой главы небезинтересно отметить, что устав не предусматривает совсем атаки позиции без артиллерийской подготовки:

„Атаке *всегда* *) предшествует *тщательная подготовка* *) артиллерией и минометами, за которою атака должна следовать немедленно,—в видах использования всех результатов этой подготовки“ (§ 324).

Б.—Атака в позиционной войне.

В период длительной устойчивости фронта всякая атака позиции уставом охарактеризовывается особенною *важностью и тщательностью* *) артиллерийской подготовки, которая, однако, должна выполняться так, чтобы *не привлекать внимания противника* *). Поэтому, устав повторяет здесь указания прежних уставов о необходимости не изменять заметно перед атакой активности артиллерии, производить передвижения войсковых единиц только ночью, наконец, доводить до наивысшей степени точность разведок, соблюдая при этом особую осторожность.

Вообще, эта глава нового устава наиболее полно воспроизводит положения прежних уставов, что, впрочем, не удивительно, так как „Атака в позиционной войне“ был одним из последних уставов, изданных уже во время войны и опубликованном приказом ген. Людендорфа.

Вот наиболее характерные черты *употребления* *) артиллерии в этой фазе боя:

*) Курсив мой. Р. Б.

„*Развертывание артиллерии* требует особенно тщательной подготовки. Хотя оно должно производиться быстро, в целях достижения эффекта внезапности, но все же без ущерба для своевременности введения в дело и для действительности этого рода войска".

„Артиллерия должна выдвигаться возможно более вперед, так как таким образом с самого начала боя будет нащупана возможно большая часть неприятельской артиллерии, обнаружение которой к моменту атаки составляет первейшую задачу атаки".

„Полезно перед собственно развертыванием артиллерии назначать к дивизиям несколько добавочных батарей поддержки. Но главная масса артиллерии прямой поддержки вводится в линии лишь в последние ночи перед атакой".

„Не следует производить пристрелку специально для атаки, так как этим обнаруживаются намерения атакующего" (§ 340).

В отношении *выполнения* *) атаки уставом для артиллерии даются следующие указания (§ 344):

„К началу атаки огонь артиллерии и минометов должен быть согласован со всеми атакующими войсками".

„Сначала огонь артиллерии направляется на неприятельскую артиллерию, на специальные оборонительные сооружения пехотных позиций и на дальние цели. Длительность обстрела зависит от обстоятельств".

„Химические снаряды применяются по расположениям батарей, по лагерям и по некоторым районам, скрытым от взоров, напр., по предположительным пунктам сосредоточения резервов; их также применяют для заражения зон, которые не предполагаются быть занятыми или проходиться войсками атакующего, для расстройства связи у противника и для устройства газовой завесы в качестве защиты флангов или как заграждение".

„Затем огонь переносится на позиции неприятельской пехоты, сосредоточивая наиболее жестокий разрушительный огонь на главных обнаруженных центрах сопротивления. Минометы принимают участие в артиллерийской подготовке".

„Аэропланы и привязные шары корректируют меткость этой массовой стрельбы, выслеживая в то же время новые цели. Полезно обстрелы сопровождать нерегулярными перерывами, побуждая неприятеля вновь занять оставляемые позиции и держа его в заблуждении относительно приближения момента атаки. Подавление неприятельской артиллерии не следует прерывать и во время обстрела пехотных позиций обороняющегося".

„Необходимо затруднять сообщения противника по дорогам, по железнодорожным линиям, со станциями на этих последних".

„Распределение огня в каждый момент боя сообразуется с *расписаниями огня артиллерии и минометов* *) (Artillerie—und Minenwerferkarten), заранее подготовленными".

*) Курсив мой. Р. Б.

„К началу атаки пехоты все имеющиеся в распоряжении батареи, как общее правило, организуют своим огнем *подвижную огневую завесу* *) (Feuerwalze) перед пехотою, передвигая ее все время перед нею при ее продвижении. *Часовое расписание этой стрельбы должно быть тщательно разработано и проводимо с пунктуальной точностью по хронометру* *). В этом расписании нужно учесть все задержки огня в тех пунктах, где пехота продвигается медленно, особенно при труднопроходимой местности".

„Следует остерегаться схематизировать артиллерийскую подготовку; напротив, приспособлять ее к особым обстоятельствам и тщательно сохранять в тайне от противника. Напр., полезно стрелять попеременно отравляющими и фугасными снарядами или комбинировать обстрелы химическими и фугасными снарядами с выпусками газов".

„Образование дымовой завесы перед всею или перед частью атакуемой позиции к моменту атаки ухудшает действительность огня противника, парализуя его наблюдение, и помогает своим войскам. Но она создает также затруднения для управления своими войсками и вредит единству их действия при атаке. Для расстройства противника, а также для защиты флангов всегда полезно производить ослепление" (§ 346).

Следующий параграф посвящен употреблению танков, а затем устав переходит к рассмотрению следующей фазы атаки, получившей во 2-ю мировую войну название *боя за промежуточную полосу*.

„Когда подвижной заградительный огонь, ведущийся всеми атакующими войсками, прекращается на крайнем рубеже, то в распоряжение дивизий своевременно предоставляют всю их органическую артиллерию, часть артиллерии поддержки со всеми органами наблюдения и минометные части. Дивизии быстро выдвигают позади атакующих войск достаточное количество артиллерии ближнего боя и минометов".

„Во время развития атаки нужно обстреливать также и неприятельские батареи глубокого тыла или все вновь обнаруживаемые батареи. В период своего продвижения артиллерия не должна терять своей связи с воздушными наблюдениями. Орудия настильной стрельбы крупных калибров со своих начальных позиций действуют на предельные дистанции, получая содействие от летчиков-наблюдателей и от отрядов отмечателей, которые должны распределяться по дивизиям".

„Часть артиллерии и минометов, не действующая с дивизиями, остается в виде резерва главного командования (корпусная, армейская и т. д.). Эти батареи должны быть готовы к быстрому выдвижению, чтобы ими можно было располагать в решительный момент; однако, артиллерийские части, за коими не могут быстро двигаться боевые припасы в достаточном количестве, не имеют значения в этот момент" (§ 348).

Последние два параграфа (§§ 349 и 350) этой главы устава посвящены рассмотрению частных случаев атаки:

*) Курсив мой. Р. Б.

„Если атака должна производиться *последовательными участками*, то высшее командование предоставляет самим дивизиям быстро выдвинуть вперед свою артиллерию уступами внутри их боевого участка; ему также надлежит установить—останется-ли при дивизиях вся их артиллерия целиком или часть ее должна быть оставлена в резерве для продолжения атаки“.

„Атака *без подготовки* или после очень короткой артиллерийской подготовки составляет исключение. Успех такой атаки возможен лишь при внезапности и при противнике, уже поколебленном. Отсутствие (или недостаточность) подготовки должно быть компенсировано введением многочисленных танков“.

B—Атака долговременных укреплений.

Эта глава очень мало развита, так как атака долговременных укреплений для обычных средств „полевой войны“ не является нормальным явлением; об употреблении артиллерии здесь указаний очень мало. Устав различает:

внезапную атаку (Ueberfall), при которой артиллерийская подготовка вовсе отсутствует;

ускоренную атаку (gewaltsamer Angriff), при которой, напротив, вводятся в дело внезапно значительные массы артиллерии;

бомбардирование (Bombardement)—род атаки только одною артиллерией;

обложение (Einschliessung), предпринимаемое при недостатке артиллерийских средств, и

методическая атака (planmässiger Angriff)—длительная осада, требующая употребления значительных сил и применяющаяся в случае, когда ни один из вышеперечисленных способов не дает никаких шансов на успех.

X. Оборона.

А.—Оборона в маневренной войне.

Устав прежде всего разделяет оборонительную полосу на следующие главнейшие рубежи:

„Первую линию позиций, в собственном смысле, составляет главная боевая линия (Haupt Kampflinie); ее положение существенно зависит от положения наблюдательных пунктов артиллерии, так как эта линия должна выдвинуться достаточно далеко вперед от этих наблюдательных пунктов“.

Это правило, которого немцы строго придерживались во время последней войны, в новом уставе проведено в более категорической форме, чем это было в прежних уставах.

„Очертания главной боевой линии должны быть весьма точно известны своей артиллерии, чтобы эта последняя могла приноравливать к ней свою стрельбу“ (§ 357).

„Перед позицией в собственном смысле устраивается *линия аванпостов* (Gefechtsvorposten), которые должны поддерживаться огнем позиционной артиллерии".

„Наконец, в некоторых случаях, может оказаться полезным устроить *передовую линию* (Vorder Kampflinie), оборона которой поручается очень небольшим частям пехоты или смешанной кавалерии с многочисленными пулеметами и тяжелой или легкой артиллерией, расположенным на позициях с широким обстрелом и трудно отмечаемых противником, с целью введения наступающего в заблуждение. Передовая позиция с главной позиции получает поддержку только огнем артиллерии" (§ 359).

В отношении *местоположения артиллерии* на главной позиции устав дает следующие указания (§ 360):

„Расположение артиллерии больше всего зависит от местоположения всех наземных наблюдательных пунктов, чем от позиций самих батарей. Нужно стремиться обеспечить им наивозможно широкий кругозор в боевой зоне пехоты и тем глубже в тылу от первой своей линии, чем глубже тыл неприятельского фронта. Весьма желательно иметь обзор и в зоне предполагаемых позиций неприятельских батарей, хотя это редко будет возможно осуществить".

„Некоторые батареи, *охраняемые своими собственными пулеметами**), должны быть расположены, даже жертвуя удобством своего наблюдения, так, чтобы большая часть их могла бы направлять свой огонь на атакующего противника при помощи наблюдателей, расположенных позади себя".

„Батареи следует *располагать уступами в глубину**). Преимущество такого расположения—в неизбежном дроблении огня противника и даже, в некоторых затруднительных случаях, в сохранении в составе контр-батарей большей части артиллерии до того момента, когда нужно будет отбивать атаки".

Рекомендуется установка в укрытиях, сильно выдвинутых вперед, *отдельных орудий или взводов, специально предназначенных для отбития атак*: эта артиллерия, обнаруживая себя только в решительный момент, должна внезапно обрушиваться своим огнем с прямой наводкой на атакующего и, особенно, на его *танки*. Если располагают достаточным количеством артиллерии, то для этой задачи употребляются батареи ближнего боя; пехотные же батареи, как общее правило, должны оставаться ничем не связанными.

Войсковым начальникам устав предписывает организовать *свой резерв*, в который, кроме артиллерии, должны включаться и танки (§ 362).

Самое *употребление артиллерии* в оборонительном бою можно резюмировать вкратце так:

Для открытия огня артиллерия руководствуется приказами, как только боевая обстановка, в соответствии с намерениями командования, уже не принуждает более к сохранению молчания и как только обнаружатся цели, заслуживающие обстрела.

*) Курсив мой. Р. Б.

Обстрелами для тревожения, на уничтожение живой силы и на разрушение (Störungs—Vernichtungs—und Zerstörungsfeuer) следует затруднять приближение противника, его сосредоточение для атаки, его питание боевыми средствами, а также разрушать укрепления, воздвигаемые для атаки.

Интенсивному и тщательно подготовленному обстрелу устав, прежде всего, рекомендует развертывание неприятельской артиллерии, допуская, однако, такое *противоборство массы артиллерии* с батареями противника только до того момента, когда неприятельская пехота *закончит свою подготовку к атаке.* Как только начнет ясно ощущаться момент приближения окончательного удара наступающего, то главная масса батарей должна быть обращена на прямую поддержку своей пехоты, оставляя лишь небольшую часть батарей для продолжения борьбы с артиллерией противника (§ 365).

В заключительном параграфе этой главы устав указывает, что прямая поддержка своей пехоты артиллерией должна быть обеспечена в каждый момент, не исключая и ночного времени (§ 367).

Б.—Оборона в позиционной войне.

Этому вопросу новый устав уделяет гораздо больше внимания, чем предыдущему, посвятив ему почти втрое большее количество параграфов. Употребление артиллерии освещено весьма обстоятельно.

„Когда позиции становятся в известной мере постоянными, артиллерия, на ряду с другими родами войск, должна до максимума усовершенствовать свое общее расположение и особенно свои наблюдательные пункты и свою связь. Необходимо также подготовить перемену позиций и введение в дело батарей усиления“.

„Переходя к позиционной войне, артиллерия реорганизует свое управление и усиливает свое распределение уступами в глубину“.

„Артиллерия возвращается в состав дивизий; тем не менее командование во всякое время может создать свой артиллерийский резерв и сосредоточить у себя управление артиллерией крупных калибров, предназначенных для решения особых задач, а также сконцентрировать и управление орудиями настильной траектории и дальней стрельбы“ (§ 384).

„Начальник дивизии дает общие артиллерийские задания своему начальнику артиллерии. Этот же последний, согласно этим заданиям, направляет артиллерийский бой, распоряжаясь с этой целью всею артиллерией дивизии, кроме пехотных батарей. Артиллерия распределяется по группам, которые могут расчленяться на подгруппы“.

„Необходимо своевременно назначить *группы* или *подгруппы ближнего боя для каждого пехотного сектора**); эти группы поддерживают постоянную связь с секторами, для которых они являются первыми прямыми поддержками. В очень больших секторах с затрудненным кругозором часть артиллерии ближнего боя—независимо от пехотных батарей—может быть *подчинена пехотным начальникам.* Но этот прием в *позиционной войне* будет явлением *исключительным**)“.

*) Курсив мой. Р. Б.

„Для обстрела артиллерии противника и отдаленных целей образуются *группы артиллерии дальнего боя**). Когда обороняющийся располагает небольшим количеством артиллерии, то от таких групп можно отказаться“ (§ 385).

„Начальник артиллерии дивизии составляет *план действия артиллерии**), применяясь к указаниям начальника дивизии. Он распределяет боевые задачи между группами и наблюдает за их выполнением. Он регулирует взаимодействие артиллерии с другими родами войск и согласует *взаимную поддержку с соседними секторами**). Он отвечает за расходование боевых припасов и за питание ими“ (§ 386).

„Прежде всего и при всех обстоятельствах боя, важно обеспечить пехоте, насколько возможно, действительную поддержку артиллерийским огнем. Батареи, *предназначенные для выполнения этой задачи**), не следует держать слишком близко к главной линии сопротивления; эти единицы, роль коих весьма важна, будут подвергнуты там опасности слишком рано быть парализованными. Впрочем,—оговаривается устав—невозможно дать совершенно определенные правила для выбора места для артиллерии, который, прежде всего, зависит от характера и свойств местности“ (§ 387).

„Подготовка к отбитию атаки противника должна быть выполнена так, чтобы стрельба на уничтожение могла бы начаться тотчас же по требованию пехоты или воздушных наблюдателей. Эта стрельба начинается внезапно, с полной интенсивностью, бурными ураганами, замедляясь лишь вскоре же после начала. Огонь направляют на неприятельские окопы и на лежащую впереди них местность, а также на убежища, пути сообщения и тылы, особенно туда, где видны или ожидаются скопления атакующей пехоты и танков“.

„Заградительный огонь артиллерии и минометов ночью обеспечивается специальною световою сигнализацией. При слабой связи с передовыми позициями, артиллерия, заметив оживленную ружейную и пулеметную перестрелку, сама должна направлять свой заградительный огонь на заинтересованный сектор“.

„Когда, несмотря на обстрел на уничтожение, противнику удалось выйти из своих окопов для атаки, то артиллерия направляет свой огонь в виде *заградительной завесы**) непосредственно перед своей пехотой, не боясь некоторых недолетных выстрелов, неизбежных в силу определенного их рассеивания“.

„Заградительный огонь всегда направляется автоматически и ограничивается временем и пространством. Для наблюдения заградительного огня и обстрелов на уничтожение особенно пригодны привязные шары“.

Этот параграф устава заканчивается весьма характерным предупреждением:

*) Курсив мой. Р. Б.

„Пехота никогда не должна расчитывать на то, что артиллерийского обстрела на уничтожение или заградительного огня достаточно для отбития атаки противника“ (§ 388).

В случаях крайности устав допускает введение новых батарей *для усиления**) огня на уничтожение и заградительного огня; они присоединяют свой огонь к огню артиллерии поддержки, обстреливающей фронт (§ 389).

Кроме того, для усиления стрельбы на уничтожение и заградительных обстрелов устав, как общее правило, предписывает употреблять все минометы; план их употребления должен входить в общий план употребления артиллерии, составляемый начальником артиллерии дивизии, как указано было выше.

Другие важные задачи, разрешаемые артиллериею обороны, выполняются, как указывает устав, лишь во вторую очередь, потому что они поручаются только тем батареям, которые не использованы для оборонительной стрельбы.

„Наиболее действительную борьбу с *неприятельской артиллерией**) ведут стрельбами на разрушение тяжелые, средние и даже легкие батареи (артиллерия дальнего боя), большая часть которых используется на позициях, часто меняемых и расположенных впереди позиций батарей прямой огневой поддержки. Их огонь направляется на наблюдательные пункты, на склады боевых припасов, на материальную часть и на скопление людей. Его действительность зависит от наблюдения и от тщательности ведения самых стрельб, производимых, по возможности, с наибольшею неожиданностью для противника. К моменту начала неприятельской атаки артиллерийская борьба составляет главную задачу артиллерии главного боя; ее не следует прекращать и после того, как атака началась. Действие газами в надлежащий момент может дать значительный эффект“.

„Разрушение всех окопов невозможно. Что же касается артиллерии, то важно постараться разрушить важнейшие ее части—минометы, пулеметные гнезда и траншейные орудия, установленные вне казематов и убежищ“ (§ 391).

Среди специальных задач артиллерии рассматриваемый устав совершенно не упоминает о стрельбах—репрессалиях, фигурировавших в прежних немецких уставах, но уже почти осужденных „Правилами для ведения оборонительного боя“ 1916 г.

Указания об этих задачах исчерпываются нижеприводимыми выдержками:

„Стрельбы *для тревожения противника* также должны широко применяться. Условия их производства должны быть весьма изменчивыми, применение же химических снарядов при этом может дать весьма хороший результат. Батареи, производящие обстрелы химическими снарядами, как и контр-батареи, должны сами быть подвиж-

*) Курсив мой. Р. Б.

ными и должны выдвигать—преимущественно ночью—взводы и отдельные орудия весьма близко к своим передовым линиям".

„Борьба с неприятельскими *броневыми машинами* (танками) должна вестись всею позиционною артиллерией при поддержке пулеметов и минометов. Всегда нужно стараться обнаруживать и уничтожать танки заранее в пунктах их сосредоточивания или на исходных позициях. Если же ожидается их нападение, то обстрелу тревожения подвергаются все подступы, складки местности и т. д.".

„В случае танковой атаки первыми направляют свой огонь на эту новую цель батареи, предназначенные для борьбы с неприятельской артиллерией; потом к этому обстрелу присоединяются батареи прямой огневой поддержки. Танки, проникающие близко к позиции, разрушаются орудиями ближнего боя, установленными в убежищах и производящими стрельбу прямою наводкою на коротких дистанциях. Наконец, любая батарея на тыловой позиции должна быть в состоянии, по возможности, быстро вступать в борьбу с танком, которому удалось проникнуть в глубь расположения обороняющегося. Чаще всего для борьбы с танками назначается специальный резерв; эти подвижные резервы—в запряжке или с механическими средствами перевозки—устремляются навстречу танкам" (§ 394).

„Пехоте, сверх пехотных батарей, полезно придавать *взводы запряженной артиллерии*; они используются для поддержки пехоты, если противнику удалось сделать прорыв, и особенно—для сопровождения пехоты при контр-атаках" (§ 395).

„Начальники крупных войсковых соединений при позиционном периоде войны формируют свои артиллерийские резервы (Artillerie reserve), которые можно было бы бросить туда, где противник подготовляет или производит атаку" (§ 396).

Эти резервы имеют характер *подвижной артиллерии**) и именно этим существенно отличаются от того вида артиллерии, о которой говорится в следующем параграфе:

„Всегда полезно иметь *артиллерию поддержки на тыловых позициях**) (Rückhaltsartillerie) для образования первого сосредоточивания в случае неудачи и для образования основы развертывания артиллерии, которая может затем оказаться необходимой. Для этой же цели не следует выдергивать отдельные взводы из позиционной артиллерии" (§ 397).

Что касается работы артиллерии при обороне в собственном смысле, то об этом устав говорит так:

„Как только почувствуется момент приближающейся атаки, *масса артиллерии* и *минометов**) открывает огонь по исходным неприятельским позициям и по плацдармам противника. Огнем, таким образом сосредоточенным, может удасться расстроить надвигающуюся пехоту прежде, чем она устремится на штурм".

„Как только окажется возможным, нужно тотчас же начать борьбу с артиллерией атакующего и открыть огонь по путям сообщения, по размещениям войск и по тыловым подступам противника".

*) Курсив мой. Р. Б.

„Также подготовления противника можно парализовать сосредоточенною и методическою стрельбою химическими снарядами.

„В период атаки большую пользу могут оказать батареи, расположенные в глубине, придавая обороне гибкость (bewegliche Verteidigung). В случае вторжения неприятеля пострадают только передовые батареи; о батареи же, установленные глубоко в тылу, атака его может разбиться. В каждый момент нужно предусматривать эти новые передвижения в глубине позиций, сообразуясь с положением своей пехоты“ (§ 405).

XI. Особые случаи боя.

Этой главой заканчиваются появившиеся в печати части устава и ею же заканчиваются главы, касающиеся употребления артиллерии в бою*). Здесь имеется несколько детальных указаний по употреблению артиллерии в особых случаях боя, трактуемых с точки зрения командования.

„Если начальник хочет заставить противника *вести бой на широком фронте*, то лучшее средство—развернуть мощную и подвижную артиллерию, стреляющую на большие дистанции. Открыв огонь в надлежащий час, этим можно *при атаке* разбить внимание противника, а *при обороне*—вызвать его развертывание; необходимо быть особенно щедрым в расходовании снарядов“ (§ 415).

„При *бое за мощные предметы* атакующий, вообще, должен направлять свои войска на фланги, обстреливая в то же время населенный местный предмет разрушительным артиллерийским огнем. После того, как атакующая пехота достигла окраины деревни, артиллерия переносит свой огонь в тыл“ (§ 420).

Если дело заключается в *овладении рощею*, то этого достигают развитием „интенсивного обстрела химическими снарядами. При этом, важно артиллерийским обстрелом нейтрализовать фланговый огонь с опушек“ (§ 424).

Для *атаки большого леса* „минометы, пехотные батареи и другие артиллерийские части ближнего боя (находящиеся под командованием пехотных начальников) поддерживают пехоту; дивизионная же артиллерия чаще всего сможет вмешаться только по прошествии некоторого промежутка времени, когда обстановка уже вполне выяснится“ (§ 425).

При *обороне леса* „артиллерия с крутой траекторией и минометы могут стрелять почти повсюду из леса, после некоторых незначительных подготовительных работ. Настильно же стреляющие орудия уста-

*) В ожидающихся еще к выходу в свет частях устава только одна глава (гл. XVI) будет представлять интерес с точки зрения артиллерийской, это—глава о питании боевыми припасами. Но этот большой важности и весьма сложный вопрос имеет совершенно специальный интерес, без ущерба могущий быть отделенным от поставленной мною здесь цели—охарактеризовать германскую артиллерийскую доктрину в современном ее понимании.

навливаются на краю прогалин на опушке, наиболее отдаленной от неприятеля или даже позади леса" (§ 426).

В отношении *ночных атак* или атак в *туманное* время в уставе имеются следующие указания:

„Артиллерия и минометы могут подготовить атаку пехоты даже во время темноты. Короткого обстрела, следующего непосредственно за последующими перемещениями огня вперед, большею частью будет достаточно. В иных же случаях пехота обязана атаковать без поддержки артиллерии, основывая успех на внезапности. Артиллерия же должна быть всегда готовой без промедления открыть огонь по батареям и минометам противника, могущим обнаружиться, и по подступам противника".

Если предполагается *овладеть дефиле*, то кроме всех прочих необходимых мероприятий, устав обязует „взять под артиллерийский обстрел местность позади дефиле" (§ 438).

При *форсировании переправы через реку* под огнем противника устав предписывает „развертывание прикрывающих сил и, главным образом, пулеметов и артиллерии на своем берегу. Неприятельскую артиллерию, действующую против переправы, следует принудить к бездействию. Когда передовые пехотные части уже переправились, они будут нуждаться в непрерывной поддержке артиллерии, находящейся на этом берегу до тех пор, пока переправившиеся через реку войска не будут достаточно сильными для продвижения вперед. Артиллерия должна тотчас же следовать за ними" (§ 446).

При *обороне переправы* „пехота занимает противоположный берег наблюдательными частями, которые нуждаются в особенной поддержке в пунктах возможных переправ. Позади переправы артиллерийские части занимают позиции так, чтобы анфилировать пути подхода противника обстрелом с больших дистанций настильным огнем; угрожаемые пункты артиллерия должна быть в состоянии брать под сосредоточенный огонь; всегда полезно реку взять под анфиладный обстрел" (§ 447).

В заключительных параграфах этой главы устав довольно подробно разбирает *операции в горах*. Об употреблении артиллерии, при этом, там находим следующие указания (§§ 453 и 454):

„Артиллерию всегда включать в состав авангарда. Атакующий широко применяет анфиладный огонь, особенно с доминирующих высот. Минометы особенно пригодны для обстрела мертвых пространств".

„Горная артиллерия может следовать за пехотою без дорог по трудной местности. Употребление же запряженной и моторизованной артиллерии ограничено дорогами и непосредственными подступами к ним".

„Гаубицы, с их крутой траекторией, являются орудиями, особенно пригодными для применения в горной войне; равным образом мортиры, с их вертикальным огнем—прекрасные орудия в боях за обладание ущельями и подступами к равнинам. Пушки там находят ограниченное применение".

„Подготовка артиллерии к открытию огня, перемена позиций и питание боевыми припасами батарей требуют гораздо большего времени в горах, чем на равнинах, так как горная артиллерия часто располагается на позициях вдали от дорог".

Этот анализ германского устава 1921 г. „Управление и бой больших войсковых соединений“ и сравнение его с другими последними немецкими уставами, частью отменяемыми этим новым уставом, частью сохраняющими свою силу и при нем и изданными за последние годы войны, с ясностью убеждают в том, что артиллерийская доктрина у немцев, в общем, остается тою, какую они уже исповедывали в конце войны.

Однако, нельзя не остановить внимания на детальных, но тем не менее весьма немаловажных, отличиях, какие выявлены в рассмотренном выше уставе.

Прежде всего, вопрос об *артиллерии армейского корпуса*, который в Германии вызывал много споров, как будто-бы уставом 1921 г. разрешается в положительном смысле, так как им ясно предусматривается артиллерия, входящая в состав армейского корпуса. Но ни в одной части устава не делается никакого намека на командование артиллерией армейского корпуса, в том смысле, в каком это понимается в других армиях, а некоторые указания даже будут стоять в противоречии с существованием этого командования.

Напр., устав предусматривает, с одной стороны, что артиллерия армейского корпуса особенно предназначена для подкрепления дивизионной артиллерии (только орудия большой досягаемости, повидимому, предназначены для образования специальных групп), а, с другой стороны, там указывается, что начальники артиллерии дивизии устанавливают план употребления артиллерии и даже регулируют взаимную поддержку с соседними секторами, а это, казалось бы, должно было составлять существенную обязанность именно начальника артиллерии армейского корпуса, если он действительно существует.

Что касается *тактических подразделений* артиллерии, которые могут встретиться на поле сражения, то и тут отмечаются некоторые различия в терминологии и в относительном значении их.

Уставом установлены следующие виды артиллерии:

а) *пехотные батареи*, которые прямо зависят от пехотного начальства и сопровождают пехоту непосредственно, часто дробясь на взводы и даже отдельные орудия; в конце войны эти батареи у немцев уже были, но только в виде исключения,—теперь их наличие узаконяется, как общее правило;

б) *артиллерия ближнего боя*, в случае надобности находящаяся в распоряжении пехотных начальников, предназначенная поддерживать продвижение пехоты, но гораздо в более широких рамках, чем

пехотные батареи, и остающаяся в группах, поддерживая связь с начальником артиллерии своей дивизии; этот последний может получить приказ снова взять ее под свое непосредственное командование, в целях сосредоточения огня;

в) другая часть *артиллерии ближнего боя*, зависящая от начальника артиллерии дивизии, но разделенная на группы и подгруппы, соответствующие пехотным секторам, с которыми начальник артиллерии дивизии должен быть в тесной связи, для сопровождения огнем (в прежних уставах этот вид артиллерии обозначался *I.Ka*);

г) *артиллерия дальнего боя*, всецело находящаяся в распоряжении начальника артиллерии дивизии и предназначенная особенно для артиллерийской борьбы (прежняя *A.Ka*);

д) другая часть *артиллерии дальнего боя*, могущая находиться в распоряжении армейского корпуса и предназначенная преимущественно для отдаленнейших задач и для фланкирования (прежняя *Fe.Ka*);

е) *артиллерия весьма крупных калибров* большой досягаемости, зависящая от армейского корпуса или, чаще всего, от армии и назначенная для разрешения специальных заданий в тылах противника (прежняя Schwefla).

Особенность немецкой организации артиллерии по новому уставу составляет то, что ею предусматривается более мелкое дробление артиллерии, чем это допускалось раньше (взвод и даже отдельные орудия). Эта тенденция проводится как в походе, так и при расквартировании на местах остановок; предвидится снабжение взводами и отдельными орудиями головных отрядов и даже передовых частей авангардов, а также крупных сторожевых застав или некоторых постов.

В отношении *употребления артиллерии в бою*, из анализа нового устава ясно следует, что при наступлении крупные силы артиллерии сначала должны обрушиваться на артиллерию противника и только затем—к моменту атаки или, в позиционной войне, незадолго до нее—на пехоту; при обороне же, напротив, в первую очередь почти все свои средства нужно направлять против пехоты, чтобы подавить в самом зародыше неприятельскую атаку, причем контр-батареи выполняют свою основную задачу тогда только, когда производится эта атака и если она не сопровождается танками. Само собою понятно, что такой образ действий соответствует самому сражению; в дни же, предшествующие атаке, напротив, обороняющаяся артиллерия должна нанести возможный вред неприятельской артиллерии методическими стрельбами на разрушение.

Также нужно отметить, что *неподвижный заградительный огонь* при обороне уставом определенно отвергается и применяется лишь тогда, когда стрельба на уничтожение не дала определенных результатов, как это ясно выявлялось немцами к концу войны.

Во всех других пунктах—связь с пехотою, разведка, предварительное расположение при оборонительных или наступательных действиях крупного масштаба, артиллерийская борьба, бомбардировка позиций, подвижной заградительный огонь, выдвигание артиллерии вперед, преследование, стрельбы на уничтожение, разрушение и для тревожения, борьба с танками, отход, употребление минометов—новый устав ограничивается уточнением прежних положений, освященных опытом последней войны.

Из архива военной истории

А. Софронов.

Красная армия в Германии.

История Красной армии—это в известной степени история мировой революции, ибо без Красной армии погибла бы русская революция, а ее гибель на много лет отодвинула бы революцию мировую.

Вот почему для истории важна каждая страничка жизни нашей Красной армии. Этот коротенький очерк имеет целью осветить жизнь некоторых частей Кр. армии в интернировании в Германии во время польской кампании в 1920—21 г. г. До сих пор, мне в наших журналах читать об этом ничего не приходилось.

Когда неудачно сложившаяся военная обстановка в августе 1920 г. заставила нас начать отступление из-под Варшавы, многие части правого фланга нашей армии оказались отрезанными от необходимых путей отступления и принуждены были отходить вдоль польско-немецкой границы. Противник неоднократно перехватывал пути нашего отхода, героическими усилиями мы прорывались, но кольцо сжималось все уже и уже. Утомленные сперва стремительным, без отдыха, наступлением, потом отходом с беспрерывными боями, не имея связи с армейским и фронтовым командованием, наши части, остановившись в конце августа в р-не Хоржели—Кольно, должны были или сдаться на милость врага, или перейти германскую границу и, интернировавшись там, ждать окончания кампании. О сдаче полякам, конечно, не могло быть и речи, и переход частей в Германию начался. Тяжело было сдавать оружие немцам, зная, что борьба еще не кончена, но иного выхода не было.

Немцы принимали нас очень любезно, обещая нам горы всяких благ, настоящую цену которым мы узнали после.

Первым лагерем, где была сосредоточена часть интернированных, был Арис (Восточная Пруссия). Здесь собралось до 30 тысяч из частей корпуса Гая и дивизий: 12-ой, 11-ой, 4-ой, 18-ой, 53-ей пограничной и 33-ей кубанской *). Громадных бараков, где прежде помещались военнопленные империалистической войны, не хватало для этого ко-

*) Кроме Ариса, до 25 т. интернированных было сосредоточено в лагере, кажется, Анненсбурге. Всего таким образом интернировано в Германии было до 55 тыс. человек.

личества людей, и часть принуждена была расположиться под открытым небом, в шалашах из ветвей.

Дождливая осень делала эти убежища невыносимыми. К холоду прибавился еще и голод, т. к. „от щедрот своих“ немцы посадили нас на паек из 1/4 ф. плохенького хлеба, да 2-х тарелок в сутки „супу“ из моркови, сдобренной маргарином. Даже знаменитого морковного кофе, мало отличавшегося от помоев, не всегда хватало. (Мимоходом следует заметить, что безработные немецкие рабочие не имели, очевидно, даже такого обеда, т. к. после, уже в центральной Германии, у решеток наших лагерей в обеденное время часто появлялись изнеможенные, голодные люди, выпрашивая у нас хотя бы остатки нашего супа). Голод и тоска по свободной родине были так сильны, что началось повальное бегство интернированных из лагеря. Беглецы пробирались до границы, двигались вдоль нее к северу и переходили в Литву. Густая проволока вокруг лагеря, усиленные посты, ракеты, освещавшие лагерь ночью, раз‘езды по дорогам от лагеря—не помогали и около 4-х тысяч человек, жаждавших свободы, бежали за 2 недели из лагеря.

В первые дни нашего интернирования лагерь наводнялся окрестными рабочими и батраками, иногда нам посильно помогавшими и относившимися к нам с большой теплотой, но скоро всякое сообщение с внешним миром было прервано, и немецкое начальство начало нас „приучать к дисциплине“. Разбило на группы, назначило по своему усмотрению начальников и особое внимание уделило политработникам.

Дело в том, что немцы просто побаивались нас даже таких, безоружных и раз‘общенных со всем миром 30000 красноармейцев! А вдруг эти бунтари отнимут у немцев оружие и попрут на Берлин, делать в Германии революцию?! Надо было немцам лишить это страшное полчище руководителей, и вот, выдергиваются поодиночке комиссары по-крупнее и политработники и переселяются „на более удобные квартиры“, в виде . . . тюремных бараков. Впрочем, в этих изоляциях не было так уж плохо, особенно по сравнению с открытым осенним небом, кормили же нас здесь даже лучше. Какой то черномазый мужчина пытался даже нас при допросах в немецкой комендатуре с‘агитировать, доказывая, что он Ленина и Троцкого давно знает, и сами они, мол, в свое дело не верят, чем не мало нас посмешил. Уже здесь же, в первых лагерях, начались попытки вербовки интернированных в белые армии. Немцы, сажавшие в тюрьму коммунистов, этой вербовке покровительствовали, но дело не клеилось, и списки завербованных остались чистыми.

После двух-недельной стоянки в этих первых лагерях, нас, партиями от 500 до 2000 чел., стали перебрасывать из Восточной Пруссии морем в остальные части Германии. При отправке эшелонов немцы старательно смешивали части, группируя таким образом людей мало знакомых. Лагеря во всех концах Германии, понастроенные для военнопленных и к тому времени значительно опустевшие, вновь наполнились нами. И по своей величине и по устройству лагеря были раз-

личны *), но все они были одинаковы для нас тем, что означали лишение свободы и тягостную бездеятельность в ожидании конца войны с Польшей. Сходство было еще и в том, что всюду лагерная администрация на нас основательно и сразу же насела, стремясь лишить нас всякой самостоятельности даже внутри лагеря.

Лагерь Сольтау, куда я сперва попал, вмещал до 5½ т. человек. Бараки, давно не ремонтированные, были холодны и сыры, нар почти нигде не было. Пища продолжала оставаться ужасной. Все, что было ценного на руках кр-цев, в первые же дни ушло за бесценок в немецкие лапы. Голодные и холодные лежали вповалку в бараках кр-цы. Появился и начал свирепствовать голодный тиф. Озлобленная ужасными условиями, масса волновалась, ища виновников своего положения.

Обстановка была на руку разным белогвардейским русским организациям, ютившимся в Германии, и те немедленно принялись за свою гнусную работу. Появились вывешиваемые ночью воззвания с приглашением записываться в армию бар. Врангеля и графа Ливена. Громкие обещания хорошего пайка и жалования чередовались в воззваниях с призывами бить коммунистов и красный комсостав, как виновников всех несчастий России. Немцы тайно содействовали белогвардейцам. Пытавшиеся на первых порах открыто собираться коммунисты бесцеремонно разгонялись. Таким образом, никакого организованного противодействия белогвардейской агитации нельзя было оказать. Одиночки—коммунисты выбивались из сил, стремясь организовать обычный порядок и не упустить из-под своего влияния кр-цев.

Масса волновалась. Положение становилось угрожающим. Черные вороны усилили свою погромную и вербовочную агитацию, немцы, ухудшая паек, стремились сделать кр-цев более податливыми. Комсостав, принужденный немцами жить в отдельных бараках, оторвался от кр-цев и утратил свое влияние. Тогда немногие знакомые между собой коммунисты решили перейти на скрытую работу. К этому же времени подоспели нам на помощь т-щи из русской секции при коммунистической партии Германии. Состоя в большинстве из бывш. военнопленных, они хорошо знали все условия работы, знали общее положение в Германии и, имея громадный организационный опыт—делились им с нами. Проникли они к нам тайком, но успели передать нам и газет и маленькие подарки. Первая помощь была получена, и мы начали борьбу за всякое устранение разлагающего влияния белогвардейской агитации. Начали мы с созыва лагерных кр-ких собраний с хозяйственными вопросами, например—выборы контр.-хоз. комиссии (такие собрания разрешались). Но это было лишь началом. Надо было пока, только незаметно от немцев, создать какую либо общелагерную организацию, встать во главе ее и под этим флагом свободно работать. На свою беду немцы начали в это время вводить особенно свирепую дисциплину. Несколько кр-цев, пытавшихся бежать из лагеря, были пойманы и жестоко избиты; малейшее нарушение

*) Всех лагерей, занятых интернированными, насчитывалось до 20.

немецких порядков каралось карцером и, подчас, побоями. Игнорируя наш контроль, немцы продолжали ухудшать паек. Тогда мы быстро сумели внушить кр-цам, куда надо нажимать, чтобы улучшить положение. „Хозяйственные“ собрания разом превратились в бурные демонстрации протеста против издевательств немцев. Немецкие фельдфебеля—держиморды встречались в бараках свистом. Помощь б. военнопленных поднимала настроение.

Немцы усилили преследования коммунистов, пытаясь даже избивать особенно видных, но было уже поздно. Контр.-хоз. комиссия, культпросвет, старшинство в бараках—все было уже в наших руках. Пришлось немцам улучшать и паек. Появились нары и постельные принадлежности. Настроение интернированных резко изменилось—выявилось полное доверие коммунистам, стремление к борьбе за улучшение лагерного быта. Вербовка к Врангелю и Ливену „блестяще“ провалилась, и любители-агитаторы из немцев и немногие из сбросивших красную шкуру беленьких (было таких 3—4 из б. офицеров) прикусили язычки. Так прошло месяца полтора*).

К этому времени наше Бюро по делам военнопленных в Берлине, принявшее на себя заботу и об интернированных, выработало и заключило с германским правительством договор об условиях нашего пребывания в лагерях, причем внутри лагерей нам предоставлялось полное самоуправление. Приехавшие из Бюро и восторженно встреченные населением лагеря, представители заявили нам, что отныне самоуправству немцев положен конец. Как и подобает Красной армии, самоуправление было поставлено на военную ногу: барачная организация была заменена ротной, роты сведены в полки; назначен нач-к гарнизона и даже (представьте себе ужас немецких держиморд!) — комиссар и политотдел лагеря. „Белые зайчики“ (так звали мы друзей Врангеля и пр.) и их друзья из немцев пали духом. Мы торжествовали.

Кончился период нашего „незаконного“ существования и начался период использования времени вынужденного бездействия. Закипела культурная и политическая работа. В разбитые на полки части назначались командиры, комиссары, политруки. Учитывались коммунисты, создавались всюду ячейки. В бараках всем ведали комроты. Ставшие ненужными, недавние хозяева—фельдфебеля растерянно бродили по лагерю, провожаемые насмешками. Недавний ли гнет или сознание долга—вернуть красной родине ее прежних дисциплинированных бойцов делали нас неутомимыми—но работа кипела. А внешняя обстановка благоприятствовала. Любой политотдел позавидовал бы теперь этой обстановке: 5 тысяч человек сосредоточены в одном месте, казарменное расположение, живая материальная помощь со стороны б. военнопленных и Бюро (крупную материальную помощь оказывал и „Американский союз христианской молодежи“). Но было одно, что

*) Почти все сказанное, с некоторыми изменениями, происходило и в остальных лагерях, а потому является общей картиной жизни интернированных в Германии.

являлось, как теперь выражаются, „главным тормазом в работе“ и с чем не нужно сейчас бороться ни одному Подиву: тоска по свободе, по родине. Томила и неизвестность о ходе войны, т. к. первое время в лагерях совсем не было газет, питались только слухами. На фронте, сражаясь, мы не думали о мире, но теперь слово „мир“ стало заветным словом, ибо с ним было связано возвращение домой, и только уверенность в том, что Советская власть не затянет напрасно войны, бодрила и придавала силы.

Потом пачками стали приходить белые газеты: „Голос России“ (вернее—„Кадетский голос“), „Русская Воля“ (эсеровская), Бурцевское „Общее Дело“ (у нас называлась „Помойная яма“) и прочие произведения печати. „Русская Воля“ даже открыла специальный „отдел интернированного“. Вот где каждый политработник научился быть цензором и редактором! Нужно было белым строкам при чтении дать красное толкование, нужно было доказать, где правда и где ложь. Впрочем, сами белые писаки помогали нашему делу: усиленно полемизируя между собой, обливая друг-друга помоями, они давали нам великолепный материал для критики. По этим-то материалам начался почти во всех лагерях выпуск своих рукописных газеток, скоро ставших настоящими „Голосами Совроссии“. Впоследствии, когда стали появляться и наши оффициальные печатные газеты (Берлинские „Известия Бюро Военнопленных“ и „Новый Мир“)—белые писаки шли больше на цыгарки, на обертку селедок в нашем кооперативе и пр. надобности. „Русская Воля“ называла нас за это „душителями свободного слова“ (!) и записывала на черную доску.

Работа шла своим чередом. Собрания, кружки, беседы (на манер политчаса) занимали целые дни. Конечно, не было планомерности, не было углубленной работы, но за то был под'ем, было глубокое воодушевление. Через тех же т. т. военнопленных установилась (конечно, тайная) связь с местной организацией германской компартии.

Ноябрь принес нам известие о перемирии. Потом—снова затяжка и снова тоска, не вязавшая, однако, рук. Мы начали работу по „сплаву“ ответственных работников в Россию. Делалось это так: ночью—побег из лагеря, при помощи подкупленного часового или же просто под проволоку, потом по железной дороге до ближайшего лагеря военнопленных (статский костюм делался из немецкого одеяла), там лагерный комитет зачисляет „прибывшего“ в списки и с ближайшим транспортом отправляет в Россию*). Впоследствии стали отправлять прямо до Берлина, а там, при помощи Бюро, все шло великолепно.

Подошла и моя очередь „эвакуироваться“, но в это время положение резко изменилось. Немецким зубрам и, особенно, нашим заграничным представителям „единой и неделимой“ очень уж не нравилось наша свобода внутри лагерей, наша организованность, не понравилось, что на наших лагерях стало сосредоточиваться внимание немецких рабочих, видевших в нас свой авангард и—началась усиленная трав-

*) Тогда шла усиленная отправка быв. военнопленных на родину.

ля интернированных в печати. Все реакционные газеты завопили, что внутри Германии появились в виде наших лагерей „целые советские республики", где, мол, кр-цам внушается ненависть к прекрасному демократическому строю Германии и готовятся боевые отряды в помощь германским коммунистам на случай восстания. „Очаги коммунизма"—так называли нас германские буржуа и были, конечно, правы. „Русские распространяют коммунистическую заразу по всей Германии"—с пеной у рта кричали они и тоже были, до известной степени правы, ибо одно наше присутствие вселяло в сердца немецких пролетариев бодрость и надежду, ибо уже больше никого нельзя было обманывать сказками о том, что Красная армия—это неорганизованные сборища разбойников в зверином облике, что частенько тогда за границей практиковалось. В декабре м-це в рейхстаг вносится запрос правых партий о русских интернированных. „Согнуть в бараний рог," отбить охоту от пропаганды коммунистических идей, заткнуть рот упрямым агитаторам. Как курьез, можно указать, что в запросе указывалось о насилиях в лагерях коммунистов над инакомыслящими. (Это уже всецело плоды работы почтенной „Русской Воли"). Правительство защищало свой договор с нашим представительством, германская компартия все сделала, чтобы доказать, что наши права все же чрезвычайно урезаны и „в гостях" у демократической Германии не так уж сладко сынам свободной России. Запрос, насколько помнится, провалился, но все же „прижим" возобновился. Сократились лагерные „свободы": количество пропусков в город уменьшилось, для собраний надо было каждый раз разрешение дирекции лагеря, на митингах запрещено было касаться вопроса о положении в Германии (тогда уже пахло мартовскими событиями). Запретили издание лагерных газет. Кой где произведены были обыски в политотделах, и некоторые из них закрыты. Особенно „беспокойных" коммунистов выдергивали и пачками отправляли в другие лагеря.

Та же история произошла и у нас, в Сольтау. После обыска в политотделе были забраны дела, и по взятому списку все коммунисты (около 300) были внесены в партию, подлежавшую отправке в лагерь Кроссен (Нижняя Силезия). Лишенная руководства, вся остальная масса была бы, конечно, игрушкой в руках немцев, но маневр удался лишь наполовину. Кр-цы в момент отправки упорно укрывали коммунистов и выловлено было всего лишь около 100 чел. Как нач-к политотдела, я, конечно, попал в число переселяемых и потому мои надежды на „эвакуацию" в Россию временно провалились.

Прошло месяца с полтора, и прежние права были отвоеваны: закрытые политотделы вновь открылись, хотя и под вывеской „культпросвет," вместо газеты стали выходить журналы и устные газеты, собрания вновь проводились свободно (кой-где, впрочем, дело подвигалось туго и почти до конца интернирования права наши оставались куцыми). Вскоре из Кроссена я бежал в Берлин, где проработал полтора м-ца в нашем Бюро.

По прежнему шла в лагерях усиленная политическая работа, во многих лагерях проводилось и военное обучение. Грандиозные праздничные парады, хотя и безоружных, кр-цев внушали священный трепет буржуазии и восторг пролетариям.

Между тем, мирные переговоры все еще тянулись. Немцы, в начале рассчитывавшие крупно заработать на поставке интернированным плохеньких продуктов и „аренде“ лагерей, очевидно пришли к выводу, что с нами больше хлопот, чем доходов, и потому не чинили особенных препятствий к „эвакуации“ одиночек и даже маленьких партий в Россию. „Утечка“ из лагерей расширилась. Работая в бюро, я знал, какая масса „беженцев“ тогда была. Нужно отметить здесь, что в жизни интернированных бюро сыграло громадную роль: оно стойко защищало наши интересы перед германским правительством, вело широкое снабжение лагерей обмундированием; зорко следило, чтобы ни одна марка, предназначенная нашим правительством для нашего питания, не уплыла в немецкие руки. Идейное руководство всей работой в лагерях также было сосредоточено в руках бюро. Каждый приезд представителя бюро в лагерь был праздником для интернированных, т. к. почти всегда за ними следовали подарочки или улаживались всякие конфликты с немецкой администрацией, и к приезду их немцы подтягивались и выдавали на кухню лучшие продукты.

Мартовские события вновь вызвали волну реакции, и лагерные наши права вновь были урезаны и смяты. Немцы страшно опасались, как бы интернированные, связавшись с восставшими, не попытались вырваться из лагерей и примкнуть к восстанию. Правда, наши сердца горели желанием помочь нашим братьям, но—безоружные мы были бессильны и потому сохраняли образцовый порядок и спокойствие, с тревогой наблюдая лишь за борьбой германского пролетариата. Неудача восстания горько отозвалась в наших сердцах. Потом все снова успокоилось, и мы снова отвоевали наши свободы.

Ярким пятном выделяется в воспоминаниях известие о Кронштадтском восстании. Белые газеты трубили о победах кронштадтцев о взятии Питера, о восстаниях по всей России, одним словом—обо всем, чего так жаждали сердца белых писак. Уже кадеты, монархисты и эс-эры спорили о том, кому властвовать в России после падения большевиков. Бедные, они не понимали, что это „после“ равносильно „никогда“! В этот момент мы совсем не получали наших газет, но ни на одну минуту ни у кого в лагерях не было сомнения, что надежды белогвардейской своры не оправдаются. Волна возмущения прокатилась по всем лагерям, отовсюду посылались проклятия безумцам, нанесшим предательский удар Республике, и велика была наша радость, когда наша уверенность в победе подтвердилась, и мы узнали, что Кронштадт пал. Вера в мощь Сов. государства выросла и окрепла даже у самых слабых духом. О ходе восстания особенно интересно было следить по „Русской Воле“, которая так меняла свою физиономию: в начале восстания-огромный аншлаг: „Третья революция в России“, а потом, по мере ликвидации Кронштадта, все уменьшаю-

щимися буквами—„Восстания в России“, „Волнения в России“ и, наконец, совсем мелкое и печальное, просто—„В России“.

В апреле м-це я уехал в Россию, а в мае уже началась официальная отправка интернированных туда, где ждала их свобода, родина и снова работа, работа и работа для блага революции.

На этом заканчивается и мой очерк. Трудно в журнальной статье подробно осветить все стороны жизни и деятельности нашей Красной армии в Германии, но хочется подчеркнуть, что краткое пребывание ее там еще раз показало, что нет такого положения, из которого Кр армия не вышла бы с честью и славой. Восемь м-цев в Германии оставят в сердцах всех бывших там воспоминание честно исполненного долга перед революцией, преклонение и надежду в сердцах германского пролетариата и ощущение смертельного ужаса революции в сердцах германской буржуазии.

В. Савин.

Оборона Парижа от воздушных нападений.

(Перевод с польского).

Во время мировой войны 14—18 года Париж—столица Франции, узловой пункт всех железнодорожных линий, кроме того—центр военной промышленности, местонахождение центральной власти, при огромном многолюдии и близости к фронту, являлся весьма ценным об'ектом для воздушной бомбардировки. Правительство Франции организовало оборону города от воздушных налетов, поставив себе целью или совершенно уничтожить нападающего противника, или, по крайней мере, ослабить его силу.

Оборону эту, с точки зрения новой системы нападения и обороны, надлежит считать единственной в своем роде.

Применяемые средства обороны Парижа можно разделить на наступательные и оборонительные. К средствам наступательным принадлежат: авиация, зенитная артиллерия с отрядами прожекторов и пулеметов, приспособленных к обстреливанию аэропланов. К средствам оборонительным: привязные аэростаты, подслушивающие аппараты, приборы для пускания искусственного тумана и маскировочные отряды. Во главе командования, коему была вверена оборона Парижа, стоял генерал, ответственный перед военным губернатором Парижа и главнокомандующим французской армии. Он имел шесть старших офицеров помощников, как ад'ютантов, офицеров службы связи, командиров авиационной эскадры с непосредственным подчинением (эскадры сменялись через каждые *три* м-ца), зенитной артиллерии, вместе с прожекторами и приборами искусственного тумана, и, наконец, начальника аэростатов.

Организация обороны создалась не сразу, а постепенно, по мере увеличения интенсивности воздушных нападений и развития авиации.

Развитие организации и обороны можно разделить на три периода: первый—1914—15 и 16 года, за этот период происходили налеты в сентябре, октябре и ноябре 14 г., в мае 15 г. и, вместе с налетом цеппелинов—в марте 15 г. и январе 16 г. В этот период, при слабом развитии авиации, главное внимание было обращено на борьбу с цеппелинами, атака коих была первой задачей авиации. Одновременно начали импровизировать зенитную артиллерию, через постройку полевых орудий на специальных подставках. Так как аэропланы поднимались сравнительно медленно и на небольшую высоту, то против них достаточно было специальной организации пулеметов.

Во 2-м периоде, обнимающем конец 16—17 и начало 18 года, немцы производили налеты на Англию в начале при помощи аэропланов типа „Cotha" и в октябре 17 г.—при помощи цеппелинов.

После этих налетов система обороны должна была измениться. Эскадра получила приказ все время кружиться над Парижем, а снаружи центр тяжести обороны перенесся на зенитную артиллерию, последней было организовано 64 полка, часть которой была в действии под Парижем.

3-й период—от марта до конца октября 18 года. За этот период немцы производили налеты днем и ночью, целыми эскадрами, и полеты цеппелинов на большой высоте над Англией. Париж был уже приспособлен к обороне днем от разведывательных самолетов, показывающихся уже на высоте 5—6000 метров, а ночью—к обстреливанию воздушных эскадр. В этот период было организовано две эскадры самолетов боевого типа „Спад" и 20 аппаратов типа „Ньюпор", сменяемых каждые 6 месяцев. Самолеты днем всегда были готовы к немедленному под'ему при появлении неприятеля. Главным средством обороны являлась зенитная артиллерия, которая в это время имела в своем распоряжении 46 батарей, по 6 орудий в каждой батарее, для которой имелся уже специальный снаряд, разлетающийся при взрыве на массу мелких частей, не грозящих жизни жителей Парижа. Так как организация ночных эскадр была сопряжена с большими трудностями, то ночная оборона была предоставлена исключительно зенитной артиллерии, а для облегчения выполнения ночных заданий было организовано 32 станции прожекторов, в группах по 3—4 прожектора. Эти станции направляли свет прожекторов в сторону наиболее опасную—направлении полета неприятельских аэропланов. Присутствие их также заранее узнавалось при помощи подслушивательных аппаратов. В конце марта 16 года были также установлены в разных пунктах аппараты, которые в течение 5 минут окружали Париж огромными клубами дыма, так что летчики, ориентирующиеся по направлению рек, шоссейных дорог, теряли направление и не могли достигать целей, предназначенных

для сбрасывания бомб. Кроме того, было организовано 14 секций привязных аэростатов, по 10 аэростатов в каждой секции. Поднимались они на высоту 2000 метров, и к ним прикреплялись еще воздушные шары, которые достигали 4000 метров. Аэростаты эти запутывали атакующие неприятельские аэропланы.

Если прибавить ко всему этому, что, для предотвращения всяких неожиданностей, было организовано на окружности 30—40 километров от Парижа около 40 подслушивательных станций со специальными аппаратами, регистрирующими направление и высоту полета неприятельских эскадр, целые отряды пулеметов, наконец, отлично организованная связь: телефон, телеграф, радио,—то будем иметь полную картину обороны Парижа, но все-же этим французское правительство не ограничилось. Чтобы ни в коем случае не подпустить неприятельских летчиков в Париж, заблудить их в дороге и чтобы бомбы не попадали в самый Париж, в том месте, где река Сена, поворачиваясь, делала такой же поворот, как и в Париже, французы, при помощи импровизированных бараков, изобразили целый город. Устроили искусственное скрещивание каналов, как в Версале, вокзалы освещающиеся ночью, также, при помощи светового эффекта, устроили железные дороги и движение поездов.

Эта колоссальная работа стоила огромных денег; она не была доведена до конца к моменту победы французов, но все же принесла огромную пользу. Если в начале осады Парижа неприятельским эскадрам удавалось появляться над Парижем в числе 30 самолетов, то потом, по мере развития искусства стрельбы по аэропланам, как указывает статистика, эскадры, численностью в 50—60—70 самолетов, должны были возвращаться обратно и только единичным летчикам удавалось кое как летать над Парижем и бросать в него бомбы.

В 1918 году зенитная артиллерия, защищающая Париж, произвела 103282 выстрела, на общее число 488 атакующих самолетов. Убито 37 летчиков, а также испорчено большое количество аппаратов.

Н. Пуц.

Самодвижущаяся центральная станция связи гусеничного типа.

Необходимость иметь подвижную телеграфно-телефонную сеть, следующую непосредственно за войсками, проделывающими марш-маневр на театре военных действий, стала в настоящее время все более и более ощутительной. Кроме того, замечается потребность создания для службы связи нескольких отдельных самостоятельных сетей в армии или группе войск, для каждой определенной отрасли службы (командования и различных управлений), причем сеть связи, предназначенная для данной отрасли службы, должна отвечать особенностям и специфическим свойствам этой службы. Нельзя считать равнозначущей, одинаковой по своему характеру и свойствам, сеть связи, предназначенную для командования и для службы военных сообщений, для артиллерии и снабжения. В высших штабах Управление Военных Сообщений обыкновенно пользуется своей отдельной сетью связи, в низших же штабах, при переходе с тяжелых проводов на сеть полевого типа, подобное расчленение проводится в еще большей степени.

Практика показала, что та сеть связи, по которой происходит во время боевых операций управление войсками, непосредственно соприкасающимися с противником, должна быть более гибкой и подвижной. Сеть же, предназначенная для других целей, может быть менее подвижной, а в некоторых случаях—может даже представлять из себя совершенно неподвижную и надолго установившуюся связь (этапы комендантов железных, шоссейных дорог, главные базы снабжений и т. д.). Сеть проводов, обслуживающая связь командования с пехотой и артиллерией во время боевых действий, должна представлять из себя узкие пространства, на которых проходят в различных направлениях замаскированные линии, образующие более или менее правильный квадрат, пересеченный диагоналями, концы которых выдвинуты и кончаются на рубеже передовых частей (полков) для связи командования, а для артиллерии—еще дальше. Центральные станции, как телеграфные, так и телефонные, будут находиться

в пунктах пересечения диагоналей квадрата или в вершинах образующихся треугольников. Такая сеть связи открывает полную возможность быстрой организации сношений командования с подчиненными ему частями во время маневрирования, давая связь как по фронту, так и в глубину.

Общераспространенный предрассудок линейной системы связи по прямым линиям мало применим, так как не дает возможности производить маневр в нужном направлении, что делает двигающиеся части рабами этих линий. Построенная по указанной системе сеть представляет выгоды и для артиллерии, так как делает возможным расположение центральных станций вблизи наблюдательных и корректирующих стрельбу пунктов. Дальнейшее движение штабов требует соответствующего продвижения и центральных станций к месту своей новой стоянки, что не всегда совпадает по времени, ввиду неприспособленности существующих станций к движению в непосредственной близости от противника и без дорог.

Надеяться при продвижении вперед на только что очищенную территорию от неприятеля, в предположении, что там останутся телеграфные учреждения или другие какие-либо сооружения связи, как показал опыт, ни в коем случае нельзя. Противник, задолго до своего отступления, постарается эти пункты привести в полную негодность, благодаря чему воспользоваться ими при занятии не представится возможным. Соорудить же новые пункты не так легко, так как на это требуется время, затрата рабочей силы и т. д. Наконец, бездорожье, изрытое взрывом снарядов поле (центральная станция артиллерии, полка), переход через окопы, огонь противника, близость действия газов,—делают мало применимым транспорт с конной тягой для передвижения центральных телеграфных и телефонных станций в непосредственной близости от противника.

К телеграфным и телефонным станциям, особенно находящимся в передовых частях (бригада, полк, артиллерийский дивизион, воздушные наблюдательные пункты), пред'являются следующие основные требования:

а) Способность двигаться наравне со штабом (подвижность).

б) Немедленно открывать действие своих средств (быстрота установки).

в) Иметь при себе все виды средств связи (электрические, оптические, пиротехнические, живые: голубей, собак).

г) Не покидать своего места и не прерывать действия как вне обстрела, так и во время обстрела.

Этим условиям, как показал опыт и практика только что минувшей войны, подвижные телеграфные и телефонные станции с конной тягой не отвечали не только в нашей армии, но даже и в армиях иностранных, несмотря на то, что развитие техники и промышленности вполне позволяло выполнить эти требования. Способность продвижения телеграфных и телефонных станций может быть приобретена только тем, что станции не будут в дальнейшем рабами дорог

и не будут зависить от их состояния. Преодолевая бездорожье, они должны выигрывать в скорости тем, что свое движение могут совершать по более прямым линиям, чем и выигрывается время.

Для организации телеграфной или телефонной центральной станции, даже при условии, если таковая прибудет своевременно, нужно минимум два-три часа при хорошо обученном персонале (устройство вводов, оборудование помещения и т. п.). Таким образом, мы видим, что телеграфно-телефонные станции существующего типа, с конной тягой совершенно не удовлетворяют требованиям скорости движения по любой местности и быстроты установки. В настоящее время во всех отраслях военного дела приобретают громадное значение гусеничные тракторы, применяемые с большим успехом в непосредственной близости от противника и могущие преодолевать трудно проходимую, пересеченную местность, причем скорость движения таких гусеничных тяг доходит до 40 километров в час. Умелое использование гусеничных тракторов для службы связи парализует все указанные выше недостатки станций двуколочной системы и, помимо того, даст полную возможность провести вполне последовательно 4 упомянутых основных требования, пред'являемые современным боем к станциям связи. Установленная и смонтированная подвижная станция на гусеничном тракторе может открыть действие в любой момент, не нуждаясь ни в установке приборов, ни в зарядке батарей, так как здесь остается лишь подвести шлейфы от заранее подготовленной, построенной или восстановленной сети связи. Двигаясь по местности, где проходит сеть связи, эта же станция всегда, в любой момент, может по мере движения включаться в сеть, чем и достигается до некоторой степени непрерывность проволочной связи и подвижность сети.

Необходимость действия нескольких видов средств связи в одном направлении, независимо даже от того, что будет действовать прочно и устойчиво одно какое-либо из них, стало одним из главных требований тактики службы связи. Таких подвижных и комбинированных станций, т. е. совмещающих все виды средств связи, до сих пор нет, как нет и соответствующих „универсальных" частей связи, несмотря на то, что это требование выдвинуто практикой. Если нам нужно открыть действие телеграфа, необходима отдельная телеграфная станция, при нужде в полевом радиотелеграфе—то же самое, при открытии действия оптического телеграфа—требуется специальная телеграфная станция, при выпуске голубя—тоже станция.

В конечном счете, если взять за единицу хотя бы дивизию или полк, то получается целая серия отдельных видов станций, численность которых доходит от 3 до 5. Помимо того, что это распыление является обременительным багажем для штаба, оно для начальника связи создает из этих станций какой-то призрак, от которого трудно отрешиться. Отсюда, опять, как показал опыт, произошла заброшенность целых видов средств связи, особенно в русской армии, как-то связи: оптической, голубиной, пиротехнической и т. д., причем

некоторые виды совершенно не эксплоатировались, а если были попытки к их эксплоатации, то слишком неудачные (радиотелеграф). При обычном транспорте для подвижных станций, пользующихся конной тягой, смонтировать такую универсальную станцию, которая заключала бы в себе все виды средств связи, было бы трудно, во-первых, ввиду большой нагрузки, во-вторых, за трудностью перевозки источников технического питания, персонала и установки приборов, аппаратов. Станция же, смонтированная на самодвижущемся тракторе гусеничной тяги, вполне допускает возможность рискнуть на такой универсализм, при котором успех и затрата потраченной энергии оправдают себя. Этим же достигается полная возможность действия станции во время обстрелов.

Для такой станции не важно будет то, что противник порвет проволоку, кабель, ибо она откроет действие радиотелеграфа или оптического телеграфа, в то время, как станции, отдельно действующие и расположенные в помещениях, этого не выполнят. Порванный кабель парализует действия телеграфной и телефонной станции, удаление радиотелеграфной станции заставит писать предписание об открытии ее действия, вести постройки, что, в конечном итоге, вызовет некоторое замешательство в работе органов связи. Все эти причины, действующие отрицательным образом на работу станций связи, заставляют серьезно заняться исследованием вопроса о применении такого ценного средства, каким является гусеничный трактор. Этого требует наше бездорожье, лесистая и болотистая местность. Овладеть этими свойствами местности при помощи конной тяги не так легко, как думают.

Никакая образованность, никакая практика, основанная только на голом изучении опыта, без его дальнейшего усовершенствования, тесно связанного с достижением техники, не даст тех результатов, которых громадными усилиями и жертвами желают достичь. Преимущества такой тяги для станций связи вполне очевидны. Сейчас перейдем к краткому освещению тех требований, которым должна удовлетворять тяга для станций связи при условиях и свойствах нашей территории. Применить гусеничные тяги, употребляемые в иностранных армиях, у нас будет несколько рискованно, так как эти тяги выполняют лишь условия, вытекающие из свойств местности, несколько отличной от нашей. Конечно, опыт Запада должен служить для нас основой, и трактор империалистических армий следует принять, как первоначальный тип, требующий дальнейшего своего усовершенствования согласно тех требований, которые пред'являются свойствами и характером нашей местности. Требования эти, по отношению к гусеничной тяге для станций связи, суть следующие:

а) Способность преодолевать низкорослый густой лес, густые заросли, болотистые места,

б) преодолевать все препятствия в виде небольших рек, неровностей местности и гор,

в) возможность двигаться по дорогам, путем применения колес,

г) быть неуязвимым для действия газов и артиллерийского огня,

д) иметь электрический мотор и двигатель внутреннего сгорания.

Некоторые типы, применяемые в иностранных армиях, вполне удовлетворяют этим условиям, за исключением способности преодолевать лес, болотистые места и горы. В нашей обстановке такое нововведение крайне необходимо. Если принять во внимание два возможных будущих театра военных действий, один из коих западный, а другой, например,—граница с Афганистаном и Тибетом, то такая система, приноровленная к этим условиям, явится вполне практичной и необходимой. Самым трудным вопросом перед нашей техникой ставится условие, как преодолеть болота, какой тип, какая мощность, форма более пригодны для этой почвы. Здесь должны сыграть большую роль сведения о наших болотах, глубина их до твердого грунта и, наконец, практические выводы из законов погружения тел в полужидкие массы, в отношении определения их веса и необходимой формы для сохранения равновесия. Эту трудность при современном состоянии науки легко преодолеть. Что же касается устранения препятствий в виде борьбы с газами, то допускаемая герметичность с изменением давления внутри сможет вполне предотвратить доступ газов в середину.

В заключение остается сказать несколько слов о составе, весе и форме станции. Станция связи должна заключать в себе:

1) Для дивизии.

1 аппарат Юза.
5 аппаратов Морзе.
Источник электрической энергии.
Радиотелеграф (приемник и передатчик).
Оптическую станцию.
Отделение для голубей и
материал для устройства полевых линий, шлейфов и исправления повреждений.

2) Для полка.

Телефонные коммутаторы.
Сигнальные приборы.
Отделение для голубей.
Пиротехнические средства связи и
кабель, необходимый для установки телефонов.

Для установки оптической вышки можно прибегнуть к выдвижным стенкам, вкладывающимся внутрь и выдвигающимся в случае необходимости. Высота такой вышки должна открывать кругозор, по крайней мере, верст на 10—12. Эта же вышка может служить и ан-

тенной для радиотелеграфа, а также и голубятней для выпуска и приема голубей. Вес станции дивизии, считая одни приборы, будет приблизительно 2 тонны.

Введением станций связи указанного типа мы добьемся их универсальности и одновременного действия в бою всех средств связи, малой уязвимости от огня, независимости от дорог и от наличия подходящих помещении, большой подвижности и скорости установки связи. По нашему глубокому убеждению, тракторные станции связи гусеничной тяги, умело сконструированные, должны принести такую же реальную пользу, как и тракторы других родов оружия. К практическому осуществлению затронутой идеи необходимо приступить по возможности скорее.

Р. И. Б.

Свойства автомобильной артиллерии.

Как известно, толчком к широкой механизации тяги в полевой артиллерии во время мировой войны послужил повсеместный недостаток конского состава, особенно в последний период этой войны, когда на стороне антигерманской коалиции появился новый союзник, в лице Сев.-Амер. Соед. Штатов. Перебрасывая свою армию на континент Европы и экономя при этом тоннаж своих морских транспортных средств, Америка для своей полевой артиллерии, посаженной на суда, с ограниченным конским составом, ради экономии места и быстроты переброски, расчитывала уже на континенте пополнить конский состав ее до надлежащей нормы из рессурсов своей союзницы— Франции.

Она в этих расчетах ошиблась. Тогда-то и возникла у Америки мысль использовать свои богатые наличные рессурсы и широко развитые промышленные возможности в области автомобильного транспорта. С этого времени тракторы и грузовики начинают все шире применяться не только в тяжелой, но и в легкой полевой артиллерии на замену лошади, для перевозки и для маневрирования существующих систем полевых орудий на поле сражения, путем прицепки к ним передка или прямо хобота лафета или даже прямою перевозкою системы на площадках тракторов или автомобилей. Так получилась *автомобильная* или *авто-моторная артиллерия*, у французов названная оффициально в уставах „l'artillerie portée“ (переносимая).

После окончания войны С. Америка, интенсивно используя богатейший опыт этой грандиозной войны, непрерывно продолжает широкие изыскания и опыты по конструированию моторизованной артиллерии, дойдя на этом пути до постройки компактной системы орудия на автолафете как одного неразделимого целого с гусеничным или с колесным трактором. Много различных оригинальных и, порою,

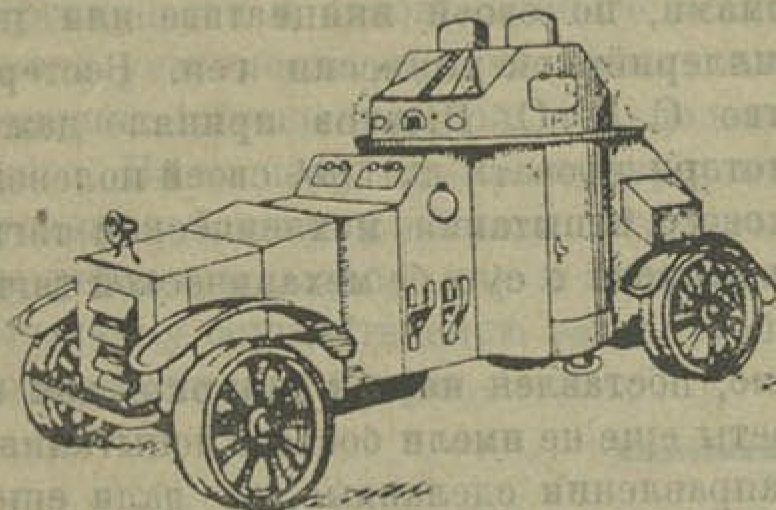
довольно остроумных таких опытных образцов, более или менее сложных, гусеничных или колесных или даже комбинированных гусенично-колесных (система Кристи) сконструировано в С. Америке в течение, главным образом, 1920—23 г. г., различными тракторо-строительными и автомобильными фирмами, по своей инициативе или по заданиям известной опытной артиллерийской комиссии ген. Вестервельта. Артиллерийское ведомство С.-А. С. Штатов приняло даже принципиальное постановление моторизировать до 50% своей полевой артиллерии, для широкого войскового испытания механической тяги с целью окончательного решения вопроса о судьбе механической тяги в артиллерии всех родов.

На континенте вопрос, видимо, поставлен не так широко, как в Америке. Потому-ли, что автолафеты еще не имели боевого испытания, потому-ли, что опыты, в этом направлении сделанные, не дали еще возможности прийти к окончательным заключениям, или по каким либо иным соображениям, в составе французской артиллерии, согласно последних оффициальных источников, не имеется самодвижущихся артиллерийских систем и, кроме основной массы *запряженных* полевых орудий (ок. 65%), в ее состав входят еще только до 20% *автомобильной* артиллерии, т. е. артиллерийские полки, в которых орудия (75 мм. и 155 мм. короткие пушки) перевозятся на площадках колесных грузовиков, и около 13—15% собственно тракторной артиллерии, где орудия буксируются колесными или гусеничными тракторами. Но эти последние составляют уже тяжелую полевую артиллерию с пушками от 145 до 200 мм. калибра. Таким образом, вопрос о самоходных установках или об орудиях на автолафетах гусеничного типа, равно как и вопрос о введении гусеничной тракторной тяги для легких орудий—еще вопросы будущего.

Цель настоящей статьи—ознакомить широкие круги военных читателей с тою оценкою, с тою характеристикою, какую сами французы дают своей *автомобильной полевой артиллерии* в одном из приложений к ныне действующему уставу полевой службы артиллерии (Instruction provisoire sur le service en campagne de l'artillerie), утвержденному главным командованием 15 июня 1919 г. и отпечатанному в первом издании в 1921 г. При существующих в настоящий момент взаимоотношениях между Францией и Польшей—этот вопрос для нас представляет особенный интерес.

По последней организации французской артиллерии, как это видно из законопроекта о кадрах, внесенного военным министерством в парламент и утвержденного этим последним года два тому назад, 12 полков легкой автомобильной артиллерии (по 3 дивизиона двухбатарейного состава в каждом) вооружены 75 мм. пушками того же типа, как и существующая с 1897 г., их знаменитая полевая „75“, с честью проделавшая всю последнюю кампанию, но только более тяжелая, благодаря удлиненному стволу (до 32 калибров), и имеющая максимальную дальность при полном заряде не менее 10 клм. Орудие, наложенное на прежний колесный полевой лафет, перевозится вместе

с этим последним на площадке 5 тонного колесного грузовика типа Уайта. Все 12 полков автомобильной полевой артиллерии входят в состав *главного артиллерийского резерва*, находящегося в прямом распоряжении главного командования, и, в отличие от запряженной артиллерии (ездящей, конной и полевой тяжелой), этот род артиллерии получил вышеуказанное название „переносимой“ артиллерии (portée) по аналогии с вьючной горной артиллерией, вооруженной 65 мм. пушками. Передвижение на колесных грузовиках делает эту артиллерию на самых полях сражения менее подвижною, чем запряженная, как тесно связанную с дорожною сетью, но за то эти орудия могут быть быстро выдвинуты с дальних дистанций, из глубокого тыла, там, где имеются хорошие пути сообщения с фронтом, и быстро переброшены в любой участок фронта, для его усиления весьма могущественным огневым средством, как это видно из характеристики, приводимой ниже и извлеченной из упомянутого выше французского документа.

Особые свойства.—Автомобильная 75 мм. артиллерия отличается от запряженной 75 мм. артиллерии, главным образом, в отношении двух факторов—в отношении *подвижности* и *питания боевыми припасами.*

Как и всякая автомобильная часть, она *тесно связана с дорожною сетью.* При употреблении на местности с хорошо развитою сетью дорог автомобильная артиллерия обладает *большим могуществом.* Во-первых, она может проходить по 60—80 клм. в день, а, в случае крайности, делать отдельные переходы и до 100 клм. в сутки; однако, такими форсированными переходами она не может двигаться долго (не более 2—3 дней подряд), потому что после этого автомобильная артиллерийская часть не будет способна, немедленно по прибытии на поле сражения, вступить в бой, требуя серьезного осмотра и восстановления своих транспортных средств, без чего они не будут в силах выполнять надежно свои функции питания боевыми припасами.

Во-вторых, могущество автомобильной артиллерии, действующей в районе хороших дорог, обусловливается особенно благоприятными условиями питания ее боевыми припасами как в *количественном* отношении, так и в отношении *быстроты* пополнения. Хотя при себе автомобильная батарея возит боевой комплект всего по 200 выстрелов на орудие, но за то малые грузовики ее в один оборот между позицией и базою питания доставляют на батарею почти двухдневную среднюю потребность патронов, и в то же время, будучи всегда в полной готовности двигаться, эти малые грузовики могут развивать скорость

до 12 клм. в час, быстро пополняя боевые комплекты своих батарей даже из отдаленных тыловых складов.

Напротив, на местности, не располагающей хорошими дорогами, автомобильная артиллерия теряет свое могущество и свою быстроходность.

Способность автомобильной артиллерии к быстрому передвижению и к быстрому пополнению своих боевых комплектов, при наличии указанного выше условия, делает этот род артиллерии особенно пригодным для осуществления *мощных* и *быстрых огневых подкреплений*. Поэтому она играет роль маневренных войск, удерживаемых в резерве до момента специальной потребности в них.

Ввиду того, что условия употребления автомобильной артиллерии в некоторых отношениях существенно отличаются от условий употребления запряженной артиллерии, как общее правило, автомобильные артиллерийские части находятся в непосредственном распоряжении высшего войскового начальника, надлежаще осведомленного о специальной подготовке личного состава своей артиллерии и о свойствах материальной части, ими располагаемой; этот начальник и устанавливает план употребления всех видов артиллерии, учитывая эти специальные данные.

Выбор позиции.—Некоторые особенности условий занятия позиции и снабжения боевыми припасами, несущественные для запряженной артиллерии, серьезным образом влияют на выбор позиций для автомобильных артиллерийских единиц. Также, как и для всякой запряженной артиллерийской части, начальник артиллерии корпуса, как общее правило, дает *боевые задания* и командиру автомобильной части, присланной в его распоряжение для подкрепления; в отношении же выбора позиции он ему указывает лишь *район расположения* в самых широких пределах. В этом районе свою позицию командир части выбирает по своему усмотрению, докладывая затем об этом начальнику артиллерии корпуса.

Район расположения позиции для автомобильной батареи выбирается в соседстве с дорогами. При несоблюдении этого условия личный состав батареи будет сильно затруднен и излишне утомляться при подноске боевых припасов на батарею; равным образом и маневренная способность батареи будет сильно ослаблена.

В особых случаях для размещения автомобильной артиллерии даже может выдвинуться необходимость уступки запряженными батареями своих позиций, удобных для автомобильной артиллерии по вышеуказанным соображениям.

Выезд на позицию автомобильной батареи вблизи противника может привлечь его внимание шумом автомобильных моторов, тем самым обнаруживая предпринимаемый манёвр. Это обстоятельство может принудить командование *при подготовке атаки* брать упряжь и передки от соседних запряженных батарей, предоставляя их во временное распоряжение автомобильной артиллерийской части для выезда на ближнюю позицию и для организации первоначального снабжения

боевыми припасами на позиции. В период самого боя этот прием рекомендуется применять лишь в самых исключительных случаях.

Питание боевыми припасами на позиции.—Автомобильная артиллерия перевозит свои боевые комплекты в укупорочных ящиках на грузовиках. С этих последних ящики снимаются и укладываются по краям дороги, в возможной близости от боевой позиции. Так как отсюда на самую позицию боевые припасы приходится подносить на руках, то, в случае расположения позиции батареи далеко от дороги, такая переноска потребует затраты значительного времени и излишне будет утомлять людей, серьезно ослабляя возможность обильного питания батареи боевыми припасами. Поэтому позиция для автомобильной батареи, предвидящей по своей боевой задаче значительный расход боевых припасов, должна выбираться *возможно ближе к дорогам.*

Перемена позиций.—При перемене позиций на небольших расстояниях на поле сражения автомобильная артиллерия обладает не меньшею подвижностью, чем запряженная артиллерия, если только дороги в хорошем состоянии. На дорогах же, сильно изрытых снарядными воронками, автомобильная артиллерия неизбежно будет передвигаться довольно медленно, из опасения серьезных повреждений материальной своей части.

Поэтому рекомендуется преимущественное снабжение автомобильных батарей снарядами обр. 1917 г., улучшенного в баллистическом отношении чертежа и дающих значительно увеличенную дальность полета. Эти снаряды допускают более длительное использование батареи на данной позиции, устраняя передвижение этой батареи на небольшие расстояния по трудно проходимой местности.

Связь.—Автомобильная артиллерия, располагая вообще прекрасными средствами связи (мотоциклы, разведочные автомобили, малые грузовики), использовать их в широкой степени, однако, может только при наличии развитой сети дорог и при хорошем состоянии последних. Поэтому всякий раз, как только это оказывается возможным, связь автомобильной артиллерии облегчают приданием к ней кавалерийских частей. Только одна кавалерия своими раз'ездами и патрулями даст возможность автомобильной артиллерии надежно *освещать местность* во время маневрирования.

Обслуживание транспортом.—Наличие в составе всякой автомобильной артиллерийской части значительного числа автомобильных перевозочных средств позволяет вполне обслужить ее этими средствами во всех случаях; поэтому употребление этого рода артиллерии, как запряженной артиллерийской части, придачею ей запряженных передков, взятых от соседних запряженных батарей, нужно допустить только в том исключительном случае, который был выше отмечен в пункте о выборе позиции. Вообще же в бою каждая артиллерийская часть нормально должна расчитывать только на свои собственные перевозочные средства.

Всякая потеря автомобильною артиллериею своих грузовиков ослабляет ее мощность снабжения и, следовательно, ослабляет ее особые боевые свойства, отличающие ее от других родов артиллерии.

Так как износ перевозочных средств автомобильной артиллерии не всегда ясно внешне выявляется, то каждая автомобильная артиллерийская часть нуждается в обязательном *однодневном* осмотре всех своих машин после *каждых четырех дней движения,* если не желают рисковать полною потерею ее подвижности.

Вследствие большой *уязвимости* автомашин не следует вблизи позиции батареи задерживать излишнее их количество, кроме существенно необходимого числа их для связи и текущего обслуживания батареи.

Для обеспечения необходимого ремонта машин автомобильного артиллерийского полка, нужно его эшелоны сосредоточивать вблизи хороших дорог, на укрытой местности, в расстоянии не ближе 10 клм. от передовых артиллерийских линий противника, вне досягаемости неприятельского обстрела из орудий нормальных полевых калибров.

Это последнее соображение, конечно, касается не только собственно автомобильной артиллерии, но также и всякой артиллерийской части с механическою тягою.

Мне точно неизвестен состав польской полевой артиллерии; но так как организация армии в Польше выполнена при самом активном участии Франции, то можно быть вполне уверенным в наличии в составе артиллерии нашей непосредственной соседки и автомобильных артиллерийских частей только что рассмотренного типа.

С. Меженинов.

Организация местности при обороне.

От редакции.

Данная статья является докладом тов. Меженинова на с'езде В. Н. О. Западного фронта. Мысли, развиваемые автором, вызвали очень оживленный обмен мнений и представляют, ввиду их новизны и простоты, большой интерес. В ближайшем будущем идея автора будет проведена и проверена на практике. В условиях позиционной войны во Франции англичане применяли нечто похожее, только в более грандиозных размерах, что и дало мысль Сыромятникову в его лекциях. „Наступление и оборона в условиях позиционной войны“ сравнить такую систему обороны с водонепроницаемыми перегородками корабля, где прорыв в одном месте моментально бывает локализован и не может распространиться далее. На французском фронте такая система была неглубока и широка. У нас во время гражданской войны на Северном фронте, англичане применяли одно время успешно, пока мы не наловчились, такую же систему блокгаузов, распределяя их глубоко

и неширoко, применяясь к условиям местности в лесах и болотах. Новизна данных мыслей заключается в том, что здесь ставится вопрос об обороне в условиях маневренной войны, и автор дает указания, как с простыми средствами создать очаги сопротивления. Помещая статью, редакция расчитывает, что она вызовет обмен мнений по этому важному вопросу.

Редакция.

Перед войной 1914 года инженерные постройки разделялись на крепостные, полудолговременные и полевые.

1) В системе пехотной позиции внешнего пояса крепости был ряд фортов—сомкнутых укреплений со своим гарнизоном, организацией огня вперед и на промежутки с убежищем для гарнизона, замкнутыми препятствиями и фланкируемыми рвами.

Промежутки между фортами, с об'явлением мобилизации, заполнялись пехотными позициями полевого типа.

Для создания глубины обороны развивалась вторая линия фортов и промежуточных позиций.

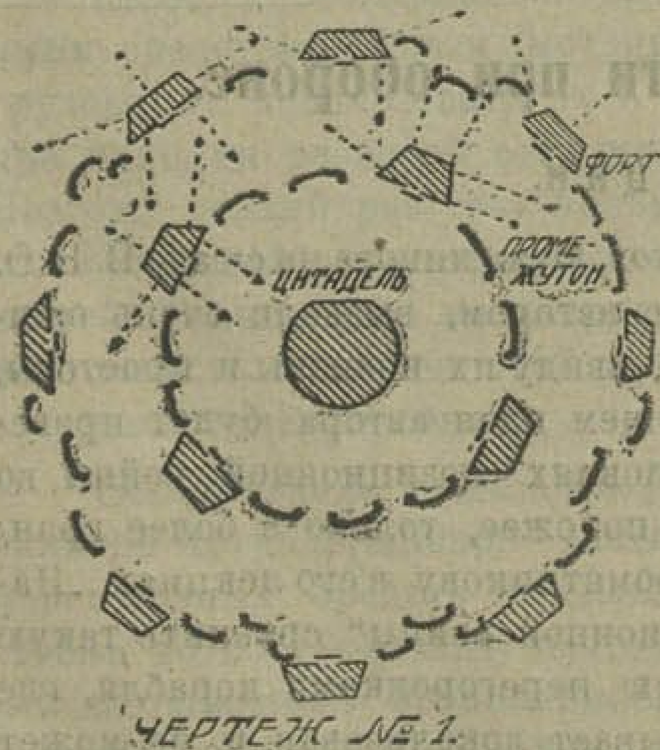
Первая и вторая линии фортов отстояли друг от друга на такую дистанцию, чтобы снаряды, направленные в первую линию, не разрушали второй.

Управление обороны организовывалось по секторам, в которые входило несколько фортов первой и второй линий.

Для устойчивости борьбы на промежутках, в каждом секторе был свой резерв.

Сектор обслуживался своей артиллерийской группой для отбития наступления противника.

Схема всех позиций крепости была в таком виде:

ЧЕРТЕЖ № 1.

Основой пехотной крепостной позиции был форт, сила сопротивляемости которого расчитывалась на огне (пулеметные установки, противоштурмовые орудия, орудия фланкирующие рвы, пехота, стреляющая поверх бруствера), *надежности построек, служащих убежищем для войск и прислуги орудий и сомкнутых маскированных препятствиях.*

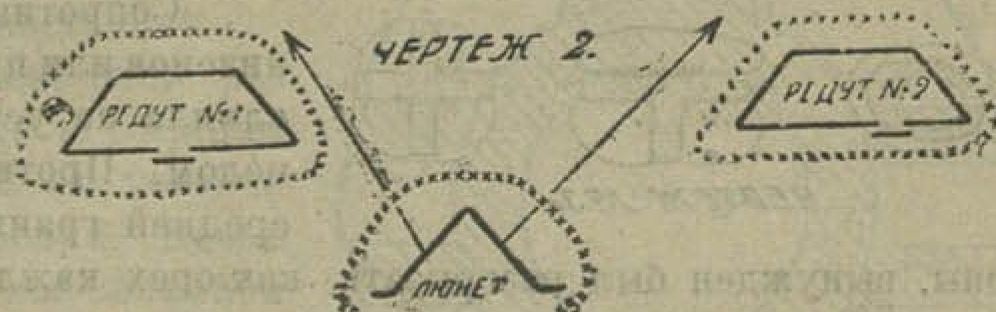
2) В пехотной позиции полудолговременного типа скелетом позиции являлись сомкнутые и полусомкнутые постройки, в виде редутов, люнетов, реданов.

В каждой из этих построек был свой гарнизон, организация огня расчитана на сильное действие по фронту и на промежуток.

Промежутки между редутами заполнялись окопами полевого типа.

3) В полевой фортификации основной постройкой являлся окоп линейного начертания с траверсами для прикрытия от флангового и блиндажей—от навесного огня.

Эти постройки соединялись ходами сообщения, изгибы которых приспосабливались для стрельбы.

Каждый окоп получал свой гарнизон, организация огня которого была приспособлена к сильному действию вперед. Возможность обороны в нескольких направлениях достигалась приспособлением для стрельбы ходов сообщения, с тыла—постройка открыта и мало приспособлена для стрельбы.

Из сравнения трех видов основных построек пехотной позиции, укрепленной с различной технической прочностью, видно, что в случаях, где сопротивляемость постройки разрушению артиллерией большая, признано полезным иметь основную постройку сомкнутой, способной сопротивляться во всех направлениях. Там, где постройка технически слаба, она вытянута в линию, чтобы меньше подвергаться разрушению от огня артиллерии.

Сила сопротивляемости этой постройки зиждется на ее маскировке.

Позиционная борьба на Западе применяла типы построек всех видов фортификации.

Особо широкое применение получили бетонные блокгаузы и убежища, отдельные броневые установки, убежища в минных галлереях.

Эти постройки допускали отделение живой силы от автоматического оружия.

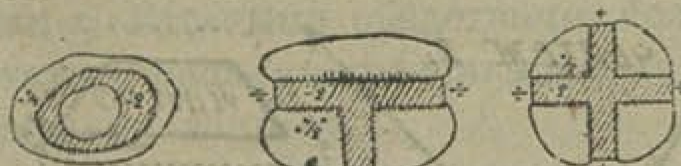
Окопы стали систематизироваться группами, чтобы таким путем получить узел окопов, способный сопротивляться во всех направлениях.

Но эти узлы, большие по площади, подвергались массовому артиллерийскому огню и быстро нейтрализовались.

В маневренный период войны, когда оборона являлась временной, немцы использовали, как редюиты, местные предметы достаточной прочности или хорошо маскирующие.

В 1918 году, когда боевые группы пехоты приобрели большое значение, постройки стали малыми по размерам и почти всегда по форме близки к сомкнутым: кольцевые, крестообразные, или „Т“—образ-

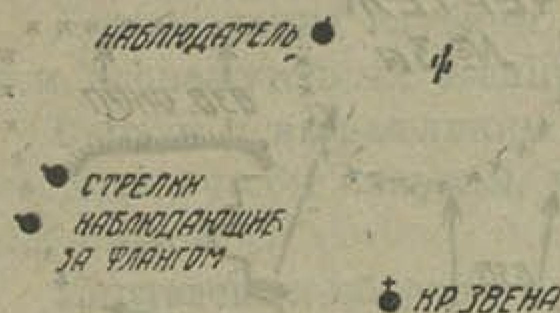
ные окопы. Гарнизон такой постройки был от 3-х до 10 чел. и главная сила сопротивления его расчитывалась на огонь автоматического оружия (черт. № 3).

ЧЕРТЕЖ №3б

Сопротивляемость малых гарнизонов или просто очагов автоматов влияла на устойчивость позиций в целом. Противник, дошедший до средней грани расположения обороны, вынужден был разгрызать, как орех каждую из таких мелких построек, самостоятельно сопротивлявшихся во всех направлениях и плохо поражаемых артиллерией атаки, благодаря малым размерам.

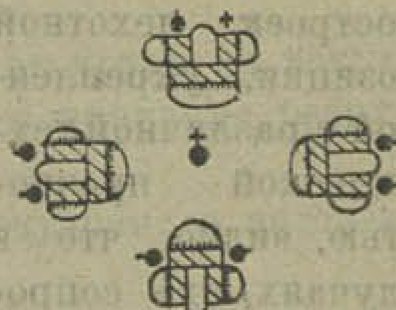
ЧЕРТЕЖ №4.А.
РАСПОЛОЖЕНИЕ ЗВЕНА ДО САМООКАПЫВАНИЯ
НАПРАВЛЕНИЕ СТРЕЛЬБЫ

Если принять состав звена в 9 человек при одном автомате, то, при действии в определенном направлении, расположение звена обычно будет таковым:

Укрытия, созданные путем

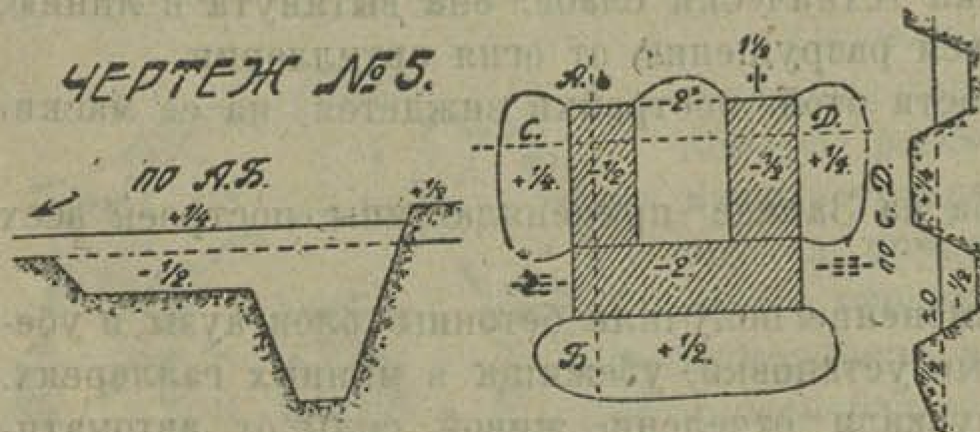
ЧЕРТ. №4 Б.
РАСПОЛОЖ. ЗВЕНА ПОСЛЕ САМООКАПЫВ.

самоокапывания, для каждой пары будут состоять из парного окопа лежа.

Эта парная ячейка может быть соединена ходом сообщения, который при углублении явится и убежищем.

ЧЕРТЕЖ №5.

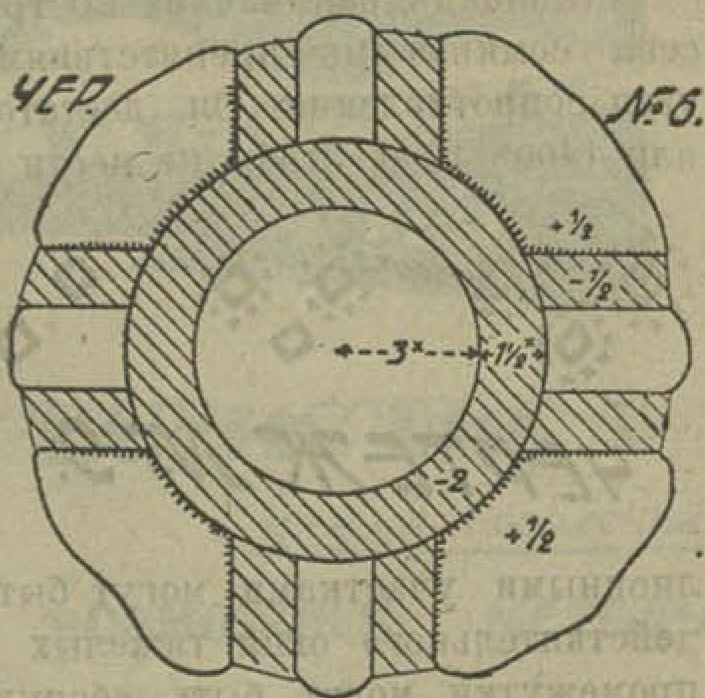

Несколько таких парных ячеек, соединенные ходом сообщения, явятся сомкнутой постройкой (блокгаузом), способной к сопротивлению во всех направлениях, приняв форму:

Об'ем земляных работ $\frac{1^1/_2+1}{2} \times 2\frac{22}{7} 3^3/_4 =$ приблиз. 30 кб. ар. $3+{}^1/_2+8 \cong 12$ кб. ар. $30+12=42$ кб. ар. Принимая успех работы малой лопатой 1 кб. ар. при 8 рабочих $\frac{42}{1.8}=5$ час. 15 м. + 1 час отдых— *6 час. 15 мин.*

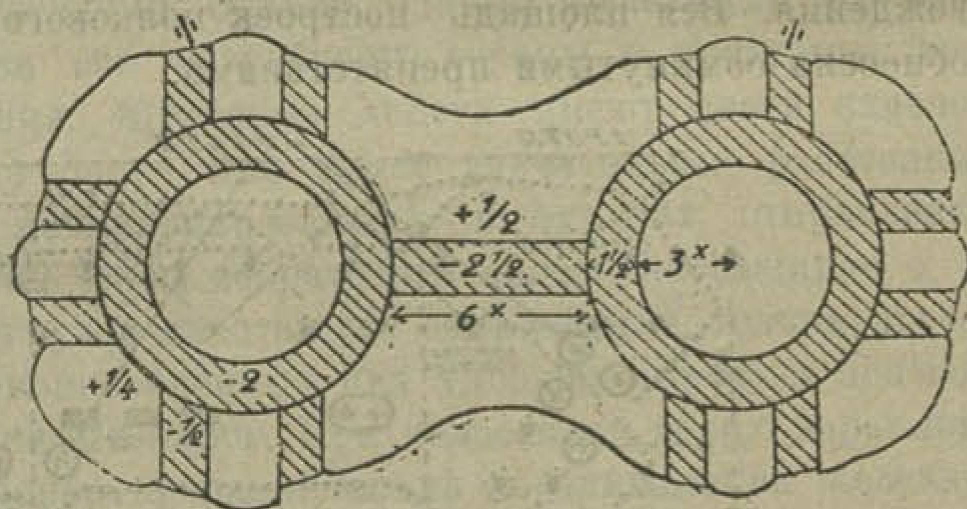
Такие два звеньевых гнезда явятся пунктом сопротивления, огонь которого участвует в общей организации огневого полигона перед передней гранью пехотной позиции и на промежутках между фортификационными постройками. Основой обороны является устойчивость и сопротивляемость отделения во всех направлениях.

Сопротивление расчитано на маневрирование автоматического оружия в пределах постройки и живой силы вокруг постройки.

Живая сила может быть размещена вне постройки в убежище, но она ответственна за устойчивость обороны постройки. Ночью, в туман и дождь живая сила занимает постройку и выставляет наблюдение на промежутки.

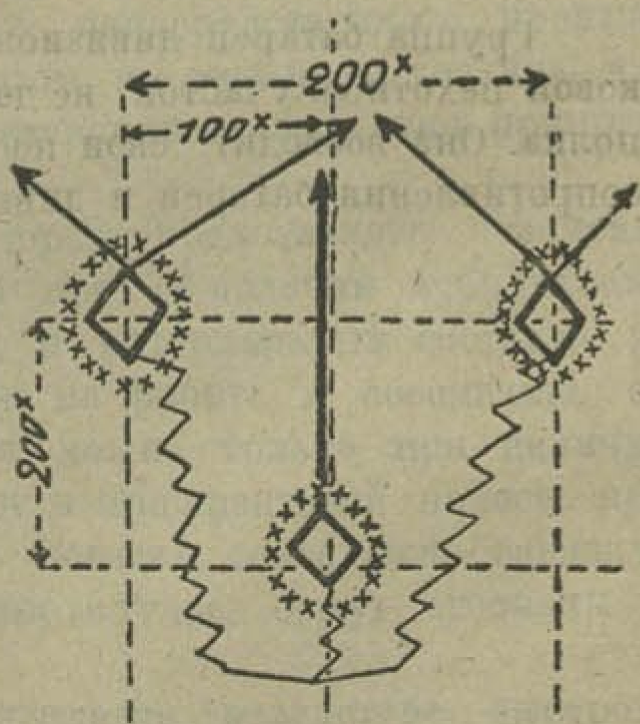
Фортификационная постройка на отделение является основной ячейкой сопротивления укрепленной позиции. В ней осуществляется самостоятельность обороны, путем маневра огневыми средствами и живой силой. Если условия допускают, то эта постройка должна иметь сомкнутые препятствия. Размеры центрального траверса расчитаны на сопротивление 6 снарядам.

ЧЕРТЕЖ №7.

Участок взвода должен быть оборудован блокгаузами отделений, расположение которых обеспечивает действительное поражение огнем промежутков.

Считая действительный огонь автомата на 400 ш., при двойном перекрытии огнем для поддержки через соседа, получим удаление отделенных построек на 200 ш. и общую площадь участков взвода—40.000 кв. арш.

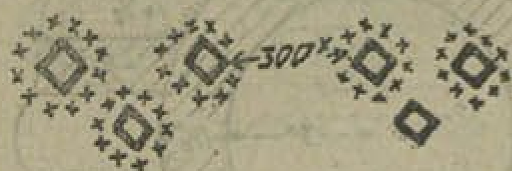
ЧЕРТЕЖ №8.

Взводы в роте, располагаясь группами в одну линию, займут 1000 ш. по фронту и 200 ш. в глубину. Располагаясь в две линии—600 ш. по фронту и 600 в глубину.

Промежутки между ротами могут быть увеличены до 300 ш., исходя из двойной дальности огня легких пулеметов.

Баталионный участок должен быть оборудован блокгаузам и для отдельных тяжелых пулеметов, позициями из блокгаузов или ячеечных окопов (черт. № 4) для групп тяжелых пулеметов и убежищами для резервов.

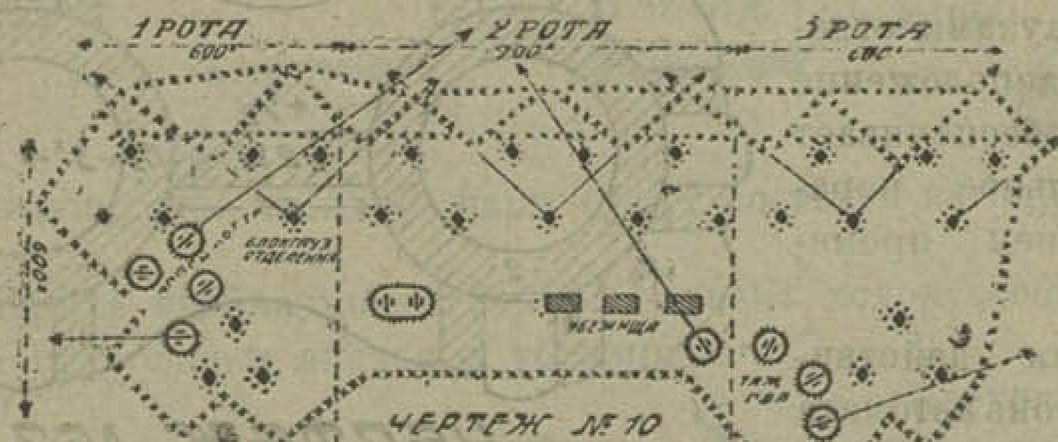
Площадь, занимаемая постройками баталиона, должна быть обнесена сомкнутыми препятствиями. Баталионный участок составляет узел сопротивления. Он достаточно обширен по площади 2200×600 или 1400×1200, чтобы не нести больших разрушений от артиллерийского огня и может развить сопротивление на продолжительный период. В нем осуществляется маневр огнем (тяжелые пулеметы) и маневр живой силой отобранной в резерв от ротных участков.

ЧЕРТЕЖ № 9.

Промежутки между баталионными участками могут быть увеличены на половину дальности действительного огня тяжелых пулеметов, т. е. 750—800 шагов. Эти промежутки могут быть оборудованы отдельными блокгаузами для пулеметов.

Таким образом, узел сопротивления полка будет состоять из узлов сопротивления баталионов, построек для тяжелых пулеметов, полковой артиллерии и построек для отдельных взводов артиллерии сопровождения. Вся площадь построек полкового участка должна быть обнесена сомкнутыми препятствиями.

УЗЕЛ СОПРОТИВЛЕНИЯ БАТАЛЬОНА

Группа батарей дивизионной артиллерии, обслуживающая полковой пехотный участок, не должна включаться в узел сопротивления полка. Она возводит свои постройки самостоятельно, создавая узлы сопротивления батарей и дивизионов.

Инж. А. Городский.

Наше бездорожье и возможные методы борьбы с ним.

В предшествующей статье: „Западная область в железнодорожном отношении“*), мы старались осветить вопрос, насколько Западная область недостаточно оборудована железными дорогами по сравнению со своими западными соседями. Однако, одними железными дорогами далеко не покрываются все потребности страны в усовершенствованных путях сообщения. Железные дороги имеют своей задачей массовую перевозку на более или менее значительные расстояния заранее собранных и концентрированных в пунктах отправления пассажиров и грузов. Но, чтобы собрать эти массы пассажиров и, в особенности, товарных грузов на станции отправления, нужна достаточно развитая сеть приспособленных для удобного под‘ездных грунтовых и шоссейных дорог. При недостатке таких дорог или неисправности их, транспортирование клади до ближайшей железнодорожной станции представляет значительные затруднения и обходится слишком дорого, что тяжелым бременем ложится на, вообще говоря, экономически менее сильного непосредственного производителя, в нашей стране, главным образом, на сельского хозяина, и в самом корне подсекает возможность интенсивного развития промышленности на местах.

В военном отношении железные дороги представляют незаменимое средство для срочного, быстрого при об‘явлении мобилизации сосредоточения армии, с ее людским и материальным составом, но развернуть эту сосредоточенную армию на фронте и обеспечить ей необходимую свободу маневрирования можно только при наличии удобных грунтовых и шоссейных дорог в прифронтовой полосе, при отсутствии которых тяжелые военные повозки безнадежно завязнут на первых же переходах или, во всяком случае, будут стеснены в своих передвижениях.

Кроме того, за последнее десятилетие, вследствие быстрого развития автомобильного транспорта, грунтовые и шоссейные дороги приобретают самостоятельное значение и в известных условиях могут

*) См. „Революция и Война“ № 18.

даже заменять железные дороги или, по крайней мере, успешно конкурировать с ними. В последнюю мировую войну победа французов на Марне была обеспечена, благодаря массовой перевозке войск на автомобилях по шоссе. Титаническая защита Вердена оказалась возможной, благодаря наличию развитой сети прекрасных шоссе и мощного автомобильного транспорта, в таких условиях боевой обстановки, при которой железные дороги не могли функционировать.

Сравнительные данные о протяжении шоссейных и грунтовых дорог в Западной области.

В нижеследующей таблице I приведены сведения о протяжении разного рода гужевых дорог по губерниям и областям Европейской России по состоянию на 1 января 1901 г., составленные на основании подробно разработанных статистических данных из труда В. Ф. Мейена—Россия в дорожном отношении.

Затем, в таблице II приведены те же сведения по состоянию в довоенное время, относящиеся к 1911 г., в более общей форме, заимствованные из труда К. А. Оппенгейма—„Россия в дорожном отношении“, с некоторыми приблизительными выводами.

ТАБЛИЦА I.

	Пространство в кв. клм.	Числен. населения в тысячах (в 1911-14 гг.).	Протяжение в километрах.				Протяжение гуж. дорог в клм., приходящееся:	
			Шос. дор.	Мощен. дор.	Грунтов. дороги.	Всего.	На 100 кв. клм.	На 10000 жител.
Польша	111600	12250	90	80	13310	22390	20,1	18,3
Литва	106000	5800	18	80	17780	19660	18,5	33,9
Виленская губ. .	36800	1940	2	15 в.	5000 в.	—	—	—
Гродненская г. .	33900	1970	12	02 „	5387 „	—	—	—
Ковенская г. . .	35300	1890	3	47	6281 „	—	—	—
Остзейский край .	81000	2700	3	70	24900	25270	31,2	93,6
Курляндская г.	23700	750	—	92 в.	7466 в.	—	—	—
Лифляндская г. .	40000	1460	2	51 „	11770 „	—	—	—
Эстляндская г. .	17300	490	—	—	4102 „	—	—	—
Западная область .	245700	9600	18	80	16400	18280	7,4	19,0
Брянская губ. .	23775	1080	201 в.	15 в.	1327 в.	1645	6,1	15,2
Витебская г. . .	35428	1660	338 в.		3667 „	4272	10,5	25,7
Гомельская г.. .	55110	2790	5326		4657 „	5534	9,3	19,8
Смоленская г. .	51075	2150	318 в.		1932 „	2400	4,1	11,2
Белорусск. респ. .	52398	1900	251 в.	112 в.	3793 „	4432	7,4	23,3
Проч. Европ. Россия (без Финляндии и Кавказа)	4425800	113700	12830		147500	160330	3,6	14,1
Московск. губ. .	29236	—	15	05 в.	1216 в.	—	—	—
Петерб. губ. .	39203	—	16	61 „	3436 „	—	—	—
Вся Европ. Россия (без Финляндии и Кавказа) . . .	4970100	144050	260	40	220000	246000	4,9	17,1

ТАБЛИЦА II.

	Пространство в кв. клм.	Числен. населения в тысячах (в 1911-14 гг.).	Протяжение в километрах.				Протяжение гужевых дорог в клм., приходящ.:	
			Шос. дор.	Мощен. дор.	Грунтов. дорог.	Всего.	На 100 кв клм.	На 10000 жит.
Польша	111600	12250	8337	399	64565	73301	65,7	60,0
Литва	106000	5800	2250	117	56531	58898	55,6	101,5
Остзейский край .	81000	2700	507	18	34629	35154	43,8	130,2
Западная область .	245700	9600	1740	140	38704	40584	16,5	42,3
Проч. Европейск. Россия (без Финляндии и Кавказа)	4425800	113700	12629	4666	348253	365548	8,3	32,2
Вся Европейская Россия (без Финляндии и Кавказа)	4970100	144050	25190	5340	542682	573485	11,5	40,0

В этих таблицах I и II пространство и население Западной области показаны по административному делению на 1 сентября 1921 г.; в графе „грунтовые дороги“ показаны дороги, ремонтируемые и содержимые распоряжением земств или заменяющих их организаций.

В табл. II протяжение грунтовых дорог в Западной области показано вычисленное в предположении одинакового процентного увеличения протяжения дорог против 901 г. (табл. I) по Западной области и „проч. Европ. России“.

Из сравнения этих таблиц видно, что за десятилетие с 1901 г. по 1911 г. протяжение шоссейных и мощеных дорог в Европейской России увеличилось всего на 17%, составляя ежегодное увеличение сети шоссейных и мощеных дорог, в среднем, всего около 450 километров.

Значительное развитие дорожной сети за это время заметно только в области грунтовых дорог, содержимых земствами или заменяющими их организациями, составляющее около 150% их протяжения в 1901 г.: среднее увеличение сети грунтовых дорог, в среднем, за десятилетие около 30000 верст в год.

Для сравнения в табл. III приводим заимствованные из труда инж. Оппенгейма—„Россия в дорожном отношении“—данные о протяжении шоссейных дорог в главнейших европейских государствах за 1910 г.

ТАБЛИЦА III.

	Пространство в кв. клм.	Числен. населения в тысячах.	Плотность населения на кв. клм.	Протяжение шоссе в клм.	Протяжение шоссе, приходящееся: На 100 кв. клм.	На 10000 жител.
Франция	536400	39300	73	583000	104,9	143,3
Норвегия	322300	2350	7	26500	8,2	112,7
Швеция	447900	5500	12	58000	13,0	105,5
Англия	314000	45500	145	256000	81,5	56,3
Германия	540700	67000	124	265000	49,0	39,5
Бельгия	29500	7400	251	24500	83,0	33,1
Австро-Венгрия	678500	51300	76	141000	20,8	27,5
Италия	286600	34500	120	82000	28,6	23,8
Испания	498900	18700	38	25000	5,0	13,4

Из приведенных таблиц видно, что наиболее развитую сеть дорог в довоенных пределах Европейской России имели западные окраины: Польша, Литва и Остзейский край, которые ныне в состав Российской республики уже не входят. В теперешних границах последней Западная область имеет сравнительно мало развитую сеть дорог по сравнению с остальной частью Европейской России, но далеко уступает западно-европейским государствам. Если даже по Западной области принять в расчет грунтовые дороги, как это сделано в табл. I и II, и сопоставить с одними только шоссейными дорогами западно-европейских стран, данные о которых приведены в табл. III, то и окажется, что по густоте сети Западная область превосходит только Испанию и Норвегию, приблизительно, на одном уровне стоит со Швецией и Австро-Венгрией, но далеко уступает остальным странам, например, Италии—в два раза, Германии—в три раза, Бельгии и Англии—в пять раз, а Франции—в семь раз.

Необходимо, при этом, отметить, что грунтовые дороги вообще, а наши в особенности, не могут итти в сравнение с благоустроенными шоссе. Шоссе представляют более или менее солидные, устойчивые сооружения, а грунтовые дороги могут сохранять право на название дорог лишь при условии непрерывного, своевременного ремонта, хотя сравнительно и более мелкого. На наших же дорогах с начала войны ремонт почти не производился, да и самые организации, ведавшие ремонтом и содержанием дорог, распались. Вследствие этого, надо считать, что большая часть наших грунтовых дорог возвратилась в первобытное неудобопроезжаемое состояние, и справки о их былом протяжении для нашего времени сохраняют лишь исторический интерес.

Если же остановиться на одних шоссе, то протяжение их у нас составляет менее $1/20$ общего протяжения дорог, показанного в табл. I и II, и густота сети их в Западной области и в прочей Европ. России составляет совершенно ничтожную величину, менее 1 килом. на 100 кв. клм. пространства, без всякого сравнения ниже всех, без исключения, западно-европейских стран, и притом, во много раз.

Приведенные сопоставления характеризуют состояние Западной области и прочей Европейской России, как близкое к состоянию совершенного бездорожья.

По отношению протяжения дорог к численности населения Европ. Россия и Западная область уступают из старых культурных стран только Англии и Франции, превосходят отсталую Испанию и стоят на одном, приблизительно, уровне с Италией, Австро-Венгрией и даже с Бельгией и Германией. Но эти, на первый взгляд утешительные, выводы являются только цифровым выражением той истины, что в России, с ее редким населением и с ее необ'ятными пространствами, для экономического овладения последними требуется от ее бедного, неорганизованного населения гораздо большее напряжение экономических сил, чем в густонаселенных, культурных, богатых западно-европейских странах. С невероятным напряжением своих средств в России, к началу мировой войны, устроили, или, по крайней мере, наметили к устройству сеть, хотя и далеких от совершенства дорог, протяжением 30—40 килом. на каждые 10000 жителей. В западно-европейских странах такого напряжения средств на единицу (10000) населения оказалось достаточным, чтобы создать: в Италии, Австро-Венгрии и Германии—удовлетворительную, а в Бельгии—даже богатую сеть. России же нужно еще чуть не удесятерить напряжение затрачиваемых на дорожное дело средств, чтобы достигнуть соответствующего западно-европейским нормам покрытия своего пространства благоустроенными дорогами. Путь в этом направлении указывают молодые, только еще вступающие на путь экономического прогресса Швеция и Норвегия, уже затрачивающие на дорожное дело на единицу (10000) населения в $2^1/_2$—3 раза более средств, чем Европейская Россия.

Эти сопоставления наглядно указывают на те колоссальные экономические затруднения, с какими сопряжено для России удовлетворительное разрешение дорожной проблемы.

Шоссейное строительство.

Постройка шоссе в Европейской России начата с 1817 года и до 1871 производилась исключительно распоряжением центральной правительственной власти за счет установленного в том же 1817 году особого денежного сбора по 25 коп. ассигнациями с каждой ревизской души в год. В первую очередь было намечено шоссирование дорог государственного значения, соединяющих столицы государства

между собою и с главнейшими населенными пунктами страны. До 1870 года в Европейской России (без Финляндии) построено до 10000 клм. шоссе, в том числе 2200 клм. в Польше.

С 1864 года, в связи с развитием железнодорожного строительства, постройка шоссе ослабевает, так как государство, затрачивая колоссальные средства на постройку жел. дор., уже не было в силах уделять их на постройку шоссе. С этого времени казенное шоссейное строительство почти исключительно ограничивается постройкою шоссе в Польше и вообще на западной и юго-западной окраинах государства, главным образом, по стратегическим соображениям, а также в районе Петербурга, для надобностей разного рода правительственных учреждений, тоже, главным образом, военных, и, отчасти, в Таврической губернии—в Крыму. В последнее время была предпринята постройка некоторых шоссе на Кавказе.

При постройках государственных шоссе с 1847 года установлена ширина дорожной полосы в открытых местах—20 саж., а в лесистых—30 саж.; ширина земляного полотна—6 саж., из них $2^1/_2$ саж. каменная одежда и по 1,75 саж. с каждой стороны на обочины. С 1881 г. ширина земляного полотна уменьшена до 3,50 саж.; 2,50 саж.—каменная одежда и по 0,50 саж.—обочины.

В отношении устройства каменной одежды с 1834 года принята система Мак-Адама с применением щебеночного слоя, сперва толщиною в 10 дюймов, а затем—в 6 дюймов. Однако, для глинистых грунтов эта толщина щебеночного слоя оказалась недостаточной, и ее пришлось увеличить до 12 дюймов. Затем, по соображениям экономии, ввиду дороговизны камня в России, нижнюю часть щебеночного слоя стали заменять песком.

Средняя стоимость 1 версты казенного шоссе до 1867 г. составляла 11500 руб., а с 1888 г.—10500 р. (от 5534 р. до 17015 р.). Средняя годовая стоимость ремонта на 1 версту—418 р., а за последнее время—358 р., причем из этой суммы 36,1% падает на заготовку щебня, 22,9%—на работу по ремонтному содержанию шоссе, 20,4%—на перестройку, исправление и содержание мостов.

С развитием железнодорожного строительства меняется и взгляд на значение шоссе в общей экономической жизни страны. Шоссе теряют государственное значение, как магистрали, соединяющие отдаленные пункты страны и обесценивающие транзитное сообщение между ними: эти функции всецело переходят к железным дорогам. За шоссе остается лишь значение, как под‘ездных путей к жел. дорогам, и узко местное—для удовлетворения местных польз и нужд. Поэтому с 1864 г. возникает вопрос о передаче шоссе в заведывание земств.

Передача шоссе в заведывание земств регламентирована законом 5 апр. 1883 г. По этому закону шоссе разделены на два разряда: 1) на имеющие общегосударственное значение и 2) имеющие местное значение; как те, так и другие могли быть передаваемы земствам с пособием от казны (от 400 р. до 300 р. и даже до 260 р. с версты в год), причем шоссе узко-местного значения передавались и без

пособия от казны; земствам передавалось право взимать шоссейные сборы; установлены беспроцентные ссуды земствам и безвозвратные пособия от казны в половинном размере на развитие сети шоссе по предварительно утвержденным программам. Последняя мера, однако, была ослаблена и задержана неурожаем 1891 года.

Несмотря на отдельные случаи неудачного хозяйничанья земств на шоссе, в общем, результаты от передачи шоссе земствам оказались удовлетворительные, и к 1901 году передано земствам 2728 верст казенных шоссе, так что из $24^{1}/_{2}$ тысяч верст дорог с каменной одеждой в Европейской России (с Польшею, но без Кавказа) оказалось в заведывании земств 11641 верста, или около 50%, в том числе около 3000 верст частичных замощений на грунтовых трактах.

Некоторые земства, напр., Московское, Тульское, Калужское, Ярославское—с успехом справились с задачей. Шоссе значительно улучшились. Определены нормальные ширины и толщины щебеночного слоя и размер ремонта по участкам. Хозяйственные приемы земств оказались настолько удачными, что были применены и на казенных шоссе. Поступление шоссейного сбора увеличилось. Вместе с тем в руках земств оказались значительные суммы от экономии на ремонте переданных в их заведывание казенных шоссе, которые, вместе с переданными земствам суммами „дорожного капитала“ по закону 1 июня 1895 года (о чем будет ниже), дали возможность земствам обратить их на улучшение грунтовых дорог и, в частности, на развитие сети шоссе. В последнем направлении характерна деятельность Московского земства.

В течение ряда лет Московское земство делало неудачные попытки достигнуть улучшения грунтовых дорог традиционным способом: бессистемного применения разного рода паллиативов. Предполагалось достаточным ограничиться исправлением мостов, очисткою полотна и, главное, рассыпкою в худших участках гравия, для которого была предположена толщина в 6 дюймов, и песку—4 дюйма, не производя предварительно каких-либо земляных работ; впрочем, для осушения полотна предполагалось прочистить существующие канавы и местами прорыть новые. Затем, по внимательном обсуждении вопроса, губернское земское собрание остановилось на мысли, что единственно возможный способ улучшения дорог в губернии—это постепенное шоссирование их, так как всякие затраты, помимо шоссирования, как показал опыт предшествующих лет, совершенно непроизводительны. Вследствие этого было решено на грунтовых дорогах ограничиться содержанием в исправности мостовых сооружений, сократить до возможно меньших пределов расходы на содержание полотна этих дорог и главное внимание сосредоточить на увеличении числа шоссированных путей в губернии.

В связи с тем, что проектируемые дороги предназначались для сравнительно небольшого местного движения и, при том, преимущественно грузового, для которого скорость передвижения имеет второстепенное значение, были намечены следующие меры для удешевления

постройки шоссе: 1) ширина полосы земли, отчуждаемой под устройство дорог новой сети, определена не менее 10 саж. в открытых местностях и не менее 15 саж. в лесистых, 2) ширина земляного полотна уменьшена до 5 и даже до 4 саж., а ширина каменной одежды—до 2 саж., 1,6 с., 1,5 с. и даже до 1,33 саж., 3) ввиду дороговизны камня крепких пород (до 60 руб. за куб. саж.) допущено применение для нижнего слоя щебня из мягкого камня, 4) ввиду трудности содержания щебеночной одежды в населенных местах и на крутых скатах—устраивать в подобных местах мостовые.

Наиболее целесообразным признан способ производства работ при помощи мелких рядчиков или артелей, работающих сдельно, или, наконец, при помощи поденных рабочих, при заготовке материалов хозяйственным способом.

В 1895—1896 г. г. губернскою управою, на основании данных, представленных уездными земскими собраниями, разработан план дорожного строительства в губернии и произведены экономические и технические исследования намеченных к улучшению дорог. Технические обследования заключались в осмотре дорог, а затем производились измерения дорог, пикетаж, с‘емки и нивеллировки на участках, требующих улучшения.

Всего было обследовано 1031 верста дорог, что обошлось в 13536 руб. Стоимость улучшения намеченных дорог, протяжением 553 версты, определилась в 1908959 руб. Протяжение участков, на которых предполагалось устроить каменную одежду, составляло 3296 в. Остальные участки предполагалось оставить в грунтовом состоянии.

Относительно устройства участков были установлены следующие правила.

1) Наименьшее протяжение участка, укрепляемого каменной одеждой, принято в 50 саж., причем участки до 100 саж. протяжением должны быть замощены.

2) Участки свыше 100 саж. могут быть и шоссированы, но концы каждого участка должны быть замощены не менее, как на 25 с. с каждой стороны, для уменьшения вреда, приносимого щебеночной коре натаскиваемой с грунтовых участков грязью.

3) Наименьшая длина участков, оставляемых в грунтовом виде между 2-мя участками, укрепляемыми каменной одеждой, не должна быть короче 100 саж. *).

До 1901 г. земством в Московской губ. построено шоссе и дорог с каменной одеждой 865 в. и частными лицами—133 версты. Средняя стоимость постройки 1 версты—5000 р. (от 4000 до 6000). Расходы земства по ремонту шоссе составляли 324 р. на версту.

Однако, пример Московского земства не нашел широкого подражания в других губерниях. Из губерний „прочей“ (по подразделению в табл. I и II) Европейской России свыше 1000 верст дорог с

*) Интересные подробности—в брошюре инж. Орлова и Смиренкина „Изыскания шоссейных дорог в Московской губ.“.

каменной одеждой в 1901 г., кроме Московской, имела—Петербургская: 1661 верста, в том числе земских шоссе 712 верст и частичных замощений—80 в.

Обе эти губернии—Московская и Петербургская—находились в исключительных условиях: располагая значительными, до известной степени случайными, доходами, от обложения имуществ в пригородах столиц, доходами, не соответствующими общему экономическому уровню собственно губернии, земства этих губерний имели возможность уделять из них средства на постройку шоссе со щедростью, недоступной земствам других губерний.

Более 500 верст имели: Таврическая губ. (758 в., из них: земских шоссе 124 в., построенных разными лицами 51 в., частичных замощений на земских трактах 7 в. и севастопольского градонач. 51 в.), Новгородская (690 в., из них: земских шоссе всего 5 в. и частичных замощений 93 в.) и Владимирская (543 в., из них: земских шоссе 58 в. и частичных замощений на грунтовых земских трактах 157 в.). Далее идут губернии, имевшие менее 500 в. дорог с каменной одеждой, главным образом, казенных шоссе; земское строительство в них ограничивалось несколькими верстами земских шоссе или замощений в каждой.

Интересно отметить ничтожное протяжение шоссе в высококультурных остзейских губерниях с их образцовой постановкой дорожного дела: в Лифляндской губ. было всего 251 верста шоссе, в Курляндской — 92 в., в обеих губерниях—почти исключительно казенных шоссе, а в Эстляндской губ. дороги с каменной одеждой совсем отсутствуют.

Сведений об успехах земского шоссейного строительства после 1901 г. под руками не имеем, но, судя по увеличению общего протяжения дорог с каменной одеждой за десятилетие 1901—1911 г. г., всего на 4000 клм., из которых часть должна быть отнесена на казенное строительство, приходится признать, что это начинание не принесло сколько-нибудь заметных результатов и не указало пути для разрешения дорожной проблемы в России.

Неуспех шоссейного строительства в России об'ясняется его дороговизною, непосильною для слабых экономических рессурсов страны. Зависит это, главным образом, от недостатка пригодного для устройства шоссе камня*) и, вследствие этого, от высокой стоимости его.

С другой стороны, постройка шоссе, требуя единовременных крупных затрат и вызывая затем ежегодные значительные расходы на ремонт и содержание, является предприятием бездоходным, так как шоссейные сборы, где они и установлены, далеко не покрывают ежегодных расходов на ремонт и содержание шоссе и на амортизацию

---

*) В Северной Америке для устройства проезжей части дорог широко применяется железобетон. В Европе до самой войны таких дорог не было, и вообще этот вопрос еще ожидает теоретического и экспериментального освещения, в особенности—в наших условиях.

строительного капитала, да и самая организация по взиманию этих сборов поглощает значительную часть последних.

Между тем, казалось бы, что постройка шоссе может оправдать себя, как экономически выгодное или, во всяком случае, как самоокупающееся предприятие, если соединить ее с организацией на устраиваемом шоссе массового механического транспортирования грузов.

Можно считать, что усилие, требующееся для передвижения груза по шоссе, в два раза менее, чем на грунтовой дороге. Следовательно, при равных прочих условиях, перевозка груза по шоссе должна обходиться в два раза дешевле, чем по грунтовой дороге. По довоенным ценам стоимость гужевого транспорта по грунтовым дорогам составляла $^1/_5$ коп. с пуда$\times$версты, след., при перевозке по шоссе получается экономия в $^1/_{10}$ коп. с пуда$\times$версты.

Если принять стоимость постройки шоссе в 10000 р. на версту и ежегодный расход на ремонт и содержание—300 р. на версту, то, считая ежегодный расход на ремонт и амортизацию 10000 р. $\times$ 0,06 плюс 300 р. = 900 р. на версту шоссе. При экономии от перевозки пуда$\times$версты в $^1/_{10}$ коп., этот расход окупается при перевозке по шоссе в год 90000 к. : $^1/_{10}$ = 900000 пудов на версту шоссе, или в день 900000 : 300 = 3000 пудов в среднем.

Применение механического, напр., автомобильного, транспорта, помимо удешевления перевозок, зависящего от устройства более совершенной дороги—шоссе, обусловит при массовых перевозках дальнейшее уменьшение себестоимости перевозок и привлечение грузов предоставляемыми им выгодами большей скорости и срочности совершения перевозок. Эти выгоды могут быть учтены установлением соответствующих тарифов, которые обеспечат предприятию достаточный доход для покрытия издержек как по организации механического транспорта, так и по содержанию и амортизации шоссе.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) Шоссе по своей дороговизне не являются тем типом дорог, массовое применение которых возможно в России.

2) Постройка и эксплоатация шоссе могут быть экономически выгодными и целесообразными лишь в отдельных, особо благоприятных, случаях: при наличии сравнительно дешевого камня для устройства проезжей части шоссе и при обеспеченности шоссе грузами для массовой перевозки (примерно, не менее 1000000 пудоверст на версту в год). В таких случаях постройка шоссе, в связи с организацией на нем массового механического, преимущественно, грузового транспорта, может быть осуществлена, как коммерчески выгодное предприятие, дающее определенный доход, достаточный на покрытие расходов по ремонту и содержанию шоссе и по амортизации затраченного на его постройку капитала, а также и расходов по организации транспорта, а, может быть, и обеспечивающее, сверх того, некоторую денежную чистую прибыль.

Размер чистой прибыли может иметь значение для привлечения частных предпринимателей к шоссейному строительству. С широкой же государственной точки зрения безусловно выгодно даже итти, по крайней мере, на первое время, на некоторую ежегодную приплату из государственной субсидии на версту устраиваемого шоссе, так как и местное население, непосредственно пользующееся шоссе для своих перевозок, и вся коммуна и государство с постройкою шоссе в целом получает колоссальные, даже трудно учитываемые, выгоды, в связи с улучшением условий транспорта и созданием, благодаря этому, более благоприятных условий для развития в тяготеющем к шоссе районе разного рода промышленности.

3) Устраиваемые по линиям уже обозначившихся, сравнительно мощных грузовых потоков, шоссе неминуемо явятся лишь переходной ступенью к другим, еще более усовершенствованным видам путей сообщения, ещё более приспособленным для массового движения. Поэтому уже при постройке шоссе должна быть учтена возможность для безболезненного, без общей ломки, без изменений и затраты народных средств—перехода к этим, более совершенным, типам.

Автогрузовое движение на грузовых автомобилях с прицепными платформами, повидимому, не требует особого приспособления к нему шоссе. Однако, в Зап. Европе и в Америке уже применяют на шоссейных дорогах укладку особых автомобильных путей—колесопроводов, в виде металлических полос-балок специальных профилей, а также устраивают специальные деревянные, гранитные и стальные автомобильные дороги. Произведенные в Америке опыты показали, что для передвижения определенного груза по стальному колесопроводу требуется лишь одна двенадцатая часть усилия, необходимого для передвижения того же груза по обыкновенному шоссе.

Вообще, быстрые успехи за последние годы техники автомобильного транспорта дают основание видеть в нем зарождающееся новое мощное средство для осуществления массовых перевозок, которое, может быть, даже будет успешно конкурировать с железными дорогами и во многих случаях сделает излишней постройку новых жел.-дор. линий.

Однако, оставаясь в пределах предшествующего опыта, можно сказать, что с увеличением грузооборота на шоссе следующей стадией будет устройство по линии шоссе узкоколейной жел. дороги. Поэтому, уже при постройке шоссе, должна быть предусмотрена возможность укладки по обочине его узкоколейной жел. дороги, с тем, чтобы движение по ней поездов с умеренными скоростями не нарушало безопасности движения обыкновенных экипажей на остальной ширине шоссейной дороги.

Наконец, при дальнейшем развитии грузооборота на шоссе может потребоваться в будущем и перестройка его в железную дорогу. Поэтому, если экономические изыскания при проектировании шоссе дадут основание предвидеть в будущем такого рода возможность, то она должна быть учтена соответствующим образом уже при постройке

шоссе. У нас в этом отношении имеется опыт постройки такого рода шоссе в Персии: Энзели-Тегеранское и Тавризское шоссе, построенные русскими инженерами, на которых перестройка в железную дорогу заключается только в укладке по готовому шоссейному полотну железнодорожного верхнего слоения.

Вообще, и в этом деле, как и во всяком другом, планомерность и мудрая предусмотрительность являются первым и необходимым условием экономичности и наибольшей производительности.

Грунтовые дороги, натуральная дорожная повинность, денежные сборы, образование дорожных капиталов.

До конца XVII века проезжие дороги в России представляли собою только более или менее определенные направления, предназначенные для проезда, без какого-либо технического их устройства. Дороги шли преимущественно лесом. Весною и в распутицу пользоваться ими было нельзя, а летом—проезд по ним был довольно затруднителен, и только зимою, когда замерзают болота и реки, и земля покрывается более или менее ровным снежным покровом, устанавливалась естественная дорога, пригодная для сквозного движения, чем и спешили воспользоваться все, кому это было нужно.

В XV веке правительством по дорогам были учреждены „ямы", т. е. через некоторые расстояния устраивались по несколько дворов, в которых поселялись ямщики, обязанные за право пользования известным участком земли и за освобождение от прочих повинностей держать известное число ямских лошадей. Езда была довольно быстрая: из Вологды до Москвы—5 суток, зимой из Вологды до Архангельска—8 суток, из Москвы до Новгорода летом—6—7 суток, а зимою—4—5 суток. Однако, ямскими учреждениями могло пользоваться лишь правительство, всем же остальным приходилось откладывать дела до лета—или зимы, когда можно было пользоваться речным или санным путем.

При Алексее Михайловиче появляются первые законодательства, регулирующие пользование дорогами: было запрещено владельцам земель преграждать дороги или взимать за проезд по ним плату; установлена ширина дорог, в пределах которой ратные люди, идя на государеву службу, могли останавливаться и невозбранно пасти лошадей.

Наконец, при Петре Великом делаются первые попытки улучшения проезжих дорог: было приказано малые дороги исправлять местным населением (весною и осенью, по досмотру комиссара, чинить и равнять дороги; в низких и грязных местах посыпать песком); большие дороги—разверстывать по населению целых провинций и по разверстке „противу шведского обыкновения" ставить по обе стороны столбики с надписями, „которому селу и деревне от которого места до которого дорогу починивать", „понеже тем одним мужикам, которые на больших дорогах живут, те большие дороги починивать не без тяготы". Так была установлена „натуральная дорожная повинность" населения.

Однако, простая посыпка дорог песком не принесла ожидаемого улучшения их, ибо в дождливое осеннее время это никакого облегчения проезжающим не делает, а в летнее и сухое время неделанная дорога лучше деланной, ибо насыпанный на дороге песок причиняет проезжающим такую же трудность, как грязь осенью. Поэтому посыпка песком вскоре была отменена и предложено только чинить мосты через реки и гати через болота.

В 1809—1816 г.г. заведывание государственными путями передано главному управлению путей сообщения для поддержания их в грунтовом виде, а затем с 1817 г. приступлено к устройству на них шоссе. за счет 25 коп. сбора с каждой ревизской души (ассигнациями).

В 1833 г. дороги были разделены на пять классов: 1) дороги главных сообщений или государственные; 2) дороги больших сообщений; 3) дороги обыкновенных почтовых сообщений из губернии в губернию; 4) дороги уездных (торговых) сообщений и 5) дороги сельские и полевые.

Содержание дорог 1-го класса было принято на государственные средства. Дороги 2, 3 и 4 классов должны были устраиваться за счет земских повинностей, причем при устройстве дорог предлагалось держаться „наиболее прежних направлений, стараясь, впрочем, исправлять все важные погрешности и неудобства нынешних дорог; начинать работы в таких местах, где ныне починка очень затруднительна, как, например, где есть гати, большие деревянные мостовые, насыпи, крутые спуски с гор и т. п., соединяя сии места, мало по-малу, так, чтобы дистанции где и теперь дорога исправна, оставлять последними; мосты каменные и чугунные делать также исподволь, не роскошные и не слишком широкие, но каменные трубы стараться делать преимущественно".

К сожалению, эти благие пожелания большею частью остались только на бумаге.

Наблюдение за содержанием почтовых и торговых сообщений оставлено было на обязанности земской полиции.

Содержание сельских и полевых дорог отнесено к обязанностям владельцев и казенных крестьян, через дачи коих они пролегали.

С учреждением в 1861 г. земств, к ним перешло, вместе с заботами вообще о местных пользах и нуждах, также и заведывание дорогами местного значения.

Согласно устава путей сообщения, устройство и ремонт дорог второго, третьего и четвертого классов, содержимых на местные средства, производится или на счет общих земских денежных сборов, или натуральною повинностью населения. Натуральной повинностью исправлялись лишь грунтовые дороги; устройство и содержание шоссейных и мощеных дорог относится на счет земств, как и вообще на всех дорогах устройство и ремонт верстовых и пограничных столбов и сооружение таких мостов, труб, гатей, плотин и т. п., устройство коих требует технических соображений и непрерывного наблюдения.

Натуральной повинностью выполняются: заравнивание колей, выбоин, засыпка промоин и прорытие канав. Исправление дорог должно производиться преимущественно в свободное от полевых работ время, а именно: весной—после посева яровых и осенью—по уборке хлеба, в иное время—только в исключительных случаях, без излишнего обременения населения.

Песок, гравий, фашины и прочие предметы, необходимые для дорожных работ, берутся на тех самых землях, по которым дорога проходит; также и необходимые лесные материалы отпускаются из соседних частновладельческих и казенных дач.

Целесообразная организация дорожных работ посредством натуральной повинности представляет значительные трудности. Как ни просто кажется исправление полотна дорог, но, произведенное неумелыми руками, при отсутствии общего плана и технических указаний, нередко влечет за собою не улучшение, а ухудшение дороги. Произведенные весною работы не могут считаться вполне достаточными для всего летнего сезона, так как для содержания в порядке грунтовых дорог требуется постоянный надзор и своевременное исправление. Незначительные повреждения, легко устранимые одним или несколькими рабочими, принимают громадные размеры и требуют десятки и сотни рук; после же сильного дождя глинистый и черноземный грунты теряют следы произведенных исправлений.

Население, по своей некультурности, по отсутствию в среде его сознания обществен. солидарности и своей собствен. заинтересован. в хорошем состоянии дорог, искони привыкло смотреть на дорожную повинность, как на досадную придирку начальства. Наблюдаемая им воочию бесцельность и непроизводительность производимых им работ, при отсутствии общего плана и необходимого технического руководительства, а равно и обычные злоупотребления ближайших к нему органов власти, призванных руководить выполнением дорожной повинности, не способствовали, к сожалению, изменению этого взгляда. Поэтому работы, выполняемые натуральной повинностью, всегда отличались малою производительностью.

По сохранившимся в уставе Путей Сообщения пережиткам крепостного права, отбывание натуральной повинности главной тяжестью ложилось почти исключительно на крестьян. Землевладельцы участвовали в ней только бесплатным отпуском лесных и др. материалов, что по некоторым губерниям составляло менее $^1/_{25}$ соответственных расходов крестьян по выполнению натуральной повинности. Но и помимо этой явной несправедливости, если бы даже привлекать к отбыванию повинности всех без различия, то, вследствие разнообразия местных условий, только путем кропотливой, вдумчивой организационной работы можно достигнуть более или менее равномерного, уравнительного и справедливого распределения между населением тяготы натуральной дорожной повинности.

При слабой плотности населения невозможно достигнуть того, чтобы каждый мог лично произвести свою работу, и чтобы

селения приписывались, по возможности, в ближайшем расстоянии от места работ. Пределы расстояний, на которые призываются крестьяне, обычно 10—20 верст, но иногда до 50 верст (Бессарабия, Вологодская губ.), до 70 в. (Олонецкая, Пермская, Тульская, Витебская губ.) и даже до 200 в. (Уфимская, Архангельская, Оренбургская губ.).

Земства не пожелали или не сумели взять на себя трудную задачу—организовать население для целесообразного выполнения натуральной дорожной повинности и перевоспитать его до сознания собственной заинтересованности в успехе дорожного дела и, пойдя по линии наименьшего сопротивления, в большинстве уездов заменили натуральную дорожную повинность уравнительным денежным обложением. Натуральная повинность сохранена только для местных проселочных дорог, которые имеют узко местное значение и в которых заинтересовано само местное население непосредственно, и на которые, попросту говоря, земства махнули рукой.

Во что обходилась населению натуральная дорожная повинность, если перевести ее на деньги, с точностью указать нельзя. В труде В. Ф. Мейена—„Россия в дорожном отношении“ т. I, стр. 49—52—приведены некоторые приблизительные соображения, на основании которых можно сделать следующие выводы:

В период времени 1895—1900 г. г. в 34 земских губерниях натуральная повинность из 359 уездов сохранилась только в 97. Из них имеются данные, относящиеся к 1895 г., по 9 губерниям с общим числом уездов 82, из которых нат. повинность сохранилась в 42, при общем протяжении дорог, содержимых натуральной повинностью, 26930 верст; стоимость повинности в них указана в 570000 руб., что составляет на уезд в среднем 15000 р., а на версту дороги 20 р. в год, при цене пешего рабочего и одноконной подводы, в среднем, около 1 рубля. По этому расчету стоимость повинности во всех 97 уездах 34 земских губерний должна составлять 97×15000×1500000 р.

Из 12 неземских губерний (не считая Остзейских губерний), где нат. повинность сохранилась, данные за 1895 год приведены по 8 губерниям с протяжением дорог 35400 верст, стоимость повинности указана около 2000000 р., что на 1 версту дороги составляет около 60 р. в год, при той же средней цене пешего рабочего и одноконной подводы в 1 р. Принимая с В. Ф. Мейеном среднюю стоимость повинности по неземским губерниям в 200000 руб. в год на каждую, определим стоимость повинности по 12 неземским губерниям в 2400000 р.

Денежные ассигнования земств и заменяющих их организаций в неземских губерниях за время 1895—1900 г. г. составляли довольно устойчивую цифру: в 12 неземских губерниях около 300000 руб. в год и в 34 земских—3400000 руб.

Таким образом, в 1901 году общий бюджет дорожного дела из местных средств по Европейской России (без Финляндии, Кавказа, Польши и Остзейского края, а также без Донской области и Ставропольской губ., по которым нет данных) составляли:

а) Стоимость натуральной дорожной повинности . . 3900000 р.
б) Денежные ассигнования из местных средств . . . 3700000 р.

ВСЕГО . . . . . 7600000 р.

При общем протяжении дорог, содержимых на местные средства, (пренебрегая по малости дорогами с каменной одеждой) в 182000 клм., или 170000 верст, это составит, в среднем, на 1 версту дороги около 45 рублей в год.

В 1895 г. местные ассигнования на дорожное дело получили значительное подкрепление, благодаря изданию, так наз., „Закона о дорожном капитале“. По этому закону земства 34 губерний и заменяющие их организации в 14 неземских губерниях были освобождены от расходов на содержание мировых судебных и по крестьянским делам учреждений и мировой юстиции с тем, чтобы освобождающиеся таким образом суммы земских сборов были переданы в распоряжение губернских управ и губернских распорядительных комитетов для улучшения дорожного дела.

Мероприятие это мотивировалось настоятельной необходимостью принять меры для облегчения существовавшего сельско-хозяйственного кризиса и для предотвращения его повторений в будущем, для чего одно из важных мест отводилось усовершенствованию колесных дорог, так как крайне неудовлетворительное состояние местных дорог, по которым хлебные грузы могли быть подвозимы на жел. дор. станции, является причиной затруднений по сбыту, задерживающих развитие сельского хозяйства.

Передавая в распоряжение земств суммы дорожного капитала, правительство ставило условием, чтобы распоряжение ими было централизовано в руках губернского земства, которое признавалось более способным возвыситься до государственного взгляда на дело и обеспечить расходование передаваемых сумм по прямому назначению. Губернские земства обязывались создать техническую организацию для руководства дорожным делом в губернии, произвести экономические и технические обследования дорог, причем особо обращалось внимание на необходимость устройства под'ездных дорог к жел. дор. станциям. Наконец, рекомендовалось земствам озаботиться организацией натуральной дорожной повинности, отбываемой населением.

Передаваемые суммы назначались на развитие и улучшение сети дорог, на покрытие их каменной одеждой, а также и на улучшение уже содержимых и ремонтируемых земством дорог, лишь бы только эти улучшения имели более или менее капитальный характер, а не характер обыкновенного текущего ремонта.

Общая сумма передаваемых в распоряжение земств дорожных капиталов составляла по 34 земским и 14 неземским губерниям 8246038 руб. ежегодно. Таким образом, общий бюджет на дорожное дело по губерниям более чем удваивался.

С результатами деятельности земств по устройству дорог с каменной одеждой мы познакомились выше.

Более заметные результаты получились в области развития сети грунтовых дорог, общее протяжение которых за десятилетие 1901—1911 г. г. увеличилось на 150%, причем ежегодный прирост сети составлял около 30000 верст в год.

Организация отбываемой населением натуральной дорожной повинности, повидимому, не привлекла и теперь внимание земств. Дорожные работы производились обычными капиталистическими приемами—нанимаемыми поденными рабочими, артелями сдельщиков, а также мелкими рядчиками и более крупными подрядчиками из материалов, закупаемых на деньги, с заботою лишь о внесении в эти приемы большей или меньшей хозяйственности.

В некоторых губерниях мероприятия за счет сумм дорожного капитала выполнялись исключительно распоряжением губернских земств, в других—губернские земства только распределяли суммы дорожных капиталов по уездам, которые и расходовали по своему усмотрению, в третьих—организация имела смешанный характер.

Как удачное сочетание необходимой централизации с разумной децентрализацией, следует отметить постановку дела в Рязанской губ. В ней дело дорог признавалось делом общегубернским. Губернской управой, при участии уездных, был разработан план развития дорожной сети губернии и выработаны определенные нормы, так назыв., „нормального ремонта" дорог (около 50 р. на версту), согласно которым уездам отпускались необходимые средства. Затем губ. управы требовали от уездов лишь исправности дорог и дорожных сооружений, не входя в хозяйственную часть. Такой порядок давал наилучшие результаты.

В неземских губерниях, наряду с расходами из сумм дорожного капитала, продолжала существовать и натуральная дорожная повинность населения. Но для организации последней ничего нового сделано не было. В Гродненской губернии только, для более равномерного распределения дорожной тяготы между населением, дороги были распределены в зависимости от трудности ремонта и содержания: за единицу принят твердый грунт, относительная трудность гатей—7, мостов—10, согласно чему виртуальное протяжение дороги и распределено по числу душ населения.

Совершенно особое место по организации натуральной дорожной повинности занимают быв. прибалтийские губернии: Курляндская, Лифляндская и Эстляндская, и достигнутые ими в этом отношении успехи настолько поучительны, что на них стоит остановиться с особой подробностью.

Натуральная дорожная повинность в б. прибалтийских губерниях.

Натуральная дорожная повинность в б. прибалтийских губерниях существует с конца XVIII века (1786—1801 г. г.) и первоначально лежала исключительно на владельцах имений, затем, по мере перехода земельных участков к крестьянам, стали привлекаться и крестьяне,

обязанные поставлять натурою, по разверстке схода выборных, рабочую силу и подвозить материалы, а владельцы имений отпускают материал и платят ремесленникам, где таковые потребуются для исправления дорожных сооружений.

Лесные материалы из казенных дач отпускаются лесничими по ведомости, составляемой за год вперед, не позже 1 сентября. Представители лиц и учреждений, отпустивших материалы, впоследствии принимают участие в осмотре произведенных работ и в фактической поверке действительного употребления их по назначению.

Гравий и песок добываются на ближайших землях; если на расстоянии 5 верст нет гравия, то таковой добывается на соседних местах с принудительным отчуждением, причем за порчу полей или лугов уплачивается по таксе.

Обязанность исправлять дороги распределяется между населением (по имениям, волостям и отдельным дворам) пропорционально количеству владеемой земли, причем при разверстке учитывается относительная трудность ремонта и большая или меньшая тщательность и солидность его, требуемые в зависимости от отнесения дороги к тому или иному разряду, в соответствии с ее значением.

Особенно подробно разработана таблица относительной трудности ремонта дорог в Лифляндской губ. Дороги по их значению разделены на 5 классов. За единицу принимается 1 саж. дороги 5-го класса в твердом глинистом или песчаном грунте, для следующих классов принимается коэффициент относительной трудности $^4/_3$, 2, $^8/_3$ и 4. Далее, в порядке повышающейся трудности, идут участки: е) сыпучего песку, имеющего быть укрепленным; глубокой глинистой или родниковой почвы, в которую должны быть положены фашины, д) фашинной дороги, подверженной частым наводнениям от стремительных потоков вод, г) подземных протоков, в) бревенчатых мостов, б) полуплашкоутных мостов, а) плашкоутных мостов на плотах и паромов. В пределах селений или возле таковых делается надбавка — 10%, через местечки или возле таковых, или на версту от города, или форштадта, или вдоль оных—20% надбавки, в форштадтах—50% надбавки. Учитывается также и дальность расстояния, на котором привлекается население: при 20 верстах—скидывается с размера повинности $^1/_4$, при 30 верстах—$^1/_3$ и т. д.

Сооружение и содержание в исправности больших мостов, труб, плотин (дамб) и гатей, требующих особого технического соображения или значительных издержек, относятся за счет губерниских земских сборов.

Ширина дорог, в зависимости от класса—от 5 до 4 саж., причем в Лифляндской губ. особо указывается ширина твердого полотна для езды—от 14 до 8 футов. По обеим сторонам дороги канавы шириною 3 фута, кроме мест, где это признается излишним: канавы не глубоки и не рекомендуется при всякой починке их все более углублять. В низменных и топких местах—под дорогою поперечные трубы, а где нужно—и боковые отводные канавы. По местам низменным и

болотистым дорога возвышается в виде дамбы на фашинах (преимущественно из хвойного леса) и засыпается хорошею сухою землею или песком, утрамбованною до такой степени, чтобы она могла выдержать настилку гравия. Воспрещается раскладывать хворост, не связанный в фашины. В Лифляндской губ. вообще требуется предназначенную для езды ширину делать твердою, а остальную—выровнять и сгладить. Глубокая глинистая почва, трясины и места, подвергающиеся наводнениям, укрепляются фашинами, вереском, мелкими камнями и засыпкою гравием.

На песчаной почве дороги чинятся вереском, где таковой имеется: слоем в 1 фут по всей ширине дороги, утрамбовывается и засыпается гравием. В Лифляндской губ.—сыпучий песок приводится в твердое состояние навозкою глины, вереску или мелких камней и засыпкою гравием.

Гравий вывозится, по возможности, зимою и высыпается в кучи или валом, всегда по одной стороне дороги и в ближайшем расстоянии от кювета. Рассыпка гравия производится по указанию ревизора, когда по качеству грунта, состоянию погоды и другим условиям это признается наиболее целесообразным: несвоевременная рассыпка приносит скорее вред. Выбрасывание земли из кюветов на дороги, засыпанные гравием, воспрещается.

Выравнивание колей и выбоин по дорогам, имеющим глинистую почву, производится исключительно в сухое время и при совершенно сухой почве. В Лифляндской губ.—дважды в год, весною и осенью, производится общее исправление; случайные повреждения исправляются немедленно.

Дорога делается посредине выпуклой. В опасных местах—перила.

Поперечные трубы для протока вод—деревянные или каменные, на каменном фундаменте, сверху засыпаются материалом, употребляемым на ремонт дороги, в уровень дороги.

По обеим сторонам на 3 саж. лес и кустарники вырубаются, кроме мест с сыпучими песками, аллей и искусственных насаждений и вообще, где вырубка будет признана излишней.

Мосты—на каменных фундаментах, из крепких бревен; проезжий настил—из песчаных бревен или из пластин 4—6 дюймов толщиною. Весною мосты не должны препятствовать протоку воды или замываться водою. На более значительных реках—мосты на каменных быках с ледорезами. Ширина мостов—не менее 3 саж. и, вообще, одинаковая с дорогой.

Зимою дороги обозначаются вехами. Снег расчищается треугольниками или лопатами.

Наблюдение за исправным выполнением дорожной повинности населением лежит на обязанности волостного старшины или его помощника, а за ними—на полиции. Споры решаются третейским судом по выбору сторон. Кроме того, периодически производятся ревизии дорог инспекторами. В Курляндской губ. дороги разделяются на три

разряда: первого разряда—исправляются и ревизуются ежегодно, второго—каждые два года, все прочие земские дороги содержатся лишь в состоянии, удобном для проезда (ширина последних должна быть не менее 18 фут., не должно быть ям, выбоин, глубоких колей, камней или пней: мосты должны быть в исправности, в низменных и болотистых местах должны быть канавы и отводы: в опасных местах —перила) Кроме очередных ревизий дорог первого и второго разряда, чрезвычайные ревизии производятся по мере надобности. Очередные ревизии производятся с 1 мая по 30 октября, кроме времени посева и уборки сена и хлеба (по возможности). О ревизии оповещаются, по крайней мере, за 3 суток. К ревизии выезжают на свои участки волостные старшины и их помощники и представители лиц и учреждений, отпустивших материалы к тем местам, где они израсходованы. При ревизии ведется журнал замеченных недочетов. На исправление недочетов дается время. Штрафы за неисполнение определяются ревизорами по утвержденной табели.

Почти полуторавековое применение натуральной дорожной повинности в Остзейском крае дало прекрасные результаты: по протяжению дорог, приходящихся на 10000 жителей, Остзейский край занимает первое место в довоенных пределах Европейской России, превосходя Литву на 30%, Польшу—вдвое, Западную область—в три раза, а наиболее отсталую в пределах последней—Смоленскую губернию, примерно,—в шесть раз; дороги, благодаря свойству почвы и хорошему дорожному управлению, находятся в примерном состоянии.

Во что обходится населению Остзейского края выполнение дорожной повинности? По данным в труде В. Ф. Мейена—„Россия в дорожном отношении", в 1901 г. на крестьянскую усадьбу в 50 десятин приходилось 35 саж. уездных и 138 саж. приходских дорог; расходовалось для лучшего исправления дороги 3 одноконных подводы в течение 2-х дней весною и 2-х дней осенью, всего в год 12 рабочих дней, примерно, на сумму 12 руб. На версту дороги это составляло 35 р. 50 к., причем, сверх того, материалу на 1 версту дороги отпускалось на 1 р. 25 к.

Организация.

Грунтовые дороги, как техническое сооружение, представляют ту особенность по сравнению с шоссейными, а тем более с железными дорогами, что в то время, как для последних наибольшую трудность представляет и наибольшей затраты средств требует первоначальное устройство, для грунтовых дорог—главной трудностью является обеспечение их своевременным, непрерывным ремонтом. Первоначальное устройство грунтовых дорог без особых затруднений может быть осуществлено обычным порядком, при помощи наемных рабочих, сосредоточиваемых в более или менее значительных количествах на отдельных, сравнительно небольших по протяжению, участках, допускающих удобное административное и техническое руководство ими со стороны строительной организации, и передвигаемых вместе с

последней вперед, по мере окончания и передачи в эксплоатацию отдельных участков, если только есть кому их передавать. В противном случае, для обеспечения надзора за состоянием устроенной дороги и своевременного исправления текущих повреждений, пришлось бы поставить целую армию наемных сторожей и ремонтных рабочих, которым значительную часть времени будет нечего делать, а при случайных, более или менее значительных, повреждениях их на месте может оказаться недостаточно. Еще труднее организовать действительный контроль и техническое руководство их деятельности. Если даже и удалось бы справиться с этими трудностями, то и при нормальной работе ремонтного аппарата стоимость ежегодного содержания уже устроенной дороги в исправности все же составит сумму, разве немного меньшую стоимости первоначальных затрат на приведение дороги в порядок. При таких условиях развитие сети дорог потребовало бы непрерывного, из года в год, роста ассигнований на дорожное дело: если в первый год с затратою А рублей будет устроено известное число верст грунтовых дорог, то на следующий год нужно ассигновать почти те же А рублей на их содержание в исправности, а чтобы продолжать тем же темпом развитие сети дорог, нужно добавить еще А рублей, всего нужно 2 А, на третий год потребуется 3 А и т. д. Такого быстрого роста ассигнований, очевидно, не выдержит никакой бюджет, а при неизменных, и вообще ограниченных, ассигнованиях пришлось бы или толочься из года в год на одних и тех же участках дорог, или производить сизифову работу, приводя в порядок новые участки дорог в то время, как ранее устроенные без надлежащего ремонта будут неуклонно возвращаться в первобытное состояние. Выйти из этого заколдованного круга можно только путем привлечения самого населения, если не к устройству, то, по крайней мере, к содержанию и ремонту уже устроенных дорог.

Таким образом, удовлетворительное разрешение дорожной проблемы сводится к организации натуральной дорожной повинности населения.

С другой стороны, предшествующий опыт показывает, что пока население не организовано и не прониклось сознанием важности исправного состояния дорог, для его же собственных интересов, до тех пор необходимо инициативу и руководство дорожным делом оставить в руках более или менее крупных, напр., губернских или областных организаций, которые скорее могут проникнуться государственным взглядом на значение дорог и обеспечить ассигнуемым средствам употребление по прямому их назначению. На обязанности такого руководящего центра должны лежать: прежде всего, разработка при широком участии местных организаций плана дорожного строительства, производство экономических обследований дорог для установления их важности, и следовательно, очередности их устройства, затем, на первое время по крайней мере, производство технических изысканий и определение характера и об'ема необходимых работ по участкам, выработка типов сооружений и рациональных

приемов работы; затем, распределение ассигнуемых средств между местными организациями, последующий контроль за правильным использованием отпущенных средств и авторитетная техническая консультация в отдельных, более трудных случаях.

Самое выполнение работ наиболее целесообразно возложить на более мелкие, напр., уездные организации, ближе стоящие к месту работ и более осведомленные в местных условиях. Взаимоотношения руководящего центра и местных исполнительных организаций удобнее всего построить по принципу, с успехом применявшемуся Рязанским земством: центр отпускает местам средства в соответствии с намеченными работами и затем, не вмешиваясь в хозяйственную часть, следит только за тем, чтобы было выполнено то, на что даны деньги. Такой порядок разгрузит руководящий центр от мелочных хозяйственных расходов, даст местам необходимую самостоятельность в распоряжении отпущенными средствами и создаст чреватую благими последствиями заинтересованность мест в изыскании наиболее хозяйственных и целесообразных приемов в работе. Непосредственное выполнение работ руководящим центром, при налаженности местных организаций, вообще, излишне, но на первое время, пока еще не выработаны ни технические, ни хозяйственные и организационные приемы, необходимо ближайшие к месту нахождения руководящего центра районы оставить в его непосредственном заведывании для создания на них опытных и образцовых участков.

Местные, уездные исполнительные организации могут производить работы по первоначальному устройству и приведению в порядок дорог при помощи наемных рабочих, с более или менее широким привлечением местного населения, хотя бы за плату, а затем—дальнейшее содержание, ремонт и постепенное усовершенствование дорог передают местному населению в порядке выполнения им натуральной дорожной повинности. Привлечение местного населения должно иметь организованный характер. Бесполезно повторять старые опыты: простой приписки раздельных участков „отселева—доселева" к местным волостным и сельским обществам. Первоначальное устройство дорог может быть ограничено наименьшими работами, которые должны только установить на местности триссу дороги и определить характер и об'ем дальнейших работ по усовершенствованию ее, а также устройством более значительных мостов и переправ и более или менее сложных в техническом отношении сооружений, которые и в будущем остаются на содержании уездного дорожного отдела. Все остальные, более простые, шаблонные работы могут быть распределены на ряд последующих лет и планомерно выполняться из года в год, в порядке постепенного усовершенствования дороги, попутно с текущим ремонтом ее, для чего должен быть составлен план работ, при разверстке учтена относительная трудность отдельных участков по образцу того, как это делается в прибалтийских губерниях. Пока не организованы в достаточной степени волости, необходимо притти к ним на помощь и в деле поселенного и подворного распределения дорог для ремонта

и содержания, причем должны быть учтены местные условия облегчающие выполнение дорожной повинности для тех или иных групп местного населения, учтена дальность расстояния, путем установления соответственных скидок с об'ема повинности для тех групп населения, которые придется привлекать из более удаленных мест. Пока население не приобретет достаточных технических навыков, необходимо руководить им при выполнении дорожных работ посредством особых дорожных инструкторов, которые должны указывать, что, когда и как нужно делать. Вместе с тем, на обязанности инструкторов должно *лежать изучение местных бытовых условий и, в соответствии с последними,* выработка и установление такого порядка выполнения дорожных работ, который устранял бы излишние тяготы для местного населения и возможно меньше отвлекал бы его от собственной работы на своих хозяйствах, а, с другой стороны, твердое и неуклонное понуждение неисправных, для чего инструкторам должно быть предоставлено право назначать сроки для выполнения работ, а при невыполнении таковых—выполнять работы за счет неисправных и налагать штрафы по установленной табели, причем взыскания, налагаемые инструкторами, должны производиться в порядке бесспорности, административным порядком, с правом последующего обжалования. Впоследствии работа инструкторов сведется к периодическим лишь осмотрам и ревизиям дорог, один или два раза в год или даже раз в два года, как, напр., в Курляндии, соответственно чему может быть увеличен район деятельности каждого инструктора и сокращено число их.

При недостаточном развитии в широких массах населения чувства гражданского долга, с одной стороны, а с другой—сознания своих прав и обязанностей, на почве взаимоотношений инструкторов к населению возможны злоупотребления, благоприятную почву для которых представляют прочно укоренившиеся на местах традиции печального прошлого. Для возможного предупреждения таковых дорожный инструктор должен быть из более или менее удаленной от мест организации, не ближе уездной, и, во всяком случае, не должен быть из состава местной администрации, как это практиковалось в дореволюционное время.

Параллельно с трудовой повинностью населения должно быть организовано и натуральное снабжение дорожных работ необходимыми материалами, без денежных на то расходов. Бесплатное получение камня, песка, гравия с близлежащих мест, с оплатою лишь возможных повреждений полей и лугов, повидимому, не представит затруднений. Что касается более ценных лесных материалов, то, при национализации всех лесов, отпуск их должен был бы производиться бесплатно из казенных лесных дач. Казенные лесные хозяйства так же, как и все прочее население, заинтересованы в исправном состоянии дорог и, наряду с прочими, получат и свою долю повышения доходности с улучшением последних, а потому бесплатный отпуск ими лесных материалов не должен практиковаться, как дотация или пожертвование,

но как необходимые издержки производства, подлежащие отнесению за счет производственной сметы. С другой стороны, должны быть приняты меры против незаконного расходования отпускаемых лесных материалов или, попросту, против расхищения их под предлогом дорожных работ. Для этого, прежде всего, можно применять широкое использование хвороста, почти не имеющего никакой ценности (фашины), и затем вообще лесные материалы должны отпускаться в строго соразмерном количестве, по заранее составленным сметам и ведомостям, причем представители лесничеств, отпустивших материалы, должны привлекаться впоследствии к осмотру произведенных из них работ и к оценке экономности и целесообразности использования отпущенных материалов.

Придавая решающее значение для разрешения дорожной проблемы организации натуральной дорожной повинности населения, мы остановились на последней, может быть, с утомительной для читателя подробностью и предвидим возражение, что при такой постановке вопроса самая организация натуральной повинности вызовет значительные расходы средств, которые таким образом будут отвлекаться от непосредственного употребления их на улучшение дорог и развитие их сети. Но не следует забывать, что только таким образом может быть подведен прочный фундамент под неустойчивое здание дорожного строительства и в этом сделанные затраты на организацию дорожной повинности найдут свое оправдание.

В течение 50 лет земства затратили, в общем, значительные средства на приведение в порядок грунтовых дорог, но с распадом земских организаций распалось и цетрализованное ими в своих руках дело дорожного строительства, прекратился ремонт дорог и дороги за время войны и последующего переходного периода возвратились в неудобопроезжее состояние. Между тем, если бы хотя десятая часть затраченных земствами средств была в свое время обращена на организацию дорожной повинности, то был бы создан самодействующий аппарат, который не допустил бы уничтожения на дорогах достигнутых улучшений, и который теперь достаточно было бы лишь призвать к своей работе, чтобы без больших денежных затрат восстановить дорожную сеть в прежней исправности.

Военно-дорожное строительство.

Военное ведомство, ввиду своих специальных целей, может быть заинтересовано в устройстве и исправном содержании тех или иных дорог и, не имея возможности по срочности своих заданий ожидать осуществления их в общем порядке гражданского дорожного строительства, принуждено само брать на себя устройство нужных дорог.

В целях наибольшей планомерности и экономичности в расходовании народных средств, нужно признать принципиально желательным, чтобы при разработке плана военно-дорожного строительства принимались во внимание производственные программы местных дорожных организаций, где таковые имеются, и учитывались местные эко-

номические интересы, дабы, при равных прочих условиях для устройства военных дорог, избирать маршруты, имеющие и местое экономическое значение. Конечно, ввиду доминирующего значения интересов обороны страны, эти соображения не всегда могут быть решающими при выборе направления военных дорог. Тем не менее, при общем бездорожьи в стране, всякое улучшение дорог, от кого бы оно ни исходило, имеет несомненное культурное и экономическое значение и потому, казалось бы, военное дорожное строительство должно находить широкую поддержку как из общегосударственных, так и из местных средств, как такое начинание, в котором чисто военные задачи обороны страны тесно связаны и с экономическими интересами местного населения. С другой стороны, и военное дорожное строительство должно быть поставлено таким образом, чтобы, удовлетворяя узко военным задачам, может быть, временным и преходящим, оно оставляло после себя в депозите местного района прочные и устойчивые устройства, отвечающие местным пользам и нуждам и тем оправдывающие произведенные на них затраты народных средств.

При общем оскудении рессурсов страны в настоящее время, военно дорожное строительство испытывает общие для всех затруднения вследствие крайней ограниченности и недостаточности отпускаемых средств. Поэтому имеющиеся в недостаточном количестве военно-дорожные организации могут покрыть только небольшую часть необходимых для обороны страны маршрутов и обречены или на прозябание на одном месте, в пределах покрываемых ими маршрутов, или должны, переходя по мере выполнения работ на новые места, бросать ранее устроенные дороги на произвол судьбы. Правда, имеется стереотипная формула, что по мере устройства военные дороги передаются в заведывание местных дорожных организаций, но последние еще не везде организованы, а где и организованы — везде испытывают хронический недостаток средств, и потому сейчас же заявляют требования об отпуске таковых от военного ведомства для содержания передаваемых им военных дорог и отдельных сооружений на них. А так как военное ведомство удовлетворить их требования не может, то и передаваемые дороги остаются не только без ремонта, но даже без надзора и в самое короткое время возвращаются в первобытное состояние, а имеющиеся на них сооружения растаскиваются.

К сказанному нужно добавить, что военно-дорожные организации, если бы и были средства развить их до покрытия всей потребности, по природе своей не могут обращаться в стационарные учреждения, прикрепленные к определенному району, а должны быть во всякое время готовы сняться по первому приказанию и следовать за армией для выполнения все новых и новых заданий.

Поэтому и в узко военной области, как и во всех других случаях, дорожное строительство не должно ограничиваться только первоначальным устройством дорог, а должно дополняться организацией местного населения для ремонта и содержания устроенных дорог. Создание такой организации и будет тем вкладом в дело хозяйствен-

ного устроения страны, который оправдает затрату на него народных средств, а, с другой стороны, такая организация создаст прочную базу для устройства сети дорог, необходимых для обороны страны.

Принципы организации натуральной дорожной повинности населения указаны выше, и здесь к ним добавить ничего не остается. Необходимо, однако, заметить, что осуществление натуральной дорожной повинности в общегосударственном масштабе потребует, может быть, специальных законодательных актов, в узкой же сфере военно-дорожного строительства оно, казалось бы, может быть достигнуто, оставаясь в пределах существующих законоположений, именно если использовать для этой цели труд. гуж. налоговую повинность населения.

По существующему положению, определенные группы населения обязаны в течение года предоставлять в распоряжение государства определенное количество раб. гуж. силы для выполнения работ, имеющих государственное или местно-общественное значение. В связи с новой экономической политикой, существует тенденция заменять натуральную труд. гужевую повинность денежным обложением, обращаемым в рессурсы государственной казны.*) Однако, при надлежащей организации, использование натуральной труд. гужевой повиности на местах для дорожных работ может быть и менее обременительно для населения и безусловно выгодно для государства.

При замене труд. гуж. налога денежным сбором, можно представить себе такую схему: для военно-дорожных работ где-либо на месте нужно нанять одну подводу; государство, чтобы реализовать нужные для этого средства, взимает с местного населения денежную замену труд. гуж. налога; деньги эти поступают в государственные рессурсы и из последних уже военно дорожной организации там же, на месте отпускается денежная сумма на наем подводы. Таким образом, денежные средства на наем подводы должны пройти целую цепь инстанций, причем значительная часть их поглотится организационными расходами, и, несомненно, что для того, чтобы дать военно-дорожной организации средства на наем одной подводы, государству приходится реализовать и заменить денежным сбором не одну подводу по труд. гуж. налогу, а, по крайней мере, две, а то и более. Между тем, при непосредственном использовании труд. гуж. налога на месте, было бы достаточно выдать военно-дорожной организации ордер на одну подводу, а другая и последующие подводы могли быть заменены денежным сбором, который с неизбежной поправкой некоторым коэффициентом „полезного действия“, но все же поступил бы в рессурсы казны в виде чистой прибыли от этой операции.

Совершенно такие же результаты могут получиться и от замены денежного отпуска военно-дорожным организациям на покупку нужных лесных материалов непосредственным бесплатным отпуском таковых из местных казенных лесных дач.

*) В данный момент по ряду губерний такая замена уже произведена. *Редакция.*

В обоих случаях, конечно, должны быть приняты меры против неэкономного расходования предоставляемой раб. гуж. силы и отпускаемых лесных материалов, а тем более против расхищения их. Дорожные работы, при их простоте и однообразии, допускают удобное нормирование потребной для выполнения их раб. гуж. силы. Что касается отпуска для дорожных сооружений лесных материалов натурою, то таковой кое-где осуществляется путем отвода целых лесосек. Понятно, такой порядок не гарантирует от бесхозяйственной растраты народного достояния. Выше уже указывались более совершенные приемы для такового отпуска, гарантирующие экономное и целесообразное использование материалов.

При отпуске раб. гуж. силы и лесных материалов натурою потребность денежных ассигнований на военно-дорожное дело сократится до минимума и даже с небольшими, сравнительно, ассигнованиями для военно-дорожного строительства можем получить возможность правильно развиваться, из года в год увеличивая сеть приспособленных для военных надобностей дорог.

Американские приемы устройства грунтовых дорог*).

Для сравнения интересно познакомиться с постановкою дорожного дела в Америке.

До начала текущего столетия Северо-Американские Соединенные Штаты в отношении проезжих дорог находились приблизительно в таком же положении, как и Россия. Потребность в транспорте удовлетворялась постройкою жел. дорог, на развитие же сети и улучшение обыкновенных дорог мало обращалось внимания. По данным американской статистики, Соед. Штаты на плохом состоянии своих дорог теряли от трехсот до четырехсот миллионов рублей в год**).

Положение дела резко изменилось с возникновением и быстрым ростом автомобильной промышленности. Американская промышленность имеет две отличных черты: безудержное стремление к развитию, во что бы то ни стало, массового производства (увеличение тоннажа) и граничащая с расточительностью переизбыточность в механическом оборудовании предприятий. Автомобильные заводы ежедневно выбрасывают на рынок несколько тысяч автомобилей. Чтобы обеспечить сбыт и применение всей этой массе автомобилей, поставлена на очередь огромная задача—с соответствующей быстротой привести в проезжее состояние свыше 4-х миллионов верст дорог.

Из общего протяжения дорог 4255624 версты (1914 г.) покрыто одеждой всего около 10%, в том числе значительная часть дорог по-

---

*) „Американские приемы устройства грунтовых дорог и их применение в русских условиях". Проф. Д. П. Крынин (Технико-Экономический Вестник. 1922 г. № 1) Ф. Крыштафович—„Американский способ постройки и починки проезжих дорог". 1917 г. изд. М. З.

**) В России таких статистических данных не имеется, но можно себе представить, в какой громадной сумме должны выражаться у нас потери от почти полного бездорожья.

крыта гравием или смесью глины и песку, так что собственно шоссейных дорог с щебеночной, каменной и т. п. одеждой не более 4% от общего протяжения; остальная масса дорог остается в грунтовом состоянии, и на улучшение их и обращены все усилия американской техники.

Сущность американских приемов в дорожном деле заключается в широком применении механических средств с переложением работы с рук человека на силу животных и механических двигателей. „Мы,— говорит американская поговорка, не желаем делать лошадиной работы". Более 40 заводов занимаются изготовлением дорожных машин, которые находят применение как в Соед. Штатах, так и в других странах (между прочим, в Аргентине и даже в Афганистане) и тем, в свою очередь, подталкивают развитие дорожного дела. Характерный случай приводит проф. Крынин*): когда в Аргентине, усвоившей северо-американские приемы дорожного строительства и пользующейся для этого северо-американскими машинами, распорядительная дорожная комиссия, желая дать ручную работу пострадавшим от неурожая, сократила машинные земляные работы, и часть машин стояла в складах неиспользованными, то, прежде всего, в прессе появились обвинения комиссии в обскурантизме, затем по тому же предмету, а, кстати, и о других неправильных действиях комиссии, был сделан в парламенте запрос.

Дорожная полоса обыкновенно делается шириною в 60 футов, считая в том числе полотно для проезда, лотки для стока воды и с обеих сторон—тропинки для пешеходов. Второстепенные дороги устраиваются лишь такой ширины, чтобы на них могли раз'ехаться два воза, нагруженные хлебом, сеном или соломой: это составляет в среднем 30 футов, да сверх того, с обеих сторон лотки шириною по верху 6 футов, по дну—3 фута и глубиною около 10 дюйм.

Предназначенная для устройства дороги полоса, не исключая и существующих, в неустроенном состоянии дорог, прежде всего, пашется особыми „дорожными плугами", расчитанными на силу 12 лошадей или соответственного количества быков. На расчистках из-под леса предварительно проходят особым орудием, которое называется—корнекопатель, рвущий и вытаскивающий на поверхность корни. Землю из лотков выбирают „конными лопатами" и отвозят на полотно дороги, в два приема: сначала по всей ширине лотка на глубину около 5 дюймов, затем посредине лотка, по ширине 3 фута, вторично пропахивают плугом и конными лопатами, выбирают второй слой в 5 дюймов.

Пригодным в естественном состоянии грунтом для образования дорожного полотна является супесок или суглинок, в котором количество глины как раз достаточно для заполнения пустот между частицами песку. При недостатке глины или песку в данном естественном грунте недостающее количество того или другого пополняют под-

*) Инженер Д. П. Крынин—„Грунтовые дороги Аргентины". Сборник упр-ния шоссейных, грунтовых и узкоколейных дорог, выпуск 9-й, 1919 г.

возкой со стороны. При сильно песчаном грунте, когда нет близко глины, хорошее дорожное полотно получается от примеси к песку крупной резки из камыша, сухих сорных трав, мелкого хворосту, стружек, опилок и т. п. материала.

Лежащая на дороге земля, как полученная от ее пахания, так и навезенная из лотков и со стороны, раздробляется дисковою бороною, а иногда вслед за сим и обыкновенною бороною или культиватором, причем навезенный материал отлично смешивается с основным грунтом.

Теперь приступают к приданию полотну дороги необходимого поперечного профиля, приподнятого посредине и плавно понижающегося до уровня дна лотков, при разности уровней, примерно, дюймов на 10. Для этого применяются „гредеры" или струги (делатель уклона). Гредеры представляют собою 4-х колесную тележку, снизу которой прикреплена подвижная стальная, изогнутая в виде плуга, доска-лопата, длиною 1,8—3,5 метр., шириною 0,35—0,40. метр. с острым стальным лезвием. „Лопату" можно поднимать и опускать, а также ставить, под тем или иным углом, к продольной оси тележки. Для работы лопату ставят обычно под углом 40°—45° к продольной оси дороги так, чтобы при передвижении гредеров они загребали разрыхленную и измельченную землю и сдвигали ее к средине полотна. Гредер приводится в движение лошадьми, быками, а при больших работах применяются также тракторы, преимущественно гусеничного типа, причем при пользовании трактором в 60—80 лошадиных сил можно сразу тянуть один за другим два гредера, покрывающих сразу двойную ширину по полотну дороги. Гредером проходят рабочий участок дороги несколько раз в одном направлении и обратном, последовательно придвигаясь от краев к середине. При этом, кроме передвижения к середине вспаханной земли, попутно срезается и внутренняя закраина бокового лотка, и дорожное полотно получает плавный выпуклый поперечный профиль с пологими скатами в обе стороны к лоткам, как это у нас делается, напр., в городских мостовых. При таком профиле в сухую погоду можно ездить как по самому полотну дороги, так и по боковым лоткам.

При небольших работах вместо гредера можно пользоваться „волокушей", которую можно даже сделать своими средствами. Для этого берутся две доски 7"×8"×2", ставятся на ребро одна от другой на расстоянии 3 фут., сбиваются сверху досками или гайками и укрепляются внутри поперечинами. Поверх этих скреп устраивается сиденье для рабочего. Обе доски с передней стороны обиваются железом, которое при передвижении волокуши нижним концом скребет землю. К передней доске волокуши прикрепляется цепь с вальком для упряжи лошади: левая часть цепи длиннее правой, так что волокуша становится под углом к продольной оси дороги. Работа волокушей идет, конечно, медленней и не так часто, как гредером.

Обыкновенно же волокушей пользуются после работы гредером, для заравнивания и разглаживания поверхности дороги перед укаткой, отчего и название ее у русских авторов—„утюгом“.

Наконец, следующей и последней операцией является укатывание дороги до придания ей необходимой плотности. Укатку начинают сначала легким катком 120—150 пуд., затем постепенно увеличивают нагрузку подсыпанием в ящики катка земли. В общем, проход катком раз 7—8, причем в последние разы все катки доводят до 250—300 пудов.

Плотное дорожное полотно при укатке получается лишь при непременном условии достаточной влажности грунта. Поэтому наилучшим временем для производства дорожных работ является ранняя весна, когда земля еще сохраняет влажность на значительную глубину. С другой стороны, работу необходимо производить небольшими участками и с достаточной скоростью, чтобы вспаханная земля могла быть укатана, прежде чем она высохнет. Наряду с песчано-глинистыми дорогами в Америке устраиваются также и „гравийные“ дороги, в которых плотная кора для проезда образуется посредством рассыпки по заранее подготовленному полотну гравия, слоем в 0,20—0,30 метр, с последующей укаткой легкими катками. Особенно рекомендуется устраивать гравийные дороги по типу шоссе: с устройством посредине полотна дороги продольного ящика и с набивкою в него вместо щебня—гравия.

Устроенная тем или иным способом дорога сохраняет свою устойчивость и свое исправное состояние лишь при условии надлежащего отвода воды, на что и обращается самое серьезное внимание. Отвод воды в поперечном направлении обеспечивается выпуклым профилем полотна. В продольном же направлении боковые лотки (кюветы) должны иметь непрерывный достаточный уклон для отвода воды к искусственным сооружениям; участки кюветов, не имеющие уклонов, а тем более с обратным уклоном, совершенно не допускаются, так как застаивающаяся в них вода размягчает дорожное полотно, на котором в таком случае легко образуются колеи, ухабы, и дороги скоро совершенно расстраиваются. Правильный водоотвод и составляет главнейшую задачу предварительных технических изысканий, причем проектирование кюветов делается на основании инструментальной с‘емки (нивеллировки). При этом учитывается также количество воды, которое может собираться кюветами, и скорость ее протекания. Кюветы, вообще, должны служить только для отвода воды с полотна дороги Поэтому, если по местным условиям можно ожидать более или менее значительного притока воды со стороны, лучше устраивать боковые водоотводные („нагорные“) канавы.

Описанными выше машинами производятся дорожные работы только в так наз. „нулевых местах“, т. е. там, где дороги проходят по естественной поверхности земли. Насыпи остаются своим чередом и могут быть исполняемы или вручную или соответствующими снарядами.

Относительно стоимости устройства дорог в Америке можем привести следующую справку*): в 1916 г. в Аргентине построено таких дорог 1090 верст, на что истрачено 2300000 руб. (довоенных), итого на версту около 2000 руб. Правда, это с искусственными сооружениями постоянного типа: железобетонными трубами, мостиками и мостами, но там же приводится справка, что в Аргентине железобетонные сооружения обходятся лишь немного дороже деревянных.

Другой чрезвычайно важной, и для нас особенно поучительной, особенностью американской практики в дорожном деле является непрерывная починка, ремонт дороги.

Американцы выработали несколько приемов ухода за дорогами. Самый простой—заключается в следующем. Нанимают человека с лошадью и телегой одного на участок, в среднем, около 9 верст. Этот участок разделяется на 6 частей, и каждую такую часть рабочий должен привести в порядок в течение дня. Главная его работа заключается в подсыпке земли в выбоинах и в поддержании лотков и выпусков для воды в порядке. Подсыпанная в рытвины и выбоины земля укатывается колесами проезжающих экипажей. Применительно к нашим условиям, за 7 летних месяцев—это составит $24 \times 7 : 9 \cong 20$ рабочих дней на версту, а если считать содержание рабочего с лошадью круглый год, то $24 \times 12 : 9 \cong 30$ раб. дней на версту в год.

Другой, более распространенный прием заключается в следующем: Дороги находятся в ведении уездов (country). Уезды в дорожном отношении разделяются на участки. На каждый участок из числа местных фермеров назначается дорожный мастер. Ему дается набор дорожных орудий и машин—дорожный плуг, конные лопаты, волокуша, гредер, дисковая борона и каток. Он производит работу своими лошадьми или мулами, при надобности—нанимает в помощь себе людей и лошадей. Он ведет рабочий журнал и получает плату за свою работу поденно и почасно. Работы дорожных мастеров поверяются особым уездным дорожным комиссаром.

Починка дорог производится таким образом: время от времени, обыкновенно после дождя, производится подсыпка земли в выбоины, дорога проходится волокушей или гредером, затем—катком; конной лопатой проходятся лотки, для выравнивания их дна.

В Аргентине постройка дорог производится центральной дорожной комиссией; по окончании работ построенные сооружения передаются органам местного управления, так, что комиссия представляет собою постоянную строительную контору.

Отметим еще, что в Америке, при прокладке дорог в распыляющихся грунтах, широко применяется поливка их нефтью: устроенную вышеописанным способом грунтовую дорогу разрыхляют конными граблями на 1½—2 дм., обильно поливают нефтью и дня через 2—3 проходят катком. Получается совершенно беспыльное полотно, не размокающее от дождя и хорошо противостоящее движению эки-

*) Инж. Крынин—„Грунтовые дороги Аргентины“.

пажей и, в частности, автомобилей, пригодное также и для городских улиц, площадей, выставочных территорий и т. п.

В заключение, как вывод из всего вышеизложенного, можно сказать следующее: в применении американских механических приемов нельзя видеть панацею от всех дорожных зол и бед, применимую во всех, без исключения, случаях; в частности, для применения американских машин в России, прежде всего, необходимо подготовить кадр людей, умеющих правильно ими пользоваться; затем, может быть, потребуется приспособить их к местным условиям и организовать изготовление их на русских заводах.

Устройство дорог в точности по американским образцам по своей стоимости (2000 р. на версту) для нас, при нашей бедности, недоступно. Тем не менее американские приемы работы необходимо иметь в виду и пользоваться при дорожных работах американскими машинами там, где это окажется удобным и выгодным. Совершенно бесспорными и безусловно необходимыми следует признать следующие указания американской дорожной практики:

1) Дороги должны устраиваться не „на авось“ и не на глаз, а на основании правильных технических изысканий, причем в особенности надлежащий водоотвод должен проэктироваться по данным инструментальной с‘емки (нивеллировки) и технических расчетов.

2) Должно быть обращаемо внимание на надлежащий подбор грунтов, пригодных для образования плотного дорожного полотна. В отношении песчано-глинистых грунтов американская практика дает готовые рецепты. В отношении черноземных грунтов нужны самостоятельные исследования и опыты: может быть, они сами по себе пригодны для образования дорожного полотна; может быть, нужно их как-нибудь усилить или комбинировать с другими грунтами.

3) Необходимо уплотнение дорожного полотна укаткою, о чем у нас на грунтовых дорогах, кажется, до сих пор никто не думал.

4) Наконец, самое главное—необходима организация непрерывного своевременного ремонта.

Улучшение санного пути.

Одною из исторических причин, задержавших развитие дорожного строительства в России, является то, что у нас в течение значительной части года, зимою, земля замерзает, покрывается более или менее ровным снежным покровом и образует естественную дорогу, не требующую ни мостов через реки, ни гатей через болота. Исторически сложилась бытовая привычка откладывать необходимые перевозки до дарового санного пути, мирясь до известной степени с бездорожьем в остальное время года.

Усилие, требующееся для передвижения грузов по санной дороге (на полозьях, обитых железом) в два раза меньше, чем на хорошей грунтовой дороге и, в среднем, такое же, как на хорошем шоссе. След. даровой санный путь, содержимый в должном порядке, зимою может заменить дорого стоющее шоссе, не говоря уже о грунтовых дорогах.

Но и в этой области, для надлежащего использования готовых даров природы, до сих пор у нас ничего не делалось.

Если летом, весною и осенью дают себя чувствовать на дорогах продольные колеи и рытвины, то сухие, то наполненные грязью, то зимой в значительной степени мешают езде рытвины, поперечные ухабы и боковые закаты. Дороги же с большим движением делаются и зимою почти непроездными.

Использование санного пути может итти в двух направлениях. Во первых, можно и должно содержать в порядке санный путь на существующих грунтовых дорогах, а во вторых, возможны случаи, в особо трудных местных условиях, делающие целесообразным устройство специально зимних дорог, делающих возможность удобного проезда хотя бы только зимою.

В Америке (особенно в Канаде) для улучшения зимней дороги снег на ней тоже пашется плугом; выбоины, и после пахания остающиеся не выровненными, наполняются снегом, привозимым со стороны. По уравнении дорога проходится или покупным стальным или самодельным деревянным катком. Для расчистки снежных заносов снег расчищается, вернее, раздвигается на стороны, так наз. „снеговым плугом" (треугольником): он делается или стальной или приготовляется самодельно—из досок.

Наша литература в этом отношении чрезвычайно бедна. Нужно изучение дела за границей и искание методов собственными силами.

Приспособление повозок для движения по дорогам, без порчи последних.

Как всякое сооружение безопасно выдерживает только ту нагрузку, на которую оно расчитано, так и дорога, не разрушаясь, допускает движение по ней экипажей только определенного веса и определенной конструкции.

Для устойчивости дорожного полотна уже имеет значение способ запряжки лошадей в экипажи. Наиболее неблагоприятна для целости дороги обычная в центральных губерниях запряжка в одну лошадь, в оглобли, при которой дороги прорезаются двумя колеями от колес с тропинкой между ними, протаптываемой лошадью. В гораздо лучшем состоянии сохраняются дороги на юге и юго-западе, где применяется парная запряжка в дышло, при которой колеи от колес затаптываются лошадьми, и езда равномерней распределяется по всей ширине дороги.

Во Франции установлено, чтобы задние оси были длиннее передних, с таким расчетом, чтобы передние и задние колеса шли не по одним и тем же, но по соприкасающимся линиям. Благодаря этому, каждый тяжелый экипаж действует на дорожное полотно, как каток, уплотняя полосы от 8 до 12 дюймов шириною.

Наибольшее значение для сохранения в целости дорожного полотна имеет ширина шин колес, соответствующая весу повозки. В большинстве цивилизованных государств изданы законы относитель-

но ширины шин колес грузовых повозок и строго следят за их исполнением.

В Австрии ширина шин грузовых повозок определена, смотря по местности, от $4^1/_2$ до $6^1/_4$ дюймов. Во Франции ширина шин от 4 до 6 дюймов. В Германии предписывается иметь шины в грузовых экипажах не менее 4-х, в легковых не менее $2^1/_2$ дюймов, причем шины должны быть не закругленными, но плоскими. В Швейцарии повозки для тяжелой клади должны иметь шины не менее 6 дюймов в ширину; в легковых экипажах шины должны быть шириною не менее 1 дюйма на каждое упряжное животное. В отдельных штатах Северной Америки шины для рабочих фургонов чаще всего не уже 5 дюймов. В Канаде ширина шин—не менее $2^1/_2$ дюмов при нагрузке от 500 до 1000 фунтов на каждое колесо и не менее 6 дюймов—при нагрузке на колесо в 2000—3000 фунтов, что составляет около 10 пуд. нагрузки на каждый дюйм ширины колеса; считая диаметр колеса в среднем 1 метр, это при погружении колеса в полотно дороги на 50мм. составляет нагрузку на 1 квадр. сантиметр дорожного полотна в 1, 5 килогр. или на 1 кв. дюйм—0, 6 пуд: это и можно считать предельно безопасной для устойчивости дорожного полотна нагрузкой на последнее.

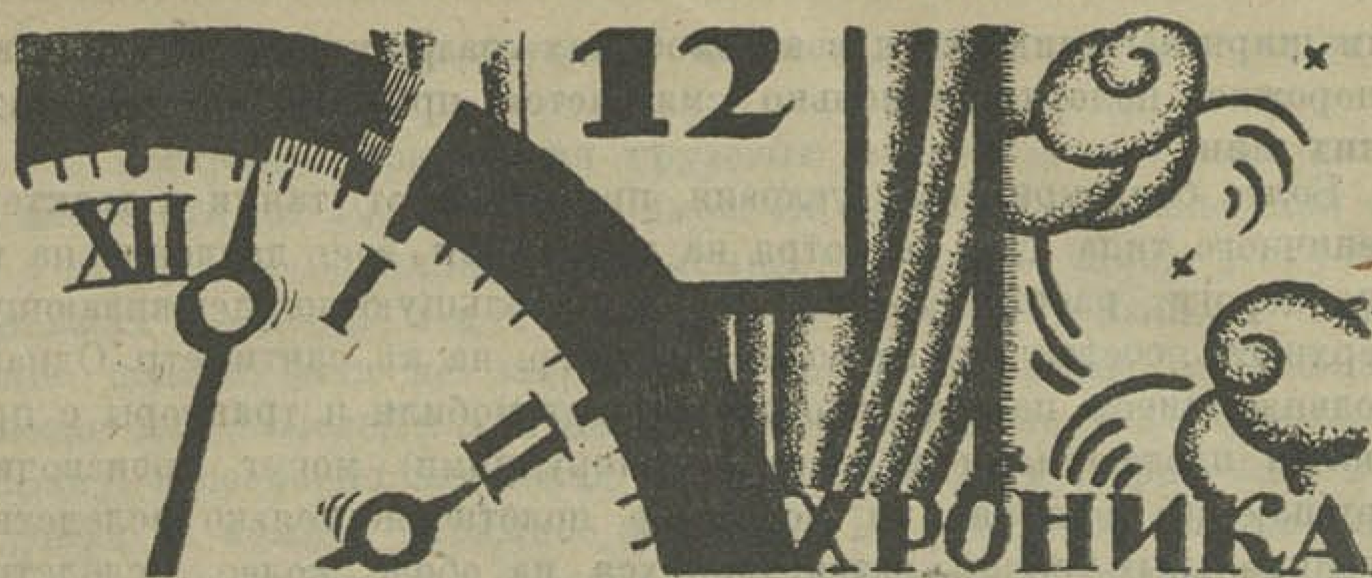
В России никто не обращает внимания на эту сторону дела, и потому недостаточно широкие шины колес грузовых повозок оказывают на дороги самое разрушающее действие.

Эта сторона вопроса имеет существенное значение для военного ведомства. В связи с развитием техники военного дела в употребление входят все более и более тяжелые военные повозки и необходимо иметь в виду такое приспособление их, которое давало бы возможность удобно перемещать их по имеющимся дорогам, без порчи, а тем более—без разрушения последних. Особенно неблагоприятные условия в этом отношении представляет тяжелая артиллерия: в имеющихся типах нагрузка на заднюю ось составляет от 200 до 350 пуд., между тем, ширина шин обычно 4 дюйма и не более 6 дюймов, что составляет на 1 дюйм ширины шины до 25 пудов. Неудивительно, что после прохождения таких орудий дорога обращается в кашу, и затем для передвижения даже легких повозок приходится запрягать по несколько пар лошадей. В некоторых типах орудий имеются так наз. „башмачные пояса“ на колеса, но применяются они обычно только в таких грунтах, где без них движение артиллерии невозможно, там же, где предоставляется хоть какая-нибудь возможность передвигаться, обходятся без них, не обращая внимания на то разрушительное действие, которое производится на состояние дороги. Установление достаточной ширины колесных шин, всоответствии с нагрузкой, применение в двух-осных повозках разной длины для передней и задней оси, как это установлено во Франции, представляется мерой, которая могла быть осуществлена без больших затруднений.

Чрезмерная для грунтовых дорог нагрузка имеется в автомобилях легковых и особенно грузовых: от 20 до 27 пудов на каждый

дюйм ширины шины, хотя в автомобилях разрушительное действие на дорожное полотно несколько смягчается применением пневматических шин.

Более благоприятные условия представляют танки и тракторы гусеничного типа, где, несмотря на громадный вес, давление на полотно дороги, распределяющееся на большую поддерживающую поверхность, составляет не более 1,69 клгр. на кв. сантиметр. Однако, самодвижущиеся повозки и особенно автомобили и тракторы с прицепными платформами и повозками (орудиями) могут производить разрушающее влияние на дорожное полотно не только вследствие тангенциальных усилий, развивающихся на ободе колес, вследствие которых они как бы загребают под себя верхний слой дорожного полотна и роют его. Эта сторона дела нуждается в изучении, в связи с характером и типом наших дорог.

На Запфронте.

В ВУЗ Запфронта.

Военно-учебная работа все более и более углубляется и укореняется в научно-педагогические основы. Если сопоставить комкурсы 19, 20 г. г. и современную нормальную военную школу, дистанция получится громадных размеров. Да оно и вполне естественно. В пору гражданской войны было не до „увлечения" педагогическими дисциплинами. Единственным воспитательным принципом было категорическое требование фронта—в кратчайший срок дать возможно больше „краскомов". Выручала не „выучка", а революционный энтузиазм и классовое самосознание.

Безошибочным явится утверждение, что в эту первую половину революции ВУЗы больше выполняли назначение „образцовых и опорных воинских частей", нежели школ, готовящих командиров. Курсанты часто срывались с учебной скамьи и не в порядке учебного плана, вернее, следуя единственно авторитетному „расписанию", составляющемуся ходом революции, дополняли теорию самой действительной практикой. „Педагогика" гражданской войны была своеобразна.

Работа постоянного состава ВУЗ в этой обстановке тут же проверялась, зачастую при его непосредственном участии, на линиях позиций. Оценивать пройденный путь было некогда. Обобщать накапливаемый опыт также. Восполнение собственных пробелов, само собою всплывавших, „выпячивавшихся" в процессе военно-учебных занятий,—и в классе и в „поле"—, шло от случая к случаю, „через пень в колоду". А дефекты несомненно были, хотя в суматохе „революционной толчеи" и замечались недостаточно ярко.

О повышении уровня квалификации преподавателей и командиров ВУЗ более твердым образом и в убедительной форме, согласованной с бытием, заговорили значительно позже—в 21 году. „Нормализация" военно-учебного строительства принесла и новый фундамент этому делу.

В ВУЗ'ы хлынула рабоче-крестьянская молодежь, не служившая в армии, „не нюхавшая пороху". Идеологическая связь с традициями Красной армии у этих пополнений была крайне слаба, если не отсутствовала вовсе.

Для обработки этого материала в горнах „Красных Кузниц" была необходима какая-то перестройка. Должна была быть пущена „в обращение" иная метода, другой подход. Наряду с этим, вскрылось и такое положение, что командир взвода на комкурсах уступает по степени подготовки курсанту старшего класса трехгодичной школы. Как общее явление, с переходом на мирное положение „критицизм" со стороны масс и, в частности, курсантской аудитории рос с каждым днем.

Все это и явилось реальной почвой для разрешения вопроса в утвердительном смысле о серьезной постановке занятий с постоянным составом ВУЗ: „Воспитатель сам должен был быть воспитан", И совершенствование познаний и подготовки строевого ком-

состава, а также и преподавателей, на основе учета предшествующего опыта и современных требований, двинулось вперед. Основных в этом отношении возможно наметить три пути: это внутренняя суб'ективная работа в самих ВУЗ; отбор „лучших“, в связи с сокращением сети военно-учебных заведений и ставшая более планомерной деятельность военно-педагогических школ.

Прежде чем подвести итоги достижениям в этой области, примем во внимание следующие факты:

Во первых, лишь в 22 году самая „цель занятий“, чуть ли не с самой важной, пожалуй, именно так,—категорией постоянного персонала ВУЗ—командным составом, была формулирована достаточно четко и рельефно:

1) укрепление и совершенствование командиров в знании своих служебных обязанностей,

2) расширение сведений по военному делу,

3) расширение тактического кругозора,

4) выработка правильных методов обучения и воспитания,

5) ознакомление с происходящими политическими событиями,

6) ознакомление с социальной педагогикой, психологией, физиологией и педагогикой юношества,

7) развитие любви и привычки к самостоятельному и осмысленному военному чтению—задачи, из которых само собою напрашиваются и определенные выводы в программном отношении. Во вторых, нормализация сети ВУЗ на оставленных военных школах и курсах отразилась самым положительным образом. Если до этого ВУЗ'ы имели дело с некомплектом постоянного состава, или число штатных преподавателей было незначительно, то ныне, в результате работы Окружных Аттестационных комиссий (при Окрвузах), перебросок, персональных замен—уровень квалификации постоянного состава несомненно повысился. В частности, последнее обусловлено и так называемым «снижением». Как показатель этого, можно привести следующий пример: на №-ских курсах Западного Округа насчитывается 4 человека бывших помощников начальников курсов по учебно-строевой части, в качестве преподавателей. В равной мере это применимо и к строевому комсоставу и политработникам. Число штатных преподавателей достигло на некоторых ВУЗ'ах—Западного же Округа—100%.

В третьих, Военно-Педагогические школы, „покорные общему закону“, вели далеко не совершенную работу. „Свеже-испеченные“ преподаватели ускоренных выпусков серьезным требованиям педагогической деятельности в целом удовлетворить не могли. Конечно, приходится учитывать и то обстоятельство, что их „ценителями“ главным образом была „деклассированная“ педагогическая среда, болезненно реагировавшая на все симптомы конкуренции, с чьей бы стороны они ни исходили. Но были и действительные промахи, исправление, а вернее недопущение коих зависило от удлиннения срока пребывания и обучения в ВПШ. Вполне „законченных“ преподавателей из ВПШ ВУЗ'ы (Запокруга) еще не получили.

Каким же образом протекала до настоящего времени работа с постоянным составом в ВУЗ'ах, включая и адмхоз, если физиономия, хотя бы и в общих чертах, этого состава,—до последних дней—нами выяснена?

Расчленим вопрос двояким образом: на совершенствование постоянного состава—в специальной области и—в выработке общего кругозора, необходимого педагогу-общественнику и, в частности—для надлежащего осмысления всей военно-учебной воспитательной работы и определения места в общей системе подготовки командира „своей“ специальности. Остановимся на второй половине.

Элементарное требование в отношении последнего сводится к политической грамотности постоянного состава ВУЗ. Обратимся к результатам проверки политзнаний командного, преподавательского и административно-хозяйственного персонала ВУЗ Запокруга, произведенной (по приказу ГУВУЗ'а) в июне и июле месяце этого лета. Эти, далеко не безинтересные данные, одновременно послужат

материалом для предварительной оценки работы ВУЗ над постоянным составом в этой области.

Всего было подвергнуто испытанию 262 человека, из них комсостава—81, преподавателей уччасти—113 и адмхоза—68. Программа минимум, по которой производилась проверка политподготовки—36 бесед по политграмоте ГУВУЗ'а. Система оценки знаний сводилась к трем обозначениям: „хорошо, удовлетворительно и неудовлетворительно".

Общий результат таков:

Оценка.	3 школа.	4 Могил.	6 Минские.	7 Витебск.	Всего.
Хорошо . . .	6	14	6	19	45
Удовлетворительно	38	19	64	40	161
Неудовлетворител.	13	28	8	7	56
Всего испытуемых	57	61	78	66	262

В процентном отношении (без сотых долей) это равносильно 17,1 процента проявивших более или менее твердые познания установленного „минимума" и 21,3% выказавших полную политическую неграмотность, т. е. свыше $1/5$ всех подвергавшихся испытаниям. Как видно, результат для кадровых работников ВУЗ не утешителен.

При более внимательном анализе этих результатов получаем следующее:

а) Знание комсостава.

Оценка.	3 школа.	4 Могил.	6 Минск.	7 Витебск.	Всего.
Хорошо . . .	3	5	2	12	22
Удовлетворительно	10	8	18	11	47
Неудовлетворител.	5	6	1	—	12
Всего испытано . .	18	19	21	23	81

б) Знание преподавателей.

Оценка.	3 школа.	4 Могил.	6 Минск.	7 Витебск.	Всего.
Хорошо	2	8	3	7	20
Удовлетворительно .	21	7	31	21	80
Неудовлетворител.	2	7	2	2	13
Всего испытано .	25	22	36	30	113

в) Знание адмхозсостава.

Оценка.	3 школа.	4 Могил.	6 Минск.	7 Витебск.	Всего.
Хорошо	1	1	1	—	3
Удовлетворительно .	10	4	15	8	37
Неудовлетворител. .	3	15	5	5	28
Всего испытано . .	14	20	21	13	68

Становится очевидным, что наиболее отсталой категорией постоянного состава ВУЗ является административно-хозяйственный состав (41,2% безграмотных). Вполне понятно, почему: адмхоз в ВУЗ'ах в смысле политобработки—„несжатая полоса"—до последнего времени.

Следуя априорному заключению, преподаватели уччасти ВУЗ должны были бы значительно опередить в овладении обществоведением строевой комсостав, фактически же процентная норма сдавших испытания „хорошо" лиц и первой и второй категорий,— такова: комсостав 27,1%, преподавателей—17,7%. Неудовлетворительные познания проявило 14,8% командиров и 11,5% преподавателей. Нельзя признать эти результаты достаточными для комсостава, тем более—слабы они для преподавательского персонала.

Для внесения наибольшей ясности в вопрос, мы имеем возможность по трем ВУЗ'ам получить некоторые весьма показательные детали. Интересно проследить—на сколько выдаются из общей массы постоянного состава по своему политразвитию следующие группы: краскомы, преподаватели, окончившие ВПШ, члены и кандидаты РКП вообще (политпреподаватели не входят), преподаватели военных и общеобразовательных предметов отдельно.

а) Данные о краскомах.

Отметки.	3 школ.	4 Могил.	7 Витебск.	Всего.
Хорошо	—	1	5	6
Удовлетворительно .	2	5	7	14
Неудовлетвор. . .	—	—	—	—
Всего испытано . .	2	6	12	20

б) Данные о преподавателях из ВПШ.

Отметки.	3 школ.	4 Могил.	7 Витебск.	Всего.
Хорошо	—*)	2	—	2
Удовлетворительно .	—	—	6	6
Неудовлетвор. . .	—	4	—	4
Всего испытано . .	—	6	6	12

*) Примечание: в школе преподавателей из ВПШ (кроме политпреподавателей) вовсе нет.

в) Данные о членах и кандидатах РКП.

Отметки.	Хорошо	Удовлетворительно	Неудовлетвор.	Всего испытано
3 школ.	2	1	—	3
4 Могил.	1	1	1	3
7 Витебск.	5	6	—	11
Всего.	8	8	1	17

Первую и последнюю группы (тесно связанные) можно считать, чего и следовало ожидать, наиболее здоровым и политически воспитанным ядром постоянного состава ВУЗ. Бросается в глаза слабость политподготовки „ВПШ", истов—33,3% неудовлетворительных ответов.

При делении преподавателей на две основных группы по военным предметам и обще-образовательным получаем:

а) Преподаватели военных предметов.

Отметки.	Хорошо	Удовлетворительно	Неудовлетвор.	Всего испытано
3 школ.	2	11	2	15
4 Могил.	4	6	7	17
7 Витебск.	2	17	1	20
Всего.	8	34	10	52

б) Преподаватели обще-образовательных предметов.

Отметки.	Хорошо	Удовлетворительно	Неудовлетвор.	Всего испытано
3 школ.	—	10	—	10
4 Могил.	4	1	—	5
7 Витебск.	5	4	1	10
Всего.	9	15	1	25

В процентном отношении разница более выступает разительно: первых—„хорошо" 15,3%, неудовлетворительно 19,6%; вторых, т. е. преподавателей обще-образовательных предметов—„хорошо" 36% и неудов. 0,4%. Характерно отметить, что среди преподавателей русского языка (8 человек) 5% обнаружили хорошие знания по политграмоте. Очевидно, что самое содержание обще-образовательных предметов—история, география, родной язык—вынудило соотв. преподавателей больше внимания уделить элементам „политики".

Выводы наглядны. Дифференциация кадрового состава ВУЗ в процессе обработки на соотв. категории и группы была недостаточна: в результате общего „минимума" все „стриглись под одну гребенку". Практически это создавало большие неудобства, в работе приходилось равняться—в лучшем случае—на „золотую середину", что не могло не тормозить успешности и продуктивности занятий в целом. Идеологический—компактный—центр из элементов наиболее устойчивых сколочен не был, что, в частности, доказывается отсталостью преподавателей, преимущественно молодежи, знакомой с новыми веяниями из ВПШ. В противном случае результаты проверки были бы иные. Не вы-

зывает сомнения, что наиболее трудно поддается политобработке преподавательская среда—„университетская интеллигенция“, выбитая ныне из своего классового седла, но продолжающая упорствовать и рутинерствовать в области—„частного дела“—мировоззрения. Здесь необходим крайне осторожный подход. Разбивкой на группы по степени политзнаний не обойтись, должна иметь место „индивидуализация“ работы. Не говоря о том, что нельзя с одинаковыми требованиями отнестись к преподавателям военных предметов и обще-образовательных, даже русского языка и математики, самой существенной частью остается проведение качественного учета среди постоянного состава и его индивидуальная обработка и лишь отсюда постепенная невиллировка. Это значительно сложнее. Успех того и другого мероприятия зависит от наличия соответствующей коммунистической прослойки или инструктируемого соотв. образом ядра, спаянного пониманием революционного марксизма. Надо твердо помнить, что для одних дело сведется к „переоценке ценностей“—процесс более длительный, для других—„типа космополитического“—к выработке нового миро-понимания.

Конечно, одной политграмотой дело не исчерпывается. Удовлетворяет ли постоянный состав ВУЗ, после всех отсеиваний и подтягиваний современным требованиям военно-учебной работы? Для этого было бы необходимо разобрать инструкторские занятия, куда входит и спец-подготовка, главным образом с комсоставом, и его самообразовательную работу. Камнем преткновения является последнее. Учет, систематическое руководство самообразованием командиров и преподавателей ощущается крайне слабо, прерывисто, а подчас и отсутствует вовсе. „Приохочивание к военному чтению“ наиболее заметно в последнее время и, главным образом, в связи с выходом „Военного Вестника“, ставшего популярным в военной среде журналом, приобрело более широкий размах, затронувший массу. О развитии „привычки“ к самостоятельному чтению политлитературы говорить не приходится. В этом смысле руководство чтением постоянного состава отсутствует: „кому что заблагорассудится, тот тем себя и начиняет“. С проработкой же с комсоставом методов обучения и воспитания на инструкторских занятиях—„воз и ныне там“. Широкая дискуссия, завязавшаяся в свое время вокруг „единой военной доктрины“, значения и места „муштры“ в подготовке бойца и т. д.—все эти вопросы коснулись лишь верхнего слоя командного и вообще постоянного состава ВУЗ. С использованием педагогической литературы, в частности по вопросам военной педагогики—в этом отношении дело по сию пору обстоит слабо. Из вышеприведенных положений цели занятий с командным составом можно считать более или менее основательно затронутыми первый, второй, третий, отчасти четвертый и в значительно меньшей степени седьмой пункты, в плоскости которых и совершенствовались командиры. Ждут своего разрешения весьма существенные моменты „выработки правильных методов обучения и воспитания“ и „ознакомление с социальной педагогикой, психологией, физиологией и педагогикой юношества“. В противном случае командиру, в усложнившейся обстановке военно-учебной деятельности, трудно будет различить „из-за деревьев лес“, для чего известная широта кругозора неотъемлема. Необходимо задуматься о рациональном регламентировании и проверке самообразовательной работы „на дому“ и о перенесении большей части ее... в клуб ВУЗ.

Преподавательский персонал больше искушен в вопросах педагогики. Здесь в отношении выработки единого понимания методики воспитания и обучения сделано больше, в смысле конкретных достижений. Лекционный метод преподавания—в результате совершенствования преподавательского персонала в предметных комиссиях—вытеснен на 60-75%. В приспособлении этой среды к современным требованиям, значительно раньше другой литературы, обрел право на жизнь журнал „Военное Знание“—с недав-

него времени его отдел „Методики и психологии“. Вопросы связи с обществоведением здесь ставили чаще. Тем не менее, нынешний преподаватель—как тип провинциального ВУЗ—далеко не вполне удовлетворяет требованиям современной педагогики. Большинство все еще склонно рассматривать, что обязанности преподавателя (штатного) исчерпываются „учебным часом“. Коренное же недоразумение в этом отношении кроется в относительной отсталости в отношении политразвития—данные проверки. Более того, в этой среде наиболее прочно держится „умозрительная философия“ (выявлено в дискуссии об этике и материалистическом понимании истории). Как мы видели, теперешняя прослойка „новых“ преподавателей незначительна и не высокой квалификации: Достаточно указать, что „Главрукство“ остается пока достоянием „старых спецов“. Для достижения наибольших положительных результатов в смысле обработки преподавательского состава необходимо создать и укрепить—„спецами—ВПШ'истами“ основное ядро его. Лабораторные занятия, проектируемые новым учебным планом нормальных военных школ, особенно очевидно в плоскости предметов обще-образовательных, требуют, чтобы преподаватель в большей степени овладел не „политграмотой“, а марксистским методом исследования. Вполне естественно, что компетенция преподавателей в области общественных наук должна быть расширена; на совершенствовании только дидактических познаний успокаиваться нельзя.

Перемещение центра внимания в обработке постоянного состава на ближайший период мыслится следующим образом: для комсостава необходимо более выпукло поставить проработку педагогических вопросов, для преподавателей—теорию марксизма. Напоминать об углублении работы на началах, выдвинутых выше—излишне. Наряду с совершенствованием по специальности, известное место должно уделить и вопросам методики политработы, отсюда политвоспитания, иначе в этой области курсант слишком легко „превзойдет учителей“ и „заткнет их за пояс“. Принципы политработы необходимо осознать и всему постоянному составу, как неот'емлемую часть общей системы военно-учебно-воспитательных принципов.

Административно - хозяйственный состав ВУЗ—в порядке постепенности его обработки—ждет в первую голову „ликвидации политнеграмотности“. Наиболее темное пятно на организме постоянного состава ВУЗ должно быть смыто энергичными мерами в кратчайший срок.

В новый учебный год постоянный состав ВУЗ должен вступить во всеоружии, в значительной степени восполнив свои пробелы, и более приблизиться к новейшим требованиям военно-учебной работы.

Б. Волков.

Изменение структуры военной кооперации.

Приказом войскам ЗФ № 378 Военно - Кооперативное Управление фронта ликвидировано, с целью упрощения военно-кооперативного аппарата. К данному моменту военно-кооперативные организации по постановлению 1-го Всероссийского С'езда распределялись по линии: 1) Всероссийское Военно-Кооперативное Управление при Центросоюзе; 2) Окружные (фронтовые) Военно - Кооперативные Управления, как самостоятельные союзные об'единения низовых ячеек; 3) дивизионные и губернские военно-потребительские общества с отделениями в уездах и полковыми лавками.

Низовые организации, обслуживая потребителя, относительно мало обеспеченного и имеющего ничтожную покупательную способность, естественно, не имеют притока средств из основного источника всякой кооперативной организации—от своих членов. Это в основном делает наши организации слабыми, и здесь причина иногда чрезмерного увлечения „торговлею ради торговли“.

Нужда в длительном и солидном кредите для указанной цели весьма значительная, без поддержки или Цен-

тросоюза или Военведа, работа по снабжению сведется к тому, что лавки будут иметь несколько восьмушек махорки и дискредитируют в глазах широкой красноармейской массы вообще идеи военной кооперации.

Как ни слаба покупательная способность нашего потребителя, он хочет и вынужден обращаться к рынку. Это обращение необходимо направить в лавки военной кооперации, но оно возможно только в том случае, если кооперация в состоянии будет дать необходимый товар и сможет конкурировать с рынком.

Для интересующихся хозяйственной работой известно, как тяжелы для хозяйственных организаций и быстрый рост червонца (банкнот), и налоговая политика. Эти затруднения не проходят мимо и военной кооперации. Если присмотреться к ее работе, начиная с января 1923 г., мы увидим, как тяжелы были эти условия кредита, как основной капитал остановился в своем росте и как затруднены еще до сих пор расчеты по кредитам. Цены на товары не поспевают за ростом курса банкнот и, покупая товар в кредит, наши организации в лучшем случае продают без убытка, но и без прибыли.

„Огненное крещение" вынуждает прежде всего найти внутри аппарата самой кооперации возможность не только противопоставить кризису сплоченность рационально - построенного аппарата, но определить формы его построения таким образом, чтобы они способствовали росту организации в будущем.

Отметив основные причины, вынуждающие ставить вопрос об изменении структуры наших организаций, следует указать и пути разрешения вопроса. Выгода кооперации для потребителя заключается в дешевизне ее товаров сравнительно с рынком и в их доброкачественности. Из опыта коммерческой работы военной кооперации и из практики вообще кооперативной и торговой работы следует установить, что дешевизна товара достигается укрупнением проводимых операций, при осторожном к ним подходе, конечно.

Понимая это, наши низовые и окружные военно-кооперативные организации стремятся провести такого рода операции, но, выступая на рынке с ограниченными средствами, разрозненно, они, кроме убытков, от этих выступлений ничего не получают.

В прежнее время об'единенные закупки кооперативных организаций не только связывали их между собой, но были и коммерчески для них выгодны. В результате этих закупок и их назревшей необходимости выростали закупочные бюро, райсоюзы и др. кооперативные об'единения.

Вторым обстоятельством, удешевляющим товар, является сокращение накладных. расходов. В общей сумме расходов в кооперации расходы по содержанию аппарата составляют 30—50%. На товар, получаемый низовой кооперативной организацией, делаются наложения в четырех—шести местах, начиная с фабрики, т. е. наложения на стоимость товара к фабричной расценке доходят до 60—100%, не считая расходов по перевозкам товара в передаточных инстанциях, со складов на станции и обратно.

Стремясь к удешевлению товаров, кооперация, прежде всего, ставит вопрос об упрощении своего аппарата, о ликвидации в х ненужных лишних звеньев, сократив этим те 10—20%, которые идут в пользу данного звена, на содержание его аппарата, налоги и пр. и 5—10% на расходы по аренде складочных помещений, расходы по перевозке со склада на ст. железной дороги и т. д.

В целях сокращения расходов лишние звенья в общей структуре должны быть ликвидированы. Такими звеньями являются окружные (фронтовые) военно-кооперативные управления.

При реорганизации, проведенной в июле—декабре 1922 г, предполагалось, что Окр. ВКУ смогут стать хозяйственными центрами, что они свяжут военную кооперацию с руководящими органами Военведа, что они организационно будут руководить работой кооперации. Хозяйственным центром, в работе которого периферия

была бы заинтересована, Окр. ВКУ могли стать только при том условии, что низовой аппарат не только дал бы нагрузку центру своими заявками, но продвинул бы к ним и свои средства, об'единяя которые Окр ВКУ смогли бы стать закупочными бюро для периферии, а, кроме того, они должны были и находиться в центрах, к которым экономически тяготела бы периферия.

Первое условие совершенно не было осуществлено Низовые организации, не имея и сами средств, не дали их и Окр. ВКУ, а последние, при отсутствии своих средств и имея требования периферии на товары, в своем стремлении быть ей полезными и сделаться центром, увлеклись «накоплением средств». Этот процесс в современных условиях должен был носить затяжной характер и вынуждал отступать от многих кооперативных принципов. Кроме того, и сам аппарат, при недостаточной умелости, разбухи, очень дорого стоил. Периферия товары получала, но рассматривала Окр. ВКУ, как богатого дядюшку, и по своим обязательствам не платила своевременно, этим вызвав повсюду соответствующий кризис, который многие Окр. ВКУ, наряду с их недостаточной торговой работой, привел к дефициту. По своему месторасположению Окр. ВКУ также не являлись центрами, за товарами ездить к ним было далеко, это удорожало товар для потребителя, помимо уже соответствующих наложений.

Таким образом, Окр. ВКУ не выполнили основной и наиболее трудной задачи—стать хозяйственным центром для низовых организаций и даже, наоборот, они здесь являются лишним звеном, лишней передаточной инстанцией. И совершенно правильно и своевременно командованием фронта разрешен вопрос об упрощении кооперативного аппарата. Мы имеем сейчас, после ликвидации Окр. ВКУ, простую структуру—Всеросс. ВКУ и ВПО (дивизии или губернии).

Для обслуживания ВПО—ВВКУ создает в Смоленске свой базисный склад-контору с организационным аппаратом и ограниченными задачами, сводящимися к: 1) Распределению получаемых от ВВКУ товаров по ВПО.

2) Быть контрагентом органов снабжения, принимая выполнение их поручений, привлекая к этому и низовые организации.

Основное условие хозяйственной связи с низовыми организациями на будущее время сводится к работе, прежде всего, только с теми из ВПО, которые имеют твердое обеспечение расчета по кредитам (обязательствам), и которые будут аккуратны в погашении своих обязательств. В этом отношении практика Окр. ВКУ убеждает быть наиболее жесткими и от такой политики отказываться невозможно. Установление отношений с периферией на этой платформе создаст нормальный кругооборот товаров и постоянное сбращение средств от центра к местам и обратно, т. е. даст нагрузку и низовому аппарату.

А. Андреев.

За Советской границей.

Численность европейских армий. —В „Милитер Вохенблатт" помещена таблица германского генерала Альтрока, содержащая в себе сведения о населении, силе армии и процентном отношении армии к населению в мирное время в государствах Европы. Для сравнения мы приводим одновременно английские сведения по этому вопросу.

№№ по порядку.	ГОСУДАРСТВА.	Англ. источника об армии.	Германский источник.			
			Армия.	Население.	Армия к населению.	
		Тысячи.		Миллионы.	%.	
1	Россия	—	1600*)	130, 0	1,23	*) Как известно, армия СССР имеет численность значительно меньшую, чем приводит ген. Альтрок.
2	Германия	100	100	60, 0	0,17	
3	Англия	—	341	47, 3	0,72	
4	Италия	300	225	39, 6	0,57	
5	Франция	809	860	39, 2	2,19	
6	Польша	600	350	29, 0	1,21	
7	Испания	190	155	20, 0	0,78	
8	Румыния	160	192	15, 4	1,25	
9	Сербия	200	176	11, 5	1,53	
10	Чехия	147	200	13, 6	1,47	
11	Венгрия	35	35	7, 8	0,45	
12	Бельгия	105	113	7, 6	1,49	
13	Голландия	21	30	6 8	0,44	
14	Австрия	30	30	6, 7	0,45	
15	Португалия	30	11	5, 9	0,19	
16	Швеция	56	75	5,81	1,29	
17	Греция	250	300	5,60	5,36	
18	Болгария	33	33	4,86	0,68	
19	Литва	—	25	4,80	0,52	
20	Швейцария	200	нет	3,89	—	
21	Финляндия	35	30	3,33	0,90	
22	Дания	15	26	3,27	0,80	
23	Норвегия	15	40	2,65	1,51	
24	Эстляндия	—	20	1,75	1,14	
25	Лифляндия	—	20	1,73	1,16	
26	Европ. Турция	—	—	1,25	—	
27	Проч. страны	—	—	1,57	—	

Бельгия.

Открытие школы воздушной обороны.

Для технической подготовки кадров для частей противовоздушной обороны, Министерством национальной обороны постановлено учредить школу воздушной обороны с земли. Школа будет создана при одном из тяжело-артиллерийских дивизионов.

Венгрия.

Распределение контингента 1923 г.

Контингент 1923 года, давший 118.000 человек, распределен следующим образом:

Армия: пехота—90500 чел.; кавалерия—3000 ч.

Флот—1750 чел.

Пограничная стража—10.000 чел.

Сельская жандармерия—13.000 ч.

Великобритания.

Общие курсы для офицеров армии, морского и воздушного флота.

Проводившаяся еще во время войны идея смычки между офицерами армии и морского и воздушного флота реально будет осуществлена в более широком масштабе, чем это предполагалось раньше. Офицеры армии, морского и воздушного флота будут проходить курс единой центральной военной школы, где основательно будут изучать общую для армии, флота и авиации тактику.

Сокращение числа частей морской пехоты.

По заявлению 1-го лорда адмиралтейства, сокращение числа частей морской пехоты сделает возможным уменьшить их на одну дивизию, с'экономив, таким образом, 50.000 фунтов стерлингов в год. Главная квартира линейной пехоты в Госпорте—ликвидируется; морская пехота и артиллерия в Портсмуте сводится в одну дивизию, с расположением в Истнии.

Офицеры и рядовые, оказавшиеся вследствие этой реорганизации за штатами, переводятся в дивизии, расположенные в Чатаме и Плимуте..

Каждая главная квартира будет придавать морскую пехоту лишь судам, принадлежащим к ее гавани.

Численный состав: артиллерии—2146 человек; линейной пехоты—6907 чел.

Типы блиндированных автомобилей.—В английской армии принято два типа блиндированных автомобилей: Рольсс—Ройс и Пирлесс. Главнейшие данные их таковы:

	Р.—Р.	П.
Вес без нагрузки	3.250 кг.	6.600 кг.
Длина	5,20 м.	6,10 м.
Ширина	2,15 м.	2,15 м.
Высота	2, 45м.	2,75 м.
Средняя скорость	32 кил. в час.	16 кил. в час.
Наибольшая „	80 „ „	40 „ „
Район действий (средн. грунт.)	480 кил.	146 кил.
„ „ (мягк. „)	280 „	88 „
Число пулеметов	1	2
„ прислуги	4	5

Броневые автороты входят в состав танкового корпуса и могут, в зависимости от обстановки, быть приданы тем или другим пехотным и кавалерийским частям. Таким образом, они отнюдь не являются постоянной составной частью пех. или кав. дивизий.

Германия.

Обучение строю офицеров всех родов войск.

Офицеры всех родов войск будут проходить курс пехотной школы 1-й ступени. Таким образом, все германские офицеры, независимо от основного их рода войск, в будущем получат строевую подготовку.

Ознакомившись с тактикой боя пехоты, они одновременно познакомятся и с нуждами пехоты. Благодаря этому об'единенные действия различных родов войск на театре военных действий будут значительно облегчены.

Сумма репарационных платежей к концу 1922 г.—Репарационная комиссия об'явила данные о выплате

Германией репарационных платежей к 31 декабрю 1922 г. Согласно этих данных, репарационная комиссия получила от Германии в общей сумме 8 миллиардов марок золотом, которые распределила между следующими государствами:

Франции	1.790.803.000
Бельгии	1.719.996.000
Англии	1.150.524.000
Италии	242.794.000
Сербии	150.685.000
Японии	67.978.000
Чехословакии	21.190 000
Польше	14.705 000
Греции	11.028.000
Румынии	10.144.000
Португалии	4.415.000

Индия.

Вооруженные силы.

Состав Вооруженные силы Индии страны, насчитывающей 320.000.000 жителей— состоят из двух различных элементов:

1) *Собственно регулярных вооруженных сил*, подчиненных главнокомандующему вооруженными силами Индии. Они состоят:

а) из регулярной армии, организованной по принципу регулярной армии, метрополии и состоящей из первоочередных войск (английские и туземные части), сведенных в бригады и дивизии и—резерва туземных войск;

б) вспомогательных войск, состоящих из англичан и евразийцев, армии не носящей постоянного характера и организованной по принципу территориальной армии метрополии,

в) туземной территориальной армии, еще несформированной,

г) и, наконец, из военной полиции и туземных батальонов, под командой английских офицеров.

2) *Вооруженных сил туземных государств*, части каковых составлены исключительно из туземцев и содержатся принцами и раджами.

Кредиты Находящиеся в Индии регулярные войска, как английские, так и туземные, содержатся Индийской Империей, если же они находятся за пределами Индии, то содержатся на средства Соединенного Королевства.

Военный бюджет Индии на 1922—23 г.г. составляет 67 крор (около 44.700.000 ф. ст.), т. е. 28% всего бюджета, он несколько ниже военного бюджета предыдущего года (71 крор, около 47.000.000 ф. ст. или 30% всего бюджета).

Вооруженные силы полу-независимых туземных государств содержатся на собственные средства принцами и раджами.

Органы высшего военного управления. Индийская армия прямо не подведомственна великобританскому военному министерству, она находится в ведении министерства по делам Индии, являющегося совершенно автономным министерством.

Главнокомандующий вооруженными силами Индии назначается по представлению вице-короля Индии (штаб главнокомандующего индийской армией организован по принципу военного министерства).

Для устранения неудобств в управлении, могущих возникнуть вследствие полной независимости руководящих органов армий метрополии и индийской, после войны были введены некоторые паллиативы: так, начальник военного отдела индийского департамента одновременно является помощником начальника генштаба британской армии, главнокомандующий же индийской армией имеет право сноситься непосредственно с начальником генштаба военного министерства. Это мероприятие, однако, не касается вооруженных сил туземных государств, каковые набираются, содержатся и находятся в полном распоряжении принцев. Тем не менее, они находятся под известным влиянием британского правительства, каковое оказывает оно через офицеров-инспекторов, командируемых из регулярной армии в качестве технических консультантов Эти офицеры зависят исключительно от генерального инспектора при вице-короле.

Комплектование. Рядовыми. Вооруженные силы Индии комплектуются рядовыми в таком же порядке, как и английская армия. Численный состав ее, как и английской армии, определяется ежегодно военным бюджетом.

Срок подписки обязательства служить в армии для туземцев колеблется между 3 и 18 годами; по истечении 18-ти летнего срока службы они получают пенсию.

Кадры туземных частей составляют английские и туземные офицеры. (Последние, вообще, получают только младшие чины).

Офицерами: Английские офицеры комплектуются окончившими Сандхерстское военное училище; такой же порядок комплектования установлен и для метрополии. Ежегодно для индийской армии отводится некоторое количество вакансий (около 60). Кроме того, каждый из офицеров армии метрополии, в возрасте не свыше 26 лет, имеет право ходатайствовать о переводе его в Индию.

Разрешается также обмен должностями в этих армиях для личных удобств тех или иных офицеров. Офицеры зачисляются сначала временно, на 4 года, если же они за это время удовлетворительно выдержат экзамены по языку и организации, то получают окончательное назначение. В индийской армии офицеры служат, в среднем, в течение 32 лет. Они получают специальные оклады и пенсии, более высокие, чем в армии метрополии. Ежегодно они пользуются 60-ти дневным отпуском и раз в три года—8-ми месячным.

До войны туземные офицеры комплектовались исключительно из рядовых, однако, ни один из них не получал чина выше капитана, при этом офицерские дипломы они получали не от короля („королевский диплом"), а от вице-короля („вице-королевский диплом").

После войны, в Сандхерсте оставляется известное количество вакансий (около 10 в год) для индийских юнкеров. Они кончают училище с „королевским дипломом", который дает им те же права, что и английским офицерам. Недавно в Индии, в Дехра-Дуне, принцем Уэльским была открыта подготовительная школа для поступления в Сандхерст.

Офицеры получают пенсию по истечении 18 лет действительной службы. Туземные офицеры, вышедшие в отставку после более продолжительной службы, могут получать титулы (Сердар'а, Сердар-Багур'а), которые дают им право на получение более высокой пенсии; титулы эти создают им известное положение на родине, а также дают право на занятие более высоких административных должностей. Кроме того, они могут бесплатно получать земельные концессии.

Военно-административное деление страны.

В смысле управления—территория Индии разделена на 4 большие области: северную, южную, восточную и западную плюс 1 независимый округ—Бирма.

Северная область делится на 4 округа и 7 зон; южная—на 4 округа и 7 зон; восточная—3 округа и 3 зоны; западная—3 округа и 2 зоны.

Округа в основе соответствуют 1 дивизии, зона—1 бригаде.

Областные командования возглавляют командующие, одновременно являющиеся командующими войсками, расположенными на территории данной области.

Организация высших штабов (областных командований), а также—штабов дивизий, аналогична организации британских районных и дивизионных штабов.

До сего времени каждый из батальонов самостоятельно вербовал и обучал солдат в определенном районе внутри зоны. Согласно новой организации, каковая должна войти в силу в ближайшем будущем, батальоны каждой зоны составляют „группу" (3—4—5 батальонов), из коих один—запасный. Назначение запасных батальонов—набирать, обмундировывать, снаряжать и обучать рекрутов всего района, а после обучения—комплектовать ими действующие батальоны. Запасные батальоны будут также ведать и резервистами, принимая их во время призыва. При мобилизации каждый запасный батальон развертывается в запасную часть „группы".

„Группа" будет ведать только вопросами комплектования, организации и администрации. Она, до некоторой степени, соответствует английскому

„полку“ Батальоны одной группы, находясь совместно, могут принадлежать к различным бригадам, т. к. бригада, подобно английской, является маневренной и боевой единицей—соединением, непосредственно высшим батальона.

Крупные соединения.

Регулярные войска: а) регулярная армия—действующая армия. Британские части (около 45 батальонов, 30 эскадронов, 60 батарей, 6 или 7 эскадрилий, несколько танковых частей, всего 60—65.000 чел., которые, будучи сведены с индийскими частями в бригады и дивизии, составляют около 130 батальонов, 40 эскадр., 20 горных батарей,—всего 160.000 человек. Дивизия состоит из 3 бригад; бригада, подобно английской, состоит из 4 батальонов, из коих 1 английский и 3 индийских.

Туземный резерв насчитывает около 12.000 человек.

б) Вспомогательные войска (временные, состоящие из английских и европейских добровольцев) насчитывают от 30.000 до 35.000 человек. Численность их постепенно увеличивается. В 1920 г. они были реорганизованы на тех же основах, что и английская территориальная армия. (Этичасти сформированы из довоенных добровольческих частей).

В настоящее время вспомогательные войска состоят приблизительно из 20 пехотных баталионов, 10 кав. полков, нескольких батарей тяжелой артиллерии и инженерных рот. Остальные части находятся в периоде формирования (тяжелая артиллерия, пулеметные части, обозные войска, войска связи). Подобно английской территориальной армии, вспомогательные войска будут нести ту же службу, что и части регулярной армии, а потому им постепенно будут придаваться части тех же родов войск и служб.

Еще с 1920 г. британское правительство приступило к формированию туземной территориальной армии (аналогичной территориальной армии метрополии), предназначенной на усиление регулярной армии для обороны индийской территории. (Эти войска, подобно территориальным войскам метрополии, для поддержания внутреннего порядка не применяются).

Ввиду того, что организация этих войск требует особенно тщательной продуманности и разработки, временно утверждены небольшие штаты.

Территориальная туземная армия будет состоять исключительно из индусов. В помощь индусским офицерам будет придано несколько английских офицеров. Комплектование этой армии будет производиться по тем же принципам, что и комплектование английской территориальной армии, т. е. добровольной вербовкой, причем солдаты будут вербоваться из рабочих и средних классов, офицерский же состав, в основе, будет комплектоваться индусами с университетским образованием.

Таким образом, в будущем, когда возможно будет комплектовать весь офицерский состав индусами, каждый баталион территориальной армии получит из индусской регулярной армии одного командира батальона и четырех ротных командиров.

Вооруженные силы туземных государств. Вооруженные силы туземных государств составляют полевые части (15.000 до 20.000 человек), в разных государствах различной организации, и гвардейские или парадные войска, около 100.000 человек.

Вооружение. Материальная часть туземных частей регулярной армии постепенно увеличивается и совершенствуется (материальная часть английских войск такая же, как и в метрополии)

Туземная артиллерия. Туземная артиллерия состоит исключительно из горных батарей.

Туземные батальоны имеют такое же количество пулеметов, как и английские (пулеметный взвод—8 пулеметов).

Сформировано 6 броневых автомобильных рот.

Проэктируется формирование танковых и авиационных частей.

Участие индийской армии в империалистической войне. К началу военных действий индийская армия

насчитывала 239 561 чел.; во время войны состав ее был увеличен на 1.281.789 чел (из них 757 747 бойцов);

Всего было сформировано 17 дивизий, из коих 2 были отправлены во Францию. В период с октября 1914 года по декабрь м ц 1915 г 8 дивизий сражались в Египте и Мессопотамии, остальные оставались в Индии.

За время великой войны индийская армия потеряла до 25.000 убитыми и 60 000 ранеными.

Ирландия.

Численный состав армии.— Во время бурных прений в ирландском парламенте по поводу внутреннего положения, правительственный представитель по военным делам заявил, что ирландская армия, составлявшая в начале текущего года 50.000 чел., в данное время сокращена до 49.000, к концу же этого года численный состав ее будет сокращен до 30.000.

Италия.

Реорганизация комплектования и устройства армии.

Комплектование. Срок службы—18 месяцев. Бюджетом состав армии определяется приблизительно в 300000 человек, до какового состава она будет доведена постепенно, поскольку это позволят финансовые средства.

Организация. Подготовка национальной обороны и высшее военное управление вверены Смешанному Верховному Совету Обороны.

Попрежнему существуют 10 территориальных корпусных округов, кроме того образовано еще 30 дивизионных территориальных округов.

При организации соединений различных родов войск принимается во внимание не только людской материал, но также и технические средства, а равно—возможность применения их в ближайшем будущем в Италии (пулеметы, малые пехотные орудия).

Альпийские дивизии упразднены: они реорганизованы в группы, составленные из альпийцев и горной артиллерии.

12 берсальерских полков сохранены. Из 6 из них будут сформированы самокатные части, которые войдут в состав крупных соединений, остальные 6 полков образуют кадры ударных частей.

Дивизионных соединений пехоты более не существует, что касается бригадных соединений пехоты, то последние сохранены.

Число пехотных полков оставлено без изменений (102). Сохранено также и прежнее число гренадерских полков (2).

Проэктируется формирование танковой единицы.

Кавалерия будет сведена в постоянные соединения, аналогичные пехотным, т. е.—в бригады. Это придаст ей значительную тактическую мощь, путем же придачи ей других родов оружия, будет возможно быстро создать более крупные легкие, подвижные соединения. Кавалерия будет состоять из 3-х бригад, по 4 полка в каждой.

В организации артиллерии проэктируются незначительные изменения.

Конная артиллерия будет доведена до одного полка.

Зенитная артиллерия состоит из 10 артиллерийских зенитных групп; кроме того, имеется одна артиллерийская зенитная школа.

В целях достижения более тесной связи с другими родами войск, инженерные войска сведены в корпусные инженерные группы. В эти группы входят все специальные инженерные части.

Транспортные средства (конной и автомобильной тяги) образуют корпусные транспортные соединения.

Учреждена военно-химич. служба.

Необходимо также отметить, что офицерский состав увеличен с 14.595 до 16.272 и что предстоящий военный бюджет определяется в $2^1/_2$ миллиарда лир.

Реорганизация органов высшего военного управления.

Декретом учрежден Временный Военный Совет, в составе: генерал-ин-

спектора армии—в качестве председателя; члены совета: четыре генерала, предназначенные на посты командующих армиями, три полных генерала или три корпусных генерала и начальник Генерального Штаба.

Совет созывается, по мере надобности, военным министром или генерал-инспектором армии. Совет высказывает свое мнение по всем вопросам, касающимся армии и национальной обороны.

С момента об'явления мобилизации или войны орган этот упраздняется.

Вопросами организации обороны страны и подготовки армии к войне, в мирное время, ведает генерал-инспектор. Он является техническим консультантом (советником) военного министра.

Командующие армиями в мирное время производят изыскания в области организации обороны вверенной им территории, а также ведают вопросами подготовки к войне войсковых частей их армий.

Начальник Генерального Штаба следит за работой командующих армиями, равно содействует проведению в жизнь тех и других принятых ими решений. С момента об'явления войны начальник Генерального Штаба оставляет министерство и переходит в распоряжение верховного командования, при военном же министерстве он оставляет органы, необходимые для работы Главного Штаба.

Другим декретом учреждается высшая смешанная комиссия государственной обороны, состоящая из членов исполнительного комитета совещательных органов и нескольких секретарей.

Заслуживает внимания тот факт, что новой организацией армии предусмотрено 10 корпусов и 30 дивизий (во время великой войны Италией было мобилизовано 65 дивизий).

Китай.

Народонаселение. Количество народонаселения Китая определяется в 427.000.000 чел. (плотность населения в разных областях различна), принадлежащих почти к 60 различным народностям.

Пространство Китая — 6.883.868 кв. км.

Китай разделяется на:

Собственно Китай (18 провинций),
Манджурию (3 провинции),
Монголию,
Тибет,
Китайский Туркестан.

Государственный строй—с 1912 г. введен республиканский.

По конституции в Китае существуют следующие законодательные органы: президент, вице-президент, сенат с 264 членами, палата депутатов с 596 членами.

Президент назначает председателя Совета министров, который в состав формируемого им кабинета приглашает 6 министров.

Каждая провинция имеет своего губернатора; кроме того, две—три провинции об'единены под управлением вице-короля.

В виду обширности китайской территории и плохих средств сообщения, провинции имеют полную автономию; ими управляют военные губернаторы, которым даны широкие полномочия.

Бюджет. Китайский доллар, примерно, равен 1/2 американского доллара.

Последний бюджет, о котором имеются сведения, это — бюджет 1920 г. Согласно этому бюджету:

Доходы (обыкновенные и чрезвычайные) составляли—490 419.786 долларов.

Расходы—495.762.886, из них:
а) по военному министерству—138.783.309 долл.
б) по морскому министерству—78.828.677 долл.

В действительности же, большую часть этих сумм составляют местные доходы—расходы провинций, помимо пекинского административного центра. Последний черпает средства почти исключительно из доходов, поступающих от таможенных пошлин и налогов на соль, сумма которых в 1920 г. равнялась:

Таможен. пошлины—10 000.000 ф. ст.
Налоги . . —15.800.000 „ „

Вооруженные силы. Высшие соеди-

нения. Политическая децентрализация повела за собой военную децентрализацию и рост областных армий туккумов, предел увеличения которых определяется только возможностью снабжать их оружием и содержать.

Войсковыми единицами являются:

а) *пех. дивизия:*
- 12 баталионов пехоты при 24-х пулеметах;
- 1 кав. полк;
- 9 батарей 6-ти орудийного состава;
- 1 инженерный батальон,
- 1 обозный батальон,

б) *смешанная бригада:*
- 6 бат. пехоты при 12 пулемет.;
- ½ полка кавалерии;
- 3 батареи;
- 1 инж. батальон;
- 1 обозн. батальон.

в) *отдельные полки или батальоны,* личная охрана (гвардия) туккумов, таможенные отряды, отряды для охраны соляных промыслов, всевозможные иррегулярные части.

В 1920 г. в Китае насчитывалось около:

47 дивизий и
58 смешанных бригад.

В 1922 г. войска разделились на 4 группы, явившиеся следствием внутренних неурядиц:

1) под предводительством вице-короля Мандчжурии Цанг-Це-Лин'а около 202,000 чел.,
2) армии его противников Ца-Кум'а и У-Пеи-Фу около 430.000 чел.,
3) провинциальные войска, фактически независимые, около 541.000 чел.,
4) войска южного правительства (кантона) около 336.000 чел.

Всего около 1.529.000 чел.

Высшее командование. В настоящее время военные министр и начальник генштаба выполняют те же функции, что и центральное пекинское правительство.

Офицеры генштаба, преимущественно окончившие пекинское военное училище, назначаются и производятся туккумами.

Такой же порядок применен и по отношению к строевым офицерам, подготовлявшимся, по обыкновению, офицерской школой в Пао-Тинг-Фу, в каковую они поступали после окончания подготовительной школы в Цинг-Ха. Обе эти школы с сентября 1919 г. закрыты.

Обучение. Оффициальных обязательных уставов не имеется, но в различных высших войсковых соединениях издаются многочисленные инструкции, при составлении коих за основу берутся японские, французские и германские уставы, в зависимости от происхождения и военной подготовки авторов.

Опыт почти непрерывной гражданской войны в достаточной степени ознакомил войска и их кадры с элементарной тактикой боя.

Вооружение. На вооружении пехоты—немецкие винтовки Маузера образца 1888 г., японские винтовки и карабины образца—1889 г., винтовки образцов иностранных армий, приобретенные для различных провинциальных армий. Револьверы, в большинстве случаев, германские—парабеллум.

Пулеметы: Максима и Гочкиса.

Артиллерия. Орудия различных систем—Круппа, Шнейдера, японские полевые и горные 75 и 80 м/м.; 120 м/м. легкие гаубицы, в большинстве случаев—системы Круппа.

Авиация. Французские аппараты пекинской авиационной школы, во время беспорядков, частью были разбросаны, частью—уничтожены. Авиашкола более не функционирует. В 1921 г. английская фирма Виккерс'а предоставила кредиты, а также аппараты, однако, это мероприятие не дало практических результатов.

Арсеналы: Орудия и пулеметы выделываются в 7 арсеналах, так—один из них выпускает 120 м/м. гаубицы, три другие—легкие орудия и три—выделывают пулеметы Гочкиса. Помимо этого арсеналами выделываются винтовки и патроны.

Различные туккумы присваивают себе оружие, выделываемое в арсеналах, находящихся на их территории.

Производительность китайских арсеналов недостаточно высока, в силу чего запасы вооружения частью пополняются контрабандным путем.

Польша.

Политическое состояние армии.— На заседании военной комиссии в сейме дебатировался вопрос о настроениях в армии. Поводом дебатов послужили сведения прессы о 18 офицерах, якобы выразивших полную солидарность с точкой зрения редактора газеты „Польска Збройна“ майора Квятковского и требовавших для себя такого же наказания, какому подвергся майор Квятковский за помещение статьи под заглавием: „Армия без вождя“.

Во время дебатов подполк. Льедзинский подчеркнул, что ген. Осинский, наложивший 14 дневный арест на Квятковского, не принял во внимание моральных факторов, имевших здесь место. В армии царит сильное возбуждение, вызванное уходом Пилсудского; естественно, что оно отразилось и в печати.

Депутат Костялковский указал, что временно прикрытая бездна между быв. легионерами (сторонниками Пилсудского) и чинами быв. оккупационных армий снова открыта и угрожает армии серьезными последствиями.

Насколько сильно влияние сторонников Пилсудского в армии, видно из того, что из одной группы Домбского, насчитывающей 14 депутатов, в дебатах участвовало 4 человека.

Испытание нового танка. — В конце мая м-ца, во время открытия моста через реку Горынь в Горабакове на Волыни, состоялось испытание нового танка, построенного Червинским, преподавателем одного из средне-учебных заведений в Ровно. Особенности нового танка следующие:

1) отсутствие передаточной цепи,

2) возможность передвижения не только по суше, но и по воде и

3) возможность употребления колес от простых автомобилей, после сравнительно небольшой их переделки.

Норвегия.

Усиление военно-морского флота.— Правительством утверждена программа усиления военно-морского флота. В течение 5 летнего строительного периода предположено отстроить: 6 канонерок по 1600 тонн водоизмещения, 6 больших и 8 малых подводных лодок и 30 миноносок. Общий состав военно-морского флота должен увеличиться в ближайшем будущем до 141 судна.

Соединенные Штаты.

Состав и средства пех. дивизии.

Повоенные штаты определяют следующий состав и средства американской пех. дивизии (мирного времени).

1. Личный состав — 4 генерала, 550 офицеров и 10385 солдат.

2. Животные — 2620 лошадей и 2490 мулов

3. Орудия и пулеметы—22 пушки 37 м/м.; 24 мортиры 3 дм.; 48 пушек 75 м/м.; 110 обыкновенных пулеметов; 35 противоаэропланных пулеметов; 26 легких пулеметов; 26 синхронических пулеметов,—всего 94 орудия и 197 пулеметов.

4. Другие технические средства— 24 танка; 13 аэропланов; 43 легких автомобиля; 129 мотоциклов и 104 велосипеда.

5. Ручное оружие—4128 винтовок; 424 автоматических ружья; 288 ружей с гранатометами и 6324 пистолета.

6. Колесный обоз—1262 различных повозок; 37 буксиров; 10 санитар. повозок с конной тягой и столько же—с автомобильной тягой.

В военное время дивизия содержит около 20000 чел.

Снаряжение пехотинца.

Технический отдел пехоты представил директору пехоты доклад о испытаниях, произведенных в лагере Веннинг, по поручению военного министра. Результатами испытаний установлено, что пехотинец не в состоянии носить полного снаряжения, если некоторые предметы из него не будут из‘яты.

Морские дессантные части, до некоторой степени, разрешили этот вопрос для своих операций, путем применения ручной тележки Коля. Однако, тележка эта не может сопровождать линейную пехоту на пересеченной местности.

Статистика населения

Согласно народной переписи в Польше, закончившейся в сентябре м-це 1921 г.,

	Гор. Львов.	
	В цифрах.	В %.
Мужчин	99.268	45,24
Женщин	120.123	54,76
Вероисповедания:		
Католиков	111.742	50,93
Православных	27.242	12,42
Лютеран	2.713	1,24
Прочих христиан	642	0,29
Иудеев	76.783	34,99
Прочих нехристиан	82	0,04
Неизвестных	187	0,09
Национальность:		
Поляков	136.506	62,22
Русин	19.846	9,05
Немцев	1.624	0,74
Евреев	60.417	27,54
Прочих	937	0,42
Неизвестных	61	0,03
Итого	219.391	100%

*) Rrecz. pospolita № 154. Редакция надеется пополнить эти сведения цифрами

Приложение.

Восточной Галиции. *)

население Восточной Галиции, без армии, представляется в таком виде:

Львовское воеводство.		Станиславское воеводство.		Тарнопольское воеводство.		ИТОГО.
В цифрах.	В %.	В цифрах.	В %.	В цифрах.	В %.	
1.195.362	47,24	640.565	47,59	683.009	47,79	—
1.302.847	52,16	705.342	52,41	746.076	52,21	—
1.152.518	46,13	195.280	14,51	447.275	31,30	—
1.094.364	43,81	993.733	73,83	845.125	59,14	—
9.863	0,40	10.327	0,77	2.961	0,20	—
2.822	0,11	867	0,06	1.049	0,07	—
236.250	9,46	144.967	10,77	131.327	9,19	—
92	0,00	157	0,01	229	0,02	—
2.300	0,09	666	0,05	1.119	0,08	—
1.401.313	56,10	298.870	22,20	642.488	44,96	—
952.547	38,13	937.713	69,67	710.536	49,72	—
10.734	0,43	16.255	1,21	3.400	0,24	—
129.461	5,18	91.825	6,82	69.957	4,89	—
1.723	0,07	650	0,05	1.105	0,08	—
2.431	0,09	684	0,05	1.599	0,11	—
2.498.209	100%	1.345.999	100%	1.429.085	100%	5.482.684

классового состава края.

Солдат вооруженный автоматическим ружьем (1—на звено) отягчен грузом приблизительно в 42 кг. В пулеметных и бомбометных взводах имеется прислуга, которая носит временами груз минимум в 50 кг. Средний вес снаряжения пехотинца в настоящее время равен 34 кг. Даже летом, т. е. в период, когда носят бумажное обмундирование, вес снаряжения все-таки слишком тяжел и, по мнению многих компетентных военных лиц, его необходимо было бы облегчить. Военное министерство неоднократно уже пыталось уменьшить нагрузку пехотинца; оно хотело оставить ему только необходимые предметы, однако, до настоящего времени старания его увенчались успехом.

Директор пехоты ждет по этому вопросу всякого рода предположений, будь то от офицеров действительной службы или резерва.

Реорганизация артиллерии.

Проэктируется придать легкой артиллерии 240 м/м гаубицы. Пока таковыми снабжено одно отделение 5-го полка. Имеются сведения, что обслуживание, заряжание и баллистические данные дали удовлетворительные результаты. Первая учебная стрельба производилась на дистанцию в 10,9 км. Предположено произвести пробную стрельбу на более отдаленные дистанции. Наблюдение — наземное и воздушное. Для перевозки орудие разбирается на четыре части: лафет, люлька, платформа и ствол, причем каждая часть возится на 5-ти тонном тракторе. Самой тяжелой частью является платформа — весом около 8 тонн, самой легкой ствол—весом в 7 тонн При движении групп по дорогам тракторы развивают значительную скорость. Для подготовки орудия к бою требуется 4 часа, считая с момента прибытия на место трактора с платформой, которая возится в голове. Дальность боя орудия—14,9 км. Гаубица вращается в горизонтальной плоскости на 10° в ту и другую стороны. При первом испытании одна батарея была установлена на песчаном грунте, другая — на глинистом. Первая оказалась менее устойчивой. Вес снаряда 156,5 кг. Начальная скорость 5 снарядов с различными зарядами: 192 м., 283 м., 359 м., 437 м. и 518 м. Боевые припасы подвозятся к батарее по железной дороге или на грузовиках, к орудию же подаются на вагонетках (людской силой), поставленных на 0,60 м. рельсовый путь. Прицельные приборы, приборы для наводки и т. д. те-же, что и у 155 м/м гаубицы.

В основу новейшей организации американской артиллерии положены следующие принципы.

1) Ни одно соединение не должно содержать более артиллерии (органически приданной), чем это необходимо для поддержания своей пехоты при нормальной обороне (в европейских условиях); иначе говоря, соединение должно обладать таким количеством артиллерии, которое необходимо только для „поддержания фронта“.

При выполнении соединением наступательного задания или оказании сопротивления предусмотренной неприятельской атаке, его артиллерийские средства должны быть усилены соответствующим образом. Усиление это—легкими и тяжелыми орудиями—должно происходить за счет арт. резерва, находящегося в распоряжении главкома.

2) Ни одно соединение переходного значения, напр., армия или армейский корпус, не должно располагать своей собственной артиллерией.

3) Во избежание потери могущества, вытекающего из чрезмерной перегруженности командования, артиллерия не должна быть органической частью слишком слабого соединения.

Таким образом, американская организация состоит в принципе сохранения главных сил артиллерии в распоряжении главкома, не иметь корпусной и армейской артиллерии, а дивизии снабжать лишь небольшим количеством артиллерии.

Расчет количества артиллерии, необходимой в дивизии, американцы подтверждают следующими соображениями:

Для прикрытия фронта протяжением в 20 ярд (около 26 шагов) достаточно одно 75 м/м. орудие или 4,5 дм. гаубица, т. е. на среднее протяжение фронта атакующей дивизии, равное 3.000 ярдов (около $2^1/_4$ версты) необходимо 150 полевых орудий для поддержания операций дивизии.

Можно полагать, что при обороне, когда неприятельская атака не кажется неизбежной, дивизия может держать фронт в 11 тысяч ярдов (около 9 верст) и что одно полевое орудие может „наблюдать" фронт протяжением в 150 ярдов (около 190 шагов), т. е. это значит, что дивизия должна при этом иметь около 72 орудий или 6 нормальных арт. групп (по 12 орудий каждая).

Снабжение артиллерией выражается в следующем:

В 1914 г. американск. армия располагала 6 орудиями на 1000 челов. пехоты; в 1918 году—7,7 орудиями и в настоящее время она имеет 8 орудий на 1000 чел пехоты.

Указанные принципы артиллерии были применены еще Наполеоном I и, по мнению американских военных кругов, достаточно подтвердились в последнюю мировую войну на запфронте.

Турция.

Армия в 1914—19 г.г. В 1914 г. турецкая армия, насчитывающая до 200.000 человек, состояла из 13-ти корпусов (по 2—3 дивизии в корпусе)—всего 38 дивизий.

Из поименованных 13-ти корпусов, 3 находилось в Европейской Турции и 10—в Азиатской.

При мобилизации, 3 августа 1914 г., 38 действующих дивизий были доведены до состава военного времени Резервные дивизии не формировались.

Во время великой войны число дивизий было доведено до 52-х, затем число их постепенно уменьшилось. К концу войны (к моменту заключения перемирия в Мудроссе 30 октября 1918 г.) имелось всего лишь 28 дивизий, 5 из коих находились в Европе и 23 в Азии.

Заключенное перемирие обязывало турок немедленно демобилизовать свою армию, сократить ее до состава, необходимого для охраны границ и поддержания порядка внутри страны. Численный состав этих частей и их расположение должны были быть определены союзниками, по соглашению с турецким правительством. Союзники оставили также за собою право распоряжаться военными материалами

Между английским командованием и константинопольским правительством достигнуто было соглашение, по которому турецкое правительство обязалось держать не более 20 дивизий, общей численностью не свыше 35.000 человек. Численный состав дивизий, первоначально был определен в 1500 человек, однако, впоследствии—он был доведен до 2020 человек (3 пехотных полка по 3 баталиона в каждом и 1 артил. дивизион 4-х батарейного состава).

На дивизию разрешено было иметь по 12-ть пулеметов и по 8 полевых или горных орудий; кроме того, на всю армию разрешено было иметь 96 орудий среднего и крупного калибров. Остальной военный материал, в частности—затворы винтовок и орудийные, пулеметные замки должны были быть сданы в склады или арсеналы—в распоряжение союзников.

Из вышеприведенных 20 дивизий, составляющих 9-ть корпусов, 16 находилось в Азии (6 корпусов).

В мае 1919 г., в период, когда в Адалию и Скаля - Нуова прибыли итальянцы, а греки высадили в Смирне десант, демобилизация турецкой армии не была еще вполне закончена, в частности—в Азии и восточных вилайэтах. К тому времени турецкая армия насчитывала до 65.000 человек.

Турецкое командование стремилось, по возможности, сохранить сильные кадры вообще, а в специальных частях, как пулеметные, артиллерийские и саперные—достаточный численный состав, с тем, чтобы, в случае необходимости, возможно было легко и быстро произвести вторичную мобилизацию. Кроме того, если в Европейской Турции разоружение было произ-

ведено почти строго согласно заключенному договору, то совершенно иначе обстояло в Малой Азии, где английское командование, представлявшее интересы Антанты, не располагало в этих обширных областях достаточными силами, для того, чтобы успешно контролировать многочисленные склады оружия и боеприпасов. Так, некоторые соединения, как, например, XV-й корпус (Эрзерум) сохранили даже всю свою артиллерию.

С уходом английских и итальянских войск из центральных областей Анатолии к Босфору и Адалии, имевшим место в начале 1920 года, когда им угрожало народное движение, все эти склады остались в руках турок; одновременно с этим в полное их распоряжение перешла и Багдадская железнодорожная линия.

Формирование армий турецких националистов.

Оккупация Константинополя и проливов союзническими войсками, высадка итальянских войск в районе Адалии (2 апреля—10 мая 1922 г.), последовавшая незадолго за этим высадка греческих войск в Смирне (15 мая) и, наконец, смена английских оккупационных войск в Сирии-Киликии—французскими (ноябрь—декабрь 1919 г.), в результате чего англичане остались в Мессопотамии — все это указывало на близящийся раздел Турции, что и подтвердилось опубликованными впоследствии (в мае 1920 г.) условиями мира.

Народное движение имело целью противостоять разделу Турции и первоначально носило чисто военный характер. Руководителем и вдохновителем этого движения был Мустафа-Кемаль-Паша.

Во время войны он командовал турецким корпусом, действовавшим у Дарданелл, затем—армией.

В августе 1919 г. турецкое правительство выдвинуло его на пост генерального инспектора восточных армий (восточные вилайэты).

Первым распоряжением Мустафа-Кемаль-паши, после высадки греков в Смирне, было прекращение демобилизации в этих вилайэтах и об'явление частичной мобилизации.

Во время конгресса националистов в Эрзеруме (в июле) и в Сивое (в сентябре 1919 г.), по его инициативе решено было создать армию народной обороны, имеющей целью парализовать этот поход.

Независимая от регулярной, армия эта должна была быть создана путем призыва под ружье волонтеров, которые, однако, должны были носить форму турецких регулярных войск.

В действительности же между армией народной обороны и регулярной, целиком присоединившейся к народному движению, существенной разницы не было.

Тем не менее, на первых порах, для видимости, перед державами согласия соблюдены были некоторые предосторожности, так что в истории формирования народной армии можно усмотреть три последовавших одна за другой фазы:

I-я фаза.

Первоначально, с мая 1919 года до начала 1920 года, на местах формировались иррегулярные и, якобы, независимые друг от друга отряды, задачей коих была вооруженная борьба с греками в районе Смирны, а затем с французскими войсками в Сирии и Киликии. Части регулярной оттоманской армии в этой борьбе первоначально не принимали никакого участия и охраняли только внутренние области, Кавказ и Курдистан.

II-я фаза.

Затем, в 1920 г. эти отряды постепенно были реорганизованы в части армии народной обороны, причем регулярная армия доставляла им необходимые для этого кадры.

III-я фаза.

Наконец, в 1921 г. было решено расформировать эти отряды, влив их в регулярную армию; таким образом, осталась только армия националистов.

Для постепенного формирования и содержания этой армии, националистами приложены были невероятные усилия, заслуживающие особого внимания.

Степень напряжения, в которой протекала эта работа, усматривается из нижеприведенной таблицы:

Дата.	Численный состав.	Число дивизий.
В мае 1919 г. (высадка греков в Смирне).	60.000 — регулярные войска.	16.
В январе 1920 г.	110000 (вместе с иррегулярными частями)	16.
В июле 1920 г. (в период первого наступления греков).	80.000 (вместе с иррегулярными частями)	16.
В январе 1921 года (второе наступление греков).	120.000 (вместе с существовавшими еще иррегулярными частями).	18.
В конце марта (третье наступление греков), июль 1921 г. (четвертое наступление греков—бои под Кутайей и Сакарией).	110.000.	22. 28 пехотных и 5 кавалерийских дивизий.
В январе 1922 г.	150.000.	31 пехотная и 7 кавалерийских дивизий.
В июле 1922 года и конце августа (турецкое наступление).	200.000.	

Помимо запасов вооружения, снаряжения, продовольствия и т. п., имевшихся внутри страны, турецкие националисты получали их еще и из заграницы. С момента же восстановления свободной торговли (в 1921 г.) националисты получили полную возможность приобретать необходимые им военные материалы в западноевропейских государствах.

Нац. армия в наст. время состоит из следующих крупных войсковых соединений:

4 армий.

9 корпусов (или дивизионных групп) 25 пехотных дивизий,

6 резервных „ и

6 кавалерийск. „

Дислокация.

1) *Западный фронт*: (бывший греко-турецкий фронт; в настоящее время район у проливов и Эгейского моря—армейская группа генерала Исмет-паши (временно командует генерал Кьязим-паша), состоящая из 1 и 2-й армии и отдельных соединений:

а) *1-я армия* в составе 3-х корпусов и 1 кав. дивизии, в настоящее время армия эта расположена близь Босфора, в районе Исмида и Бруссы.

б) *2-я армия* в составе 2-х корпусов, расположена между Дарданеллами и железнодорожной линией Смирна-Падерма;

в) *соединения группы армии*: V-й корпус, состоящий из одной кавалерии и 1-й корпус—оба в районе Смирны.

В состав указанных шести корпусов входят 22 дивизии.

Корпус состоит из 3—4 дивизий.

Численный состав армий Запфронта—около 100.000 человек.

2) *На средних границах Анатолии*, фронтом к французской Сирии и английской Мессопотамии: 3-я или южная армия ген. Джеват-паши, состоящая из частей бывшего VIII корпуса, кадров дивизий и иррегулярных частей. Численный ее состав—5000—6000 человек.

3) *На кавказской границе*: 4-я или кавказская армия, состоящая из частей бывшего XV-го корпуса, т. е. из одной регулярной пехотной дивизии, одной кавалерийской дивизии и двух резервных дивизий.

4) *На Черноморском побережьи*: береговое командование—одна регулярная пехотная дивизия и одна резервная дивизия.

5) *В Киликии*: командование территориальными войсками и две резервные дивизии.

6) *Внутри Анатолии*: несколько отдельных пехотных полков, запасные части, одна резервная дивизия и другие части.

В районе Смирны формируется новый корпус, пополняемый очередными наборами в Западной Анатолии, на территории, очищенной греками.

Вооруженные силы, находящиеся в распоряжении турецких националистов, составляют около 200.000 человек.

Организация.

Националистическая армия сохранила тройственную систему, принятую турецкой армией при организации ее в 1910—1911 г. г. Нормально

корпус состоит из 3-х дивизий, дивизия—из 3-х полков по 3 б-на в каждом, батальон из 3-х рот, рота—3 взвода.

Состав пехотной дивизии (3000—4000 человек):

3 пехотных полка (по 3 б-на в каждом) и 1 штурмовой б-н.

1 артиллер. полк смешанного типа, в большинстве случаев состоит из одного смешанного дивизиона 4-х батарейного состава (2 лег. батареи конной тяги и 2 горные батареи на мулах) и, зачастую, из нескольких тяжелых 105 м/м. мортир.

1 саперная рота.

1 отряд войск связи и

1 кав. эскадрон, в составе 3 взводов.

Состав кав. дивизии:

От 3 до 6 полков с приданными ей несколькими орудиями.

Корпусное соединение: (на корпус)— 1 кав. полк, несколько батарей тяжелой артиллерии (105 и 150 м/м.), 1 саперный батальон 3 ротного состава и транспортные части.

Армейское соединение:

Несколько батальонов и полков независимой артиллерии (полевая, горная и тяжелая).

Несколько частей противовоздушной обороны (зенитных) и

2 авиационные роты.

Чехословакия.

Военный бюджет.

Бюджет национальной обороны на 1923 год.

Из общего бюджета, определяющегося в 19 миллиардов чехословацких крон, предназначено: на национальную оборону 2.775.137.132 кроны; обыкновенные расходы—1.759.623.883 и на чрезвычайн. расходы —1.018.513.243 крон.

Бюджет 1923 года приблизительно на 400 миллионов ниже бюджета 1922 года, ввиду того, что военные власти надеются достигнуть экономии, благодаря расширению прав на казенные закупки.

Усилены средства на авиацию и боеприпасы; кредиты же на заказы для артиллерии сокращены.

Парламент принял этот законопроэкт полностью.

Обучение и подготовка.

Число вакансий в военной академии в Хранице увеличено с 291 (1921—1922 уч. г.) до 446 (1922—1923 уч. год). Офицеры всех родов войск, перед поступлением в специальную военную школу, получают в академии предварительную военную подготовку.

Из 446 вакансий—415 предоставляется молодым людям, получившим среднее образование и выдержавшим экзамен на аттестат зрелости или соответствующий ему и 31—для удостоенных унтер-офицеров. В академию было принято 300 кандидатов; из них 289 ч. гражданского звания и 11 удостоенных унтер-офицеров.

Высшие информационные курсы для генералов и высшего комсостава.

Цель курсов:—дать возможность генералам, а также лицам высшего командного состава проверить и расширить об'ем их военных знаний; ознакомить их с развитием военной техники, указав на влияние ее на организацию, вооружение и подготовку войск, ознакомить их с методами обучения, применительно к новым уставам. Руководителем высших информационных курсов для генералов и высшего комсостава является начальник генерального штаба.

Курсы предположено открыть 29 января 1924 года. Занятия на них будут производиться в два периода:

Первый период шесть недель (с 29 января по 10-е марта 1924 г.)—теоретические занятия. В программу занятий этого периода входит несколько бесед и тактических работ на карте под руководством преподавательского состава Пражской военной школы и нескольких офицеров Генерального штаба.

Второй период—две недели (с 11 по 22 марта 1924 г.)—практические занятия. В программу занятий входит несколько кратких практических курсов в прикладных школах, а именно:

В центральной пехотной школе в Миловице (с 12 по 14 марта):

В центральной авиационной школе в Мебе (с 16 по 17 марта):

В центральной телеграфной школе в Кутно-Гора (19-е марта) и

В центральной кавалерийской школе в Годонине (с 21-го по 22-е марта).

Кроме того, в летний период времени с офицерами будут произведены 2-х—3-х дневные занятия в огнеметной школе.

В текущем году на информационные курсы командировано 5 генералов, 3 полковника и 2 подполковника.

Подготовка офицеров резерва.

Для офицеров резерва Пражского гарнизона образована школа, имеющая целью поддержание связи с армией офицерами резерва вне периода учебных сборов. В течение последнего триместра 1922 г. школа дала хорошие результаты. Запись на курсы производится по желанию. Ввиду записи большого количества офицеров резерва, при школе был открыт ряд курсов, а именно: *пехотные* с тремя отделениями на 874 слушателя; *кавалерийские* с тремя отделениями на 300 слушателей; *инженерные* с тремя отделениями на 46 слушателей; *санитарные* с тремя отделениями на 86 слушателей; *административные* с тремя отделениями на 134 слушателя; *обозные* с тремя отделениями на 25 слушателей.

Всего записалось 1437 слушателей.

Что касается офицеров резерва авиации, телеграфной, автомобильной и строительной служб, то, ввиду небольшого количества записавшихся (в среднем по 15 человек от каждой службы), специальные для них курсы не открывались, однако, было решено устроить для них в течение февраля м-ца специальные собеседования (3—4 собеседования), каковые имели быть проведены специалистами из министерства национальной обороны.

Программа курсов:

1) собеседования на военные темы;

2) тактические упражнения в помещении;

3) тактические упражнения на местности;

4) упражнения при участии войсковых частей в поле: (показные занятия применительно к новым уставам);

5) экскурсии в военные учреждения.

Продолжительность курсов—5 месяцев; кроме того, еженедельно—одно собеседование ($1^1/_2$ часа) и одно упражнение на карте или, в благоприятную погоду—в поле.

Посещаемость курсов:—75% записавшихся офицеров регулярно посещают курсы.

Достигнутые результаты выдвинули вопрос об открытии в 1923 г. аналогичных школ и в некоторых других крупных центрах страны.

Швейцария.

Органы высшего военного управления.

Высшими органами военного управления Швейцарии являются:

а) федеральный военный департамент, соответствующий военному министерству;

б) генеральный штаб.

Это единственные в Швейцарии постоянные военные органы.

Федеральному военному департаменту, возглавляемому начальником департамента, подчинены 14 административных служб, а именно:

1) Служба Генерального Штаба,
2) „ пехоты,
3) „ кавалерии и ремонта,
4) „ артиллерии.
5) „ инженерных войск,
6) „ фортификационная.
7) „ здравоохранения,
8) „ ветеринарная,
9) центральный военный комиссариат (центральный орган управления и контроля).
10) военно-техническая служба (вопросы закупки и усовершенствования военного снаряжения и снабжение),
11) интендантство военного снаряжения (надзор над хранением, содержанием и распределением военного снаряжения федеральными арсеналами).
12) топографическая служба,
13) ремонтное управление, (закупка, обучение и предоставление лошадей офицерскому составу) и
14) интендантство взрывчатых веществ.

Генеральный Штаб, возглавляемый начальником Генерального штаба, в составе 60—80 кадровых офицеров, состоит из 7 секций.

Генеральный штаб ведает вопросами мобилизации, подготовки к войне и вопросами национальной обороны.

Кроме того, он ведает комплектованием, подготовкой, назначением и перемещением офицеров генерального штаба, офицеров крупных соединений и высших штабов, вопросами подготовки к войне железных дорог и этапной службы, территориальных служб, полевой почтово-телеграфной службы,

Военные законоположения.

Законоположения эти изданы до 1914 г.:

1) Устав о всеобщей воинской повинности от 12 апреля 1907 г.

2) Распоряжение от 16 октября 1911 г. о организации армии (окончательно проведено в жизнь в 1912 году).

Разрабатывается проект реорганизации армии.

Штаты мирного времени.

Кроме 2500 человек постоянного инструкторского состава, кадров швейцарская армия не имеет. Она комплектуется швейцарскими гражданами

Таким образом, швейцарская армия определенных штатов на мирное время не имеет. Когда конфедерации нужны войсковые части, она призывает под ружье необходимое количество их— это характерная черта организации швейцарской армии. Части, сформированные для обучения, равно как и части, составленные для прохождения в них действительной службы—временные.

Срок военной службы.

Каждый швейцарский гражданин считается военнообязанным с 20 до 48 летнего возраста. 12 лет он числится в перволинейных войсках, 8 лет—в территориальных и 8 лет—в ополчении.

а) Перволинейные войска.

На службе в перволинейных войсках, как уже упоминалось выше, швейцарский гражданин числится в течении 12 лет (в кавалерии—10). В течении этого времени он фактически проходит службу в следующем порядке:

1) школу рекрутов с 21 г. жизни: в пехоте—65 дней, в кавалерии—90 дней, в артиллерии—75 дней;

2) ежегодно 7 или 8 очередных учебных сборов (дополнительное обучение): в пехоте—7 сборов по 11 дней, в кавалерии—8 по 11 дней, и в артиллерии 7 по 14 дней.

б) Территориальные войска.

На службе в территориальных войсках каждый швейцарец числится 8 лет, (в кавалерии 10 лет), проходя ее в следующем порядке:

1) 11 поверочных сборов,

2) ежегодно 7 однодневных смотров вооружения,

в) в ополчении—8 лет.

В последнем случае фактически служба ограничивается ежегодно 8-ю однодневными смотрами оружия. Кроме того—все имеющие винтовки ежегодно обязаны являться в указанные места для прохождения обязательного курса стрельбы в стрелковых об-вах.

Организация армии.

Организация швейцарской армии, как таковая, существует только на бумаге, т. к. в мирное время армия фактически не существует. Имеется милиционная армия, формируемая, в целом, в момент об'явления мобилизации.

Генеральный штаб—в Берне.

Корпуса. Корпусных соединений не существует, предусмотрены только группы дивизий, для управления коими созданы три штаба корпуса.

Дивизии.—6 дивизий по 3 бригады в каждой; бригада—двухполкового состава.

По числу пехотных дивизий вся территория Швейцарии разделена на дивизионные округа.

Крепостные войска: 6 крепостных рот в Сен-Готарде и одна рота в С.-Морис.

Самокатные части: 8 самокатных рот.

Армейская кавалерия. 8 кавалерийских полков, сведенных в 4 кавалерийские бригады (драгуны).

Дивизионная конница. 12 эскадронов дивизионной конницы, по 2 эскадрона на пехотную дивизию.

Легкая артиллерия. 12 легко-артиллерийских полков, сведенных в 6 артиллерийских бригад (по одной бригаде на пехотную дивизию) и 6 дивизионов 105 м/м мортир (по одному дивизиону на пехотную дивизию).

Тяжелая артиллерия. 4 дивизиона по 2 батареи в каждом (армейская артиллерия)

Инженерные войска. 6 инженерных баталионов, по 4 роты в каждом и 3 понтонных баталиона.

Войска связи. 8 телеграфных рот.

Авио-войска. 5 воздухоплавательных рот, входящих в состав инженерных войск и одна авиационная группа, в составе 5 эскадр.

Штабы высших соединений.

Штаб корпуса. Корпусом командует полковник. Имеется только 3 штаба корпуса, каждый в составе 5 офицеров-инструкторов, причисленных к генеральному штабу в Берне.

Штаб пехотной дивизии. Пехотной дивизией командует полковник—дивизии.

Состав: штаб, одна стрелковая рота (пешие стрелки), три пехотные бригады по два полка в каждой, полк 3-х батальонного состава; одна рота самокатчиков, один пулеметный дивизион—в составе 3-х пулеметных рот; один дивизион дивизионной конницы—в составе 2-х эскадронов; одна артиллерийская бригада 2-х полкового состава, полк в составе 2-х дивизионов по три 4-х орудийные батареи в дивизионе, один мортирный дивизион в составе двух 4-х орудийных батарей; один инженерный батальон 4-х ротного состава и одна понтонная колонна.

Низшие соединения.

Пехотный полк. Полком командует полковник. Полк состоит из 3-х батальонов, батальон состоит из 3-х стрелковых и 1 пулеметной роты.

Кавалерийский полк. Полком командует подполковник. Полк в составе 3-х линейных и 1 пулеметного эскадрона.

Артиллерийский полк. Полком командует подполковник. Полк состоит из 2-х дивизионов, дивизион состоит из 3-х батарей, по 4 орудия в каждой.

Вооружение.

Пехота: 7 м/м. винтовками образца 1911 года и пулеметами „Максима“.

Кавалерия: винтовками (со штыком) образца 1911 г. (притороченными к седлу) и саблями.

Артиллерия: легкими 75 м/м. орудиями „Круппа“, горными 75 м/м. и 105 и 120 м/м. орудиями.

Заказано 48 легких и 84 дальнобойных орудия (дальность боя последних—13—14 километров).

Снаряжение.

а) *Обмундирование:* в швейцарской армии обмундирование серо-зеленого цвета (feldgrau); каска (в военное время)—она представляет собою среднее между французской и германской касками. Армия имеет одинаковое обмундирование. Рода войск отличаются цветом выпушек: так, генеральный штаб имеет черные выпушки, пехота—зеленые, артиллерия—красные, кавалерия—желтые.

Мобилизация.

Мобилизация является переходом армии с мирного на военное положение. Как упоминалось уже выше, швейцарская армия в мирное время фактически не существует: она призывается под знамена сразу же с момента об‘явления мобилизации, путем призыва под ружье граждан перволинейных войск, территориальных войск и ополчения.

Таким образом, мобилизованные силы федерации первоначально состоят из: а) перволинейных частей, б) территориальных частей и в) ополченских частей.

Полевые войска и гарнизоны укреплений С. Готарда и С. Мориса состоят из перволинейных и территориальных частей.

Численный состав всей армии—225.000 человек.

Службу тылов оперативного района и на остальной территории страны несут территориальные и ополченские части.

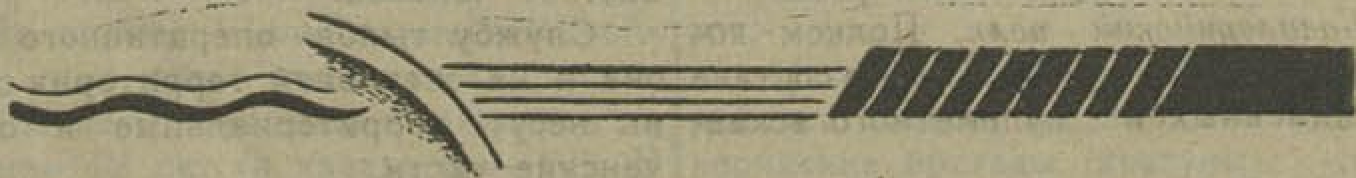
При мобилизации каждый швейцарец самостоятельно одевает форму, снаряжение, вооружается и отправляется на указанный ему в мирное время сборный пункт.

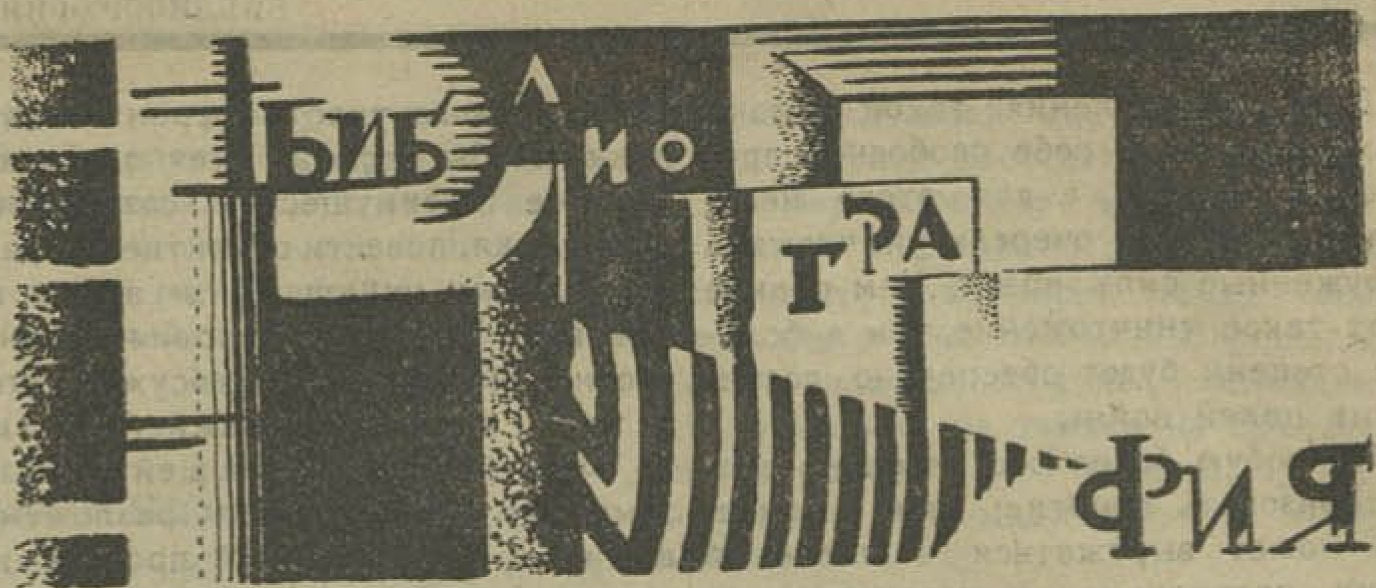
При мобилизации численность вооруженных сил Швейцарии может быть доведена до 320.000 человек.

Вооруженные силы Швейцарии составляют: 3 корпуса—6 дивизий и 4 кавалерийские бригады.

Югославия.

Усиление армии.—В военном министерстве идут подготовительные работы по усилению армии. Исходя из международного политического положения, военный министр сделал доклад в Скупщине о необходимости создания в Югославии сильной национальной армии, с продлением срока военной службы до 18 м-цев для всех родов оружия.

Война клопов.

Нет русского человека, который бы не вел войны с клопами. А людям военным, воюющим по профессии, эти войны особенно знакомы.

Надо сознаться, что это один из самых трудных видов войны. Усталый, измученный вояка ложится после трудного перехода в постель, надеясь на сладкий долгожданный отдых и вдруг... он становится об'ектом партизанских действий клоповского населения постели. Он начинает отбиваться, давит одного клопа за другим, но ничто не помогает. Он встает, производит разведку, уничтожает всех найденных клопов и опять ложится. Но лишь только хочет заснуть, как чувствует, что клопы вновь начали свои поиски. Эта картина продолжается всю ночь. На утро вояка встает разбитый, измученный, раздражительный, неспособный к новым напряжениям и испытаниям. Он проклинает клопов и размышляет о том, что не одной пулей можно вывести человека из строя.

Повидимому уютные, гостеприимные села бесконечных пространств Сибири заставили не на шутку призадуматься над этими вопросами некоторых членов 1-го Всесибирского с'езда командного и политического состава.

Наш уважаемый тов. Петин в своем докладе „Маневр, как основной стимул стратегии и тактики", говоря о задачах войны, доложил следующее:

„... я позволю себе, прежде всего, остановиться на выявлении основной задачи войны, а, следовательно, и стратегии.

Задача войны — разгром противника, но каким путем. Не путем поголовной резни, бойни, а путем *психологического воздействия* *) на массу, внушения ей мысли о бесплодности и бесцельности дальнейшего сопротивления и необходимости покориться воле противника.

Достигнуть этого, в рамках стратегии и тактики, скорее всего можно маневром, который производит ошеломляющее, всесокрушающее впечатление своими молниеносными ударами, если последние наносятся неожиданно в наиболее *уязвимые* *) пункты неприятельского расположения".

Кое-кто из членов с'езда позволил себе усомниться в этом психиатрическом методе ведения операций, выразил это в не совсем удачной форме и был зло высмеян.

Вопрос этот сам по себе чрезвычайно важен, ибо он определяет методы оперативного воспитания армии. Будем ли мы кусать противника, боясь пролить его кровь во имя человечности и стремиться только к его разложению или же мы будем встречать армию противника в целях ее уничтожения.

Прежде всего коснусь целей войны.

Разгром противника не является этой целью. Он будет только средством. Целью войны бывают те или другие экономические и политические приобретения для одной и борьбы против таковых приобретений—для другой стороны. Обыкновенно приобретения эти выражаются в захвате территории или же во введении на данной территории особых законов, обеспечивающих политические и экономические интересы победившего государства.

---

*) Курсив мой М. Т.

Для осуществления такой задачи надо обеспечить себе свободное применение насилия, а для этого необходимо в первую очередь уничтожить вооруженные силы врага. Чем полнее будет такое уничтожение, тем в большей степени будет обеспечено достижение целей войны.

Попробую более обстоятельно охарактеризовать понятие: уничтожение. Оно может выражаться в пленении армии противника, в поголовном ее истреблении и в комбинации того и другого.

Уничтожить армию путем разложения, как правило, задача невозможная, ибо это разложение зависит главным образом от социального состояния вражеской страны. Вместе с тем, с разложением остатков армии противника, как следствием уничтожения основной, решающей ее части, не только надо считаться, но необходимо и культивировать его.

Из всех видов уничтожения армии врага самым выгодным является пленение, т. к. оно не только непосредственно служит целям войны, но и оказывает громадную помощь жизни экономического тыла, где работа военно-пленных является вопросом чрезвычайной важности. Можно с уверенностью сказать, что Германия не смогла бы существовать четырех лет (1914—1918) в окружении, если бы в ее распоряжении не было миллионов военно-пленных.

Как же после всего этого можно бросить такой легкомысленный лозунг, как отказ от уничтожения армии врага!

Замечу только еще, что очень редко удается уничтожить неприятельскую армию одним ударом. Чаще всего это достигается рядом уничтожающих операций.

Попробуем теперь разобраться, что такое представляют собой идеи малокровной войны тов. П е т и н а, т. е. идеи быстрых, коротких ударов, долженствующих стать агитаторами по разложению противника.

Эти удары не являются, при данной системе, развитием принципа частной победы. Этот принцип предполагает разгром, уничтожение какого-либо важного участка фронта противника, чтобы отсюда, имея в своих руках все преимущества создавшегося положения, повести развитие операции *по полному уничтожению* армии противника. Без этого условия принцип частной победы был бы досужей затеей. А тов. П е т и н это важнейшее звено по развитию уничтожающей операции заменяет воображаемым разложением армии врага. Хороший противник от частного удара не разложится, а сманеврует и наложит по первое число своему великодушному агитатору.

Откуда же эти идеи у т. П е т и н а?

Это идеи малой партизанской войны, но войны не малокровной, а жестокой и кровавой. Эту войну ведет все население, образно говоря—ее ведет вся территория. Армия противника, которая на нее вступила, оказывается в окружении, в самом неприятном расчлененном окружении противником, невидимым, ловким и жестоким. Отдельными ударами, нападениями он подтачивает материальные силы армии, заставляет ее разбрасываться по своим коммуникациям и тем еще более ухудшает ее положение. Постепенно армия тает, и растет необходимость прекращения оккупации.

Для регулярной армии это одно из очень трудных положений.

Но остаются ли эти идеи малой войны, войны с клопами, правильными для борьбы двух стоящих друг против друга организованных армий, надежно прикрывающих свои тылы.

Конечно, нет. Здесь отдельные укусы не разрушают системы всей материальной силы вражеской армии, а, стало быть, не будет и морального ее распада, ибо таковой является производной от материального состояния.

Эти идеи противоестественно перенесены на почву, где они должны погибнуть.

В лучшем случае--эти маневренные налеты будут деятельным бездельем.

Подход к операции, как к борьбе двух воль, как к воздействию на „психику толпы“ с той и с другой стороны—является вреднейшим военным идеализмом. Операция—это есть организация борьбы каждой из армий по уничтожению живой, материальной

силы другой. Не разрушение воображаемой, абстрактной „нервной системы“ армии должно быть оперативной целью, а уничтожение реального организма—войск и реальной нервной системы—армейской коммуникации.

М. Тухачевский.

„Военная Мысль и Революция“,

ежемесячный журнал. Книга вторая, стр. 344. Цена не указана. Тир. 2500. Москва.

Хотя и указано, что журнал ежемесячный, но за этот год вышла всего 2-я книга и нам, работникам мест, приходится полагать, что журнал выходит не ежемесячно. Разбираемая книга вторая представляет большой интерес и большую ценность по свежим мыслям и большому количеству вопросов, которые в ней затронуты. Основная черта этой книги—ключом бьющая пытливая мысль, в основе своей глубоко революционная, даже у тех авторов, которые по своим годам и по своему прошлому, казалось бы, далеки от революционности. Журнал читается запоем от доски до доски и, начав, не хочется отрываться.

Основной тон дает статья т. Троцкого, которая хорошо известна каждому военному работнику. Ее суть—призыв к плановому строительству и твердая уверенность в нашем грядущем успехе: „Вот почему мы с твердой уверенностью встречаем грядущий день. Армия состоит из человека и машины. Насчет машины *они* сильнее, но по части человека сильнее *мы*, а в конечном счете решает человек“.

Статья т. Антонова-Овсеенко кратко, но выпукло подводит итоги XII партс'езда, подробнее останавливаясь на национальной политике — этом „одном из самых основных вопросов стратегии мировой революции“. Как бы иллюстрацией к этим двум статьям служит статья т. Мих. Павловича „Нарушение международного политического равновесия и угроза новой войны“.

4 основных фактора толкают к новой войне капиталистический мир, говорит т. Павлович: „1) нарушение экономического равновесия, кризис капиталистической системы и возникающая отсюда обостренная экономическая борьба между всеми государствами, 2) нарушение политического и военного равновесия между государствами и балканизация Европы, 3) необычайное обострение национального движения не только на Востоке, но и в центре самой Европы, 4) необычайный рост милитаризма и маринизма“.

Все это заставляет сказать, что „ныне для мировой войны больше причин, чем накануне 1914 г.“. Сделав обзор положения в Африке, Ближнем и Дальнем Востоке, в Европе, автор говорит, что войны могут вспыхнуть между Францией и Англией, и между Америкой и Японией—и каждая грозит стать мировой. Автор кончает статью: „мировая война надвигается со стихийной силой и только энергия и революционное сознание народных масс, об'единенных под знаменем III Интернационала, может предотвратить новую страшную бойню между трудящимися массами всех стран, путем всеобщей гражданской войны и свержения буржуазии во всем мире“.

Интересна короткая заметка т. Каменева: „Случайность или закономерность“, подмечающая резкое отклонение операции от намеченного направления при производстве удара в глубину, для выхода в глубокий тыл противника. Приведя 4 примера операций, автор приходит к выводу, „что тут дело не в случайности, а скорее в известной закономерности боевой действительности, при которой осуществлять глубокий удар можно лишь после достижения успеха на ближайших тылах противника“.

В статье „Канны“ проф. Топорков вскрывает всю призрачность той стратегии, которая вдохновляется известным произведением того же названия Шлиффена. „Канны Шлиффена—это идеальный канон, сверхвременный, неживой образ, странная смесь апокалиптики, мистики и метафизики военного дела“, „содержат конкретный рецепт, как достичь всесокрушающей победы, от которой зависят судьбы народов“... „с одной стороны, это высшая гениальность, с другой—очень

простое правило... „с одной стороны—здравый смысл и анализ, с другой—мистика и интуиция. Только у Эдгара По можно встретить нечто подобное“. Так определяет автор доктрину, с которой германская армия вступила в войну. Показывая, что немцам ни разу не удалось разыграть сражения с уничтожением живой силы противника, автор дает раз'яснения: „Бой—непосредственное обнаружение военной силы, не может более пониматься и оцениваться, как ценность самодовлеющая, он немыслим и фактически невозможен без существующей связи с целым. Фронт проходит не только перед неприятельскими линиями, не менее опасные и уязвимые места его расположения в самом глубоком тылу, на каждом участке производственной работы страны. Бой есть частное проявление воли к победе, которая имеет гораздо более обширное, значительное и решающее проявление и которая может быть сломлена не охватами и прорывами, а разложением и распадом, более роковым для армии и страны, чем мифические „канны“.

Как пример, проф. Топорков приводит Наполеона: „Наполеон имел решительный успех, когда воевал против правительств, и стал терпеть поражения, когда против него поднялись народы“.

Тов. Зайончковский в своей очень интересной и глубокой статье „Демократизация стратегии“ поднимает важный вопрос о необходимости обобщающего знания военного искусства для командиров всех степеней. Он говорит: „командный состав, воспитанный только в применении уставной нормы в тактике, буквы наставления в обучении и шаблоне, натаскивания в воспитании, не должен иметь места в войнах близкого будущего“. Он говорит о старой армии: „мы не представляли себе всех составных частей военной мощи страны и расходовали ее в первый период войны, как неразумные дети, сами подрубая сук, на котором сидели“. Он доказывает, что сейчас нет того командира, даже среди младшего комсостава, которому не приходилось бы решать задачи стратегические. „Не только операции, но и бои расширились в пространстве и во времени, полку в настоящее время приходится драться на таком пространстве, на котором раньше дрались дивизии, каждая часть теперь более чем прежде действует не самостоятельно, а в связи с большим целым, в обязанность каждого командира широкой волной вливается применение техники, использование политики, самосознания бойцов, не убивая которое, их нужно сделать дисциплинированными в полном об'еме,... даже ротный командир уже не командует, а управляет ротой... девятнадцатый и двадцатый век заставили предоставить всей массе командиров не только значительную самостоятельность, но и большую долю инициативы... в гражданской войне командирам приходилось быть строителями, воспитателями и командирами своих отрядов, пришлось вести операции, с той долей самостоятельности, которой раньше не встречалось. „Все это, как говорит автор, требует от командиров всех степеней: познаний тактики театра военных действий, а не только тактики поля сражения, с широким охватом всех элементов духовной и материальной жизни вооруженной силы, плоть от плоти народа со всей его политической идеологией“ и посему то необходима демократизация военного искусства.

В статье Свечина „Героизм или предательство“ раскрывается миф о героизме бельгийского правительства и ярко рисуется предательство, хитрость и коварство бельгийских властей, столь характерные для всякого буржуазного правительства.

Интересна статья „Белый Крым“ Ю. Гравицкого, написанная участником, б. начальником Марковской дивизии добровольческой армии. Рассказав о безобразиях и непорядках тыла, о положении белой армии, автор кончает: „С точки зрения военной, борьба за Крым поучительна тем, что самым наглядным образом доказала, что армия, сильная превосходством в технике, в искусстве ведения операций наиболее обученными начальниками, но лишенная идеи,

осуждена на поражение, и что на войне, а особенно гражданской, побеждает человек, с его нравственной энергией, одушевленной могучей идеей".

В статье „Роль французской и германской кавалерии в империалистическую войну" тов. А. Певнев подымает важный вопрос о роли кавалерии. „Та кажущаяся бездеятельность, в которой кавалерия как бы застыла в течение позиционной войны, позволила некоторым военным мыслителям подвергнуть сомнению самый вопрос об ее пользе". Приведя ряд операций, где конница действовала хорошо совместно с другими родами войск на различных театрах военных действий, автор дает выдержку из статьи генерала Вейгана, помещенной в „Revue de Cavalerie" в январе 1921 г.: „Приняв участие в позиционной войне, конница вынесла оттуда правильное представление о силе и употреблении огня, и в 1918 г. явилась уже со своим огнестрельным оружием и новыми приемами ведения боя, и кавалерия снова заняла свое почетное место на поле сражения. Она принесла туда, вместе с сохраненной ею подвижностью и быстротой лошадей, возросшее могущество своего огня. Автор совершенно правильно указывает: „успешная оперативная работа конницы возможна лишь тогда, когда конница в своей тактической деятельности проявит в полной мере самостоятельность в соответствии с современной обстановкой боя, для чего она должна вместе со своим основным свойством—подвижностью—иметь в своих руках „могущество огня", обеспечивающее ей победу".

Чрезвычайно оригинальна и глубоко интересна статья т. Строева „Роль авиации в вопросах тактики будущего". Написана она живо, полна новых интересных мыслей, полна ярких диалектических переходов и глубоко будоражит мысль читающего. Вот отдельные важные места: „Милиционная система .. свойственна авиации в большей степени, чем какому-либо другому виду вооруженной силы". „Авиация—техническое орудие социальной революции, вызванное к жизни нарастанием ее идей". „В будущем вся страна превращается даже не в театр военных действий, а в поле сражения". „Техника, увеличивая боевую мощь армии, действует в сторону сокращения количества выставляемых в поле войск" (в этом автор соглашается и ссылается на книгу т. Тухачевского „Война классов"). „Война будущего—маневренная война, я бы сказал— экстроманевренная". „Будущая война характеризуется расположением и движением небольшими частями". „Инициатива младших начальников найдет все более широкое применение, искусство, даже от низших исполнителей, требуется в большей степени, чем ремесло". Для нас автор приходит к таким выводам:

1) „Идеологическая подготовка масс своего и неприятельского населения.

2) Тактика масс с дифференциацией армии, с одной стороны, на техническую гвардию, менее многочисленную, чем регулярные войска противника, но зато не уступающую им ни на иоту в смысле снабжения, с другой же стороны,—на массу в собственном смысле слова, отчасти сформированную в полевые, этапные, гарнизонные и особые войска, отчасти же ведущую партизанские действия и агитационную борьбу в своей и неприятельской стране.

3) Особое развитие маневренных войск (конница), незначительно зависящих от слабого в нашей стране ж. д. подвоза и находящих на местах большую часть потребности (продовольствие, фураж, людской и конский состав, самоснабжение ручным оружием за счет противника).

4) Воспитание начальников и бойцов в духе инициативы и соответствующая этому требованию организация армии и, особенно, командных взаимоотношений, памятуя, что в современной войне даже богатые средства связи не позволят централизовать управление боем.

5) Срочная, но основательная научная работа над тактикою будущего, а затем смелая и глубокая ломка тактических форм и методов управления, применительно к ожидаемому

превосходству подавляющей техники противника".

Тов. Тризна в статье „В чем дело"? поднимает вопрос о неосновательности жалоб артиллерийских начальников на „незнание общевойсковыми начальниками основных свойств артиллерии, неуменье правильно поставить задачу для артиллерии, вмешательство в техническую сторону и постановку артиллерии невыполнимых требований". Он предлагает: „ввести обязательную периодическую стажировку артиллерийских начальников на пехотных командных должностях, эту стажировку приурочить к каждому повышению в должности, начиная с должности командира батареи. Столь же необходимо установить и обратную стажировку командиров пехоты в артиллерии, но здесь можно начинать с должности командира полка.

Тот же вопрос о связи артиллерии с пехотой ставит и В. Голубев в статье „Обязанности пехоты в отношении артиллерии". Статья очень интересна и поучительна.

Интересна статья И. Белинского „Крепость,—долговременно укрепленный лес". Автор предлагает вместо открытых крепостей создавать долговременно укрепленные леса, предлагая круговую форму обвода и „избранный для крепости район весь превратить в лесную площадь, посредством пересаживания деревьев из окрестных рощ и лесков для добавления их к существующим в крепостном районе". Прежние крепости требовали около 60 тысяч гарнизона и стоили около 70 миллионов рублей золотом. По идее автора „крепость—сад" потребует до 15 тысяч гарнизона и будет стоить 14 миллионов руб. зол. Автор приводит мнение проф. военной парижской академии и боевого генерала Гаскуена, что „особенностью грандиозного наступательного сражения немцев в 1918 г. являлось упорное сопротивление слабых линий, снабженных пулеметами, занимавших естественные капониры, скрытые от прямого наблюдения и уязвимые только орудиями навесной стрельбы. Эти естественные капониры, отлично выбранные и оборудованные, занятые несколькими пулеметами и минометами, были главным препятствием для движения дивизий союзников. Против подобных гнезд сопротивления пехота часто бывала бессильна и если бы они были возведены в систему, то она не могла бы их пройти. Дни и недели пехота союзников должна была останавливаться перед подобными хорошо организованными позициями, несмотря на то, что они занимались незначительными частями". И говорит: „Если тонкая линия открыто стоящих пулеметов, по свидетельству Гаскуена, одна, без серьезной поддержки, могла остановить атаку в течение дней и недель, то каким же тогда будет сопротивление целой системы могущественных пулеметных башен, безопасных от бомб, разбросанных в лесу с многочисленными преградами в виде решеток и проволочных сетей".

Интересно составлен отдел военной жизни С. С. С. Р., богато иллюстрированный. Не велик, но интересен отдел военной жизни за границей. Очень интересна статья Сапожникова „Создание новой германской армии". Очень полно представлен отдел библиографии, обнимающий 5 печатных листов, из них более 2-х листов посвящены иностранной военной печати и около трех—русской. Один недостаток: разбирая военные журналы, не заметил ни Харьковской „Армии и Революции", ни „Революции и Войны" Запфронта, зато есть „Печать и Революция" и „Красный Архив".

В общем, прочтя этот журнал, работники с мест могут сказать: „Мы имеем в центре хороший, интересный и глубоко будящий мысли военный журнал".

Принимая во внимание, что в магазинах он продается за 80 к. золотом, он доступен всякому и может проникнуть далеко в низы армии, благодаря своей дешевизне.

Н. К.

„Военный Вестник".

Военно-политический еженедельник с № 12 по № 20.

Пока мы собирались выпустить следующий № нашего ежемесячника,

редакция журнала „Военный Вестник“ успела выпустить 9 №№. Вероятно, больше, да только не сразу доходят до нас и не успевают попасть для рецензии. С каждым № журнал становится все интереснее, разностороннее и живее. Прекрасные и хорошо исполненные иллюстрации очень оживляют журнал. С № 17 заведен шахматный отдел, очень удачно помещена в № 19 партия Морфи.

Журнал настолько хорош, актуален, интересен, научен, причем не сух, а популярен, что удивляешься, почему так мал тираж —7500 экземпляров. Хотя рост заметен: до № 18 он имел тираж 7000, а начиная с № 19 стал 7500. Он дает такой интересный, важный, полезный материал, что должен быть на столе у каждого командира, начиная с отделькома. Нет ни одного вопроса, на который не откликнулся „В. В., или статьей, или иллюстрацией, или заметкой.

Увеличивается число авторов с мест. Поскольку позволяет место, даются корреспонденции из разных уголков нашего союза. Самое главное в журнале—это точность выхода в срок. Кажется, это первый наш военный журнал, который стал выходить в срок, печатается четко и изящно, и быстро прибывает на места. Все это говорит за то, что он непременно станет настольной книгой командира и проберется в красноармейскую массу, конечно, сначала в ту среду, которая лучше грамотна, а через них своими картинками может заинтересовать и остальных.

Каждому политруку важно иметь этот журнал, ибо он дает ему пищу, как для политических бесед, так и приобщит самого его к военному делу, сделает его доклады и беседы более интересными и содержательными, так как под руками будет иллюстрированный материал на всякую тему.

Западник.

„Армия и революция“.

Изд. В. Р. С. У. В д. Харьков 1923 № 5—6. Май—июнь. Тир. 3000. стр. 137.

В об'явлении от редакции сказано, что „по ряду технических условий журнал выходит в значительно уменьшенном размере“. И действительно, если считать журнал за двухмесячный, то он очень мал. Кроме того, вопреки своему обыкновению, он и бледнее, чем предыдущие №№.

Статья Ян Цируль „Психотехника и психология в военном деле“ представляет общие места и менее интересна, чем заметка на ту же тему в № 4. Очень хорошо, что в постскриптуме автор дает ряд книг по этому интересному вопросу.

В научно-популярном отделе ряд статей о пехоте и ее стрельбе, нового не вносящих, но ставящих вопрос конкретно и деловито, и все призывающие к практике и навыку.

Статья т. Лавецкого „Сопровождение пехоты артиллерией“ разбирает вопрос об орудии сопровождения и дает сведения из различных иностранных уставов. Автор приводит выводы французского артиллериста Шнейдера, выдвигающего 10 пунктов. Подводя итоги, автор полагает, что необходимы: 1) подвижность при всяких условиях местности, 2) скорострельность, 3) большая готовность к бою, наряду с малой заметностью и уязвимостью, 4) мощность снаряда. Сообщив затем об орудиях сопровождения в иностранных армиях, автор приходит к выводу, „что до настоящего времени вопрос об орудиях сопровождения в окончательной форме не разрешен“. 2 интересных статьи Шеметова и Линкуса из истории красной армии. В статье т. Шеметова довольно много дивизионного патриотизма, когда он пишет, что курсанты знаменитой петроградской бригады, архангельцы и сибиряки, которые „были закалены, выносливы, совершенно чужды влияния южной контр-революции“, влитые в количестве около 5—6 тысяч, не испортили духа дивизии, оставшейся в составе менее 1000. Пожалуй, они то и придали блеск и красоту действиям дивизии.

В статье т. Каратыгина „Газовая война“ приводятся сведения о средствах противогазовой защиты. Интересны указания об оборотной стороне медали, доказывающей, что буржуазия французская не только обставляла нас,

посылая дрянные материалы, но наживалась на своих защитниках. В № 15 „Journal d'une ambulance“ сообщается: „Все солдаты знают эти знаменитые очки,—в начале войны,—состоявшие из грязной полости моллетона (ткань) различного цвета, с двумя прорезанными дырками, которые кое-как прикрывались кусочками слюды или другого прозрачного вещества. Слюда (или заменявшее ее)—прикреплялась к ткани клеем, нитками, а часто—ничем. Когда солдат хотел одеть очки, то, обычно, стекла оказывались соответственно своему материалу, разбитыми, разорванными или раскисшими и почти всегда—мутными. Отсюда всякие ухищрения, сводившиеся в конце-концов к отправке очков на починочный пункт“

И далее т. Каратыгин пишет: „Дневник же госпиталя—в октябре 1915 г. отмечает ряд затруднений, недочетов и недоразумений; госпиталю, обращенному „приказом“ в противогазовый пункт, не отпускается необходимого материала; ухитрились раздобыть 20 метров кинематографической ленты, купили две старые швейные машины и принялись фабриковать „очки“ из старых брюк и ленты „бр. Пате“.

Между пунктом и полками установилась непрерывная связь: „пункт посылал свои изделия в полки, последние незамедлительно возвращали их обратно, как негодные“.

Интересны сведения о работе в этом направлении русских ученых: „Химическим комитетом при Г. А. У. (противогазовый отдел) была выпущена богатая литература, отвечающая на все вопросы газовой борьбы и если мы сильно отставали от наших „союзников“ в развитии промышленности, то в научных силах уступали не так уж много. Тот же знаменитый „ипприт“ был известен нашим химикам до первого его появления на поле боя. Способ получения „ипперита“, над которым долго бились Жоб и Бертран (нашедшие нужную формулу в ноябре 1917 г.), на несколько месяцев раньше был открыт проф. Култашевым (его сообщение воен.-химич. комитету в сентябре 1917 г.). То же мы можем отметить и в области противогазовой борьбы. В то время, как французы и англичане не ранее 1917 г. вышли на правильный путь—устройства респираторов с хим. поглощателем, русский профессор Н. Д. Зелинский еще летом 1915 г. открыл этот новый метод, предложив употреблять в качестве универсального сухого поглотителя—активированный древесный уголь. К этому же методу почти одновременно подошли и германцы.

Интересующиеся вопросами газовой войны найдут богатый и ценный материал в книжке „Химические основы газового и противогазового дела“ проф. Л. А. Чугаева. Изд. химического комитета при Г. А. У. в 1918 г.

Дальше идут отклики читателей (2 заметки) и информация о деятельности В. Н. О. Укр.

Интересна и поучительна заметка о „Доме Красной Армии“, который не превратился в „офицерское собрание“, и хотя полной спайки между красноармейцами и комсоставом не получилось еще, но она уже явственно чувствуется, и число посещающих красноармейцев все увеличивается. Сначала они приходили по коллективным билетам, а теперь индивидуальные посещения красноармейцами поднялись до 85% общего числа их посещений. В общем, журнал бледнее, чем обычно, но все же интересен, так как вопросы ставит практически и дает довольно подробный материал, знакомящий с работой военной мысли на Украине.

Н. К.

Техника и снабжение Красной Армии.

„Связь Красной Армии“.

С выделением службы связи во всех иностранных армиях в отдельную отрасль военного дела и с созданием у нас самостоятельного рода войск связи, возникла настоятельная необходимость в издании особого печатного органа, освещающего на своих страницах вопросы тактического и технического применения средств и сил связи в войсках. Таким органом явился в 1921 году журнал „Связь Красной Армии“, издававшийся Выс-

шим Военно-Техническим Советом Связи при УСКАРЕСП, который в 1922 году слился с журналом „Техника и Снабжение РККА“ и в настоящее время выходит отдельными выпусками ежемесячно. На протяжении своего трехлетнего существования журнал этот выявил физиономию достаточно серьезного издания, подходящего к разрешению разбираемых вопросов с научным методом исследования и, вместе с тем, доступного не только для широких кругов комсостава Войск Связи, но и вообще для всего комсостава Красной Армии, интересующегося тактикой и техникой службы связи и ее новейшими достижениями. Журнал редактируется тов. Халепским, причем участие в нем принимают члены Военно-Технического Совета Связи и наиболее активный комсостав с мест.

Не касаясь некоторых недочетов журнала за прошлые годы, следует однако признать большую заслугу его в деле оформления и конструирования начинающей развиваться у нас молодой научной мысли в области службы связи. В то время, как не только основные роды оружия, но и все вообще виды технических войск имеют богатый багаж научных исследований, накопляемый каждый в своей области десятками лет, молодое дело связи в войсках такого багажа не имеет, и в этом отношении творческая работа мысли должна была создавать и формулировать свои основные положения с начала, путем самостоятельного подхода к разбираемым вопросам, основываясь лишь на неразработанном, но богатом материале из опыта минувших войн.

Связь, как самостоятельный и важный фактор в военном деле, родилась и была осознана лишь в процессе империалистической войны, а у нас— в период войн гражданских, ввиду чего и не наблюдалось до того времени специальных периодических изданий и журналов, посвященных вопросам связи. Разбираемый нами журнал является первым пионером в этом отношении, и в настоящее время может быть признан единственным руководящим и компетентным специальным органом теоретической мысли в области связи.

К числу недочетов журнала следует отнести некоторое пристрастие, особенно в вопросах и изысканиях новых средств и методов связи, к иностранным источникам, которые преподносятся иногда без всякой обработки и в плохих переводах, что отражается на бедности оригинальных статей по затронутым темам. Библиография поставлена очень слабо, причем журнал совершенно не уделяет никакого внимания военной литературе по вопросам связи, появляющейся в других военных журналах, издаваемых как в Москве, так и на местах, при военных Округах.

Номер 4 журнала 1923 года. В статье тов. Халепского: „Из опыта прошлого“, на одном из боевых эпизодов 6-й армии Южного Фронта в 1920 году доказывается исключительная важность для успешного проведения операции наличия правильно организованных узлов связи и широко развитой в нужных направлениях сети связи, причем от направления телеграфных магистралей зависит и самое расположение штабов. Мысль безусловно правильная, но не всегда усваиваемая командованием. Статья „Связь в горной войне“, несмотря на свою краткость, ввиду неимения в русской литературе самостоятельных трудов на эту тему, представляет интерес. В статье звучит влияние иностранных источников, в виде особенностей устройства проволочных линий или упоминания таких средств связи, как телеграф через землю. Следует отметить статью т. Гинкина „Сигнализация инфра-красными лучами“, заслуживающую особого внимания, ввиду интереса затронутой темы о возможности применения на ближних дистанциях телеграфирования без проводов невидимыми лучами (инфра-красными), на дистанциях от 2-х до 5-ти и более километров. Статья Гинкина представляет из себя компиляцию с некоторыми погрешностями, как, например, утверждение, что густой туман, якобы, поглощает часть инфра-красных лучей, каковой взгляд в оптике существовал

со времени Тиндаля, но в настоящее время опровергнут новейшими опытами. Точно также видимый прием с флуоресценцией по системе Шарбанно возможен не путем инфра-красных лучей, а лучей ультра-фиолетовых. Невидимое телеграфирование на Западе применялось в последнюю войну, следовательно—данный вопрос уже не является теоретическим рассуждением и безусловно должен встретить с нашей стороны особенное внимание и интерес. Следует признать, что телеграфирование без проводов невидимыми лучами, как средство связи на ближних дистанциях, должно быть нами испытано практически, так как перспективы и опыт Запада дают на это достаточные основания и гарантию успеха. В небольшой статье Штрауса: „Собаки-посыльные", составленной по германскому журналу Fünfer, вопрос о связи на передовых линиях при помощи собак затрагивается, но не разрешается, дается лишь несколько фактических данных из германского журнала, без всякой попытки разработать, хотя бы в общих чертах, вопрос о применении для связи собак. Интересна статья Гусева: „Обучение войск связи", в которой, между прочим, проектируется создание у нас комсостава запаса, на подобие прапорщиков запаса старой армии. Статья профессора Коваленкова о многократном телефонировании, как слишком специальная и имеющая небольшое применение в военном деле, хотя и написанная очень интересно, по нашему мнению должна бы занять подобающее место не в военном журнале, а в журнале Ведомства НКПТ. Вторая специальная статья Новикова об одновременном телефонировании и телеграфировании—полезна для ознакомления комсостава войск связи, так как в армии одновременное телеграфирование и телефонирование по одному проводу применяется в боевой практике и безусловно необходимо. Заслуживает особого внимания статья Юрьева: „Световая телефония". Этот вид связи для русской армии является совершенно новым и очень жаль, что автор ограничивается передачей лишь кратких сведений немецкого журнала, ввиду чего статья очень схематична и неясна, особенно в описании прибора Канкина с решетками. Будем надеяться, что найдется автор, который возьмет на себя труд проработать на страницах журнала тему и дать более или менее удовлетворительные и полные ответы. Интересная статья Новикова о заземлениях может служить практической справкой для комсостава о громаднейшем значении в телеграфно-телефонном деле хорошо устроенной земли. Статья Юрьева о предохранении линий от подслушивания неприятелем служит теоретическим обоснованием мер, применяемых в военной практике против подслушивания. Статья загромождена формулами. Тов. Куксенко в статье: „Радиостанции в английской армии" знакомит с типами радиостанций английской армии, применяемыми в истекшую войну. Статья написана популярным языком и может быть рекомендована интересующимся данным вопросом. Т. Файвуш в своей статье: „Радиоразведка в маневренной войне" новых горизонтов не открывает и лишь повторяет известные истины. Библиография бедна.

М. П.

„Вестник Воздушного Флота".

В военном отделе обращает на себя внимание статья А. Лапчинского *„Основные свойства воздушного флота, как вывод из свойств воздушной стихии"*. Разбирая зависимость воздушного флота от воздушной стихии, автор приходит к заключению, что воздушный флот обладает по сравнению с другими элементами вооруженной силы сравнительно меньшей надежностью, меньшей срочностью и меньшей непрерывностью действия. Воздушная-же стихия, не имеющая укрытий, обусловливает и хорошую видимость воздушных судов с земли и моря, что создает трудность маскировки.

Автор статьи *„Авиация, как резерв старшего начальника"*, С. Покровский считает, что авиация должна работать вместе с войсками, но не

при войсках. Приведя несколько примеров из истории мировой войны и нашей гражданской, когда правильно примененная авиация определяла исход операции, автор настаивает на том, что оперативное применение авиации, как высоко подвижного резерва, должно находиться в руках старшего начальника. Для успешного действия воздушный резерв должен обладать достаточной силой. Затем, место расположения воздушного резерва должно быть хорошо выбрано, а управление и связь—правильно организованы. При выполнении этих условий—при стремлении к маневренности, к навязыванию своей воли противнику—авиация, сосредоточенная в руках старших начальников, является одним из наиболее мощных и действительных средств борьбы.

В статье А. Кожевникова „*Участие воздушной эскадрильи в июньском наступлении 16-й армии*" очень подробно очерчивается роль нашего воздушного флота в операциях 16-й армии во время русско-польской войны. За период этих операций нашей эскадрильей было совершено 633 боевых полета, продолжительностью в 767 час. 30 мин., сброшено было 80 пудов бомб и 17 пуд. 4 фун. литературы. Не ограничиваясь разведыванием, сбрасыванием бомб и литературы, авиация приняла активное участие в операциях, содействуя атаке нашей пехоты пулеметным огнем и бомбометанием. Кроме того, самолеты использовались как средства связи для доставки донесений.

Статья Н. Шабашева „*Морские воздушные корабли Германии в мировую войну 1914—1918 г.г.*" содержит описание деятельности морских цеппелинов на Северном и Балтийском морях: 1) при выполнении операций совместно с флотом, 2) при бомбометании, 3) разведке подводных лодок и минных заграждений, 4) при охране тральщиков, 5) при охране торговых судов, 6) при охране побережий и 7) при налетах на неприятельское побережье и на материк противника. Всего было построено немцами 73 морских дирижабля. Из них погибло 53 дирижабля, а именно: 23 было уничтожено противником, 13 погибло от ветра, 12 сгорело на заводе (эллинге), 1 погибло от удара молнии и 1 погиб от невыясненной причины. Кроме того, 12 дирижаблей не было использовано вследствие их конструктивных недостатков.

В техническом отделе помещена статья И. Виноградова „*Проблема металлического конструирования самолетов*", в которой проводится параллель между металлическими и деревянными конструкциями самолетов, причем выясняются преимущества применения металла: большая прочность, безопасность в пожарном отношении, предохранение пилота от ранений, большая продолжительность службы, простота обслуживания, меньшая стоимость эксплоатации. Далее в статье разбираются основные свойства материалов, применяемых при постройке металлических самолетов, как-то: стали, алюминия и его сплавы. Рассматриваются листовая сталь, алюминиевые руды, производство алюминия, свойства алюминия, сравнение с деревом, особенности обработки дуралюминия. После этого идут обзор основных конструкций и классификация металлических систем. Наконец, намечаются пути возрождения русской авиационной промышленности, причем делается вывод, что без алюминиевой промышленности прогресс русской авиации немыслим. Рекомендуется даже „авионизация" металлообрабатывающей промышленности.

В статье „*Автоматическое фотографирование с самолетов*" содержится описание предложенного инструктором военной школы красных летчиков-наблюдателей Н. К. Штирнбахом прибора, названного им „эрофоторегулятором". Прибор этот позволяет производить фотографирование самому летчику, дает возможность производить спуск затвора фотографического аппарата автоматическим путем с соблюдением условия равномерности перекрытия снимков. Попутно новый прибор может определять техническую и фактическую скорость самолета.

После мелких заметок об уравнительной бензиновой помпе „Сальфон",

вращающемся клапане, борьбе с воспламенением самолетов и запускании авиационных моторов при низких температурах и таблицы современных авиационных двигателей, следует отдел. „Воздушный спорт".

В отделе „Обзор мировой авиации и воздухоплавания" содержатся мелкие заметки о развитии воздушных сообщений в различных странах старого и нового светов, о сделанных усовершенствованиях летательных машин и т. п.

В отделе „Библиография" делается обзор русских и иностранных военных журналов, а также отдельных сочинений по военным вопросам.

Журнал, по теме, достаточно популярен и, как видно, широко освещает жизнь и задачи воздушного флота, держит в курсе новинок авиации и воздухоплавания и полезен не только специалистам, но и вообще широким кругам комсостава. Издается он прекрасно.

Г. Григоросуло.

„Гражданская война".

Материалы по истории Красной Армии. Т. I. В. В. Р. С. 1923 г. стр. 508.

К пятилетию существования Красной Армии военно-историческая комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войн выпустила свой первый сборник материалов по истории Красной Армии под названием „Гражданская война".

В этот сборник вошли исторические документы, охватывающие период строительства вооруженной силы Советской России от октября, приблизительно, до апреля 1918 г., т. е. „период, как говорит редакция, наименее освещенный в литературе".

При собирании документов военно-историческая комиссия пользовалась официальными органами наркомвоен и военной организации Ц.К. Р.С.Д.Р.П. (большевиков), газетами „Армия и Флот Рабочей и Крестьянской России", „Солдатская Правда", представляющими в настоящее время библиографическую редкость, а также материалами, представленными в распоряжение комиссии т. т. Подвойским и Иорданским.

Первою половину сборника (с 9 по 290 страницы) занимают разного рода материалы, как то: доклады, протоколы, приказы инструкции, наказы, телеграммы, циркуляры и т. д. Среди этих материалов имеются такие важные исторические документы, как „Устав рабочей красной гвардии, принятый на общегородской конференции рабочей гвардии 23 октября 1917 г.", „Декрет совета народных комиссаров об организации Красной армии 15 января 1918 года", „декрет совета народных комиссаров 8 апреля 1918 г. об учреждении комиссариатов по военным делам", „первые воззвания по привлечению в ряды Красной армии" и др.

Эта часть представляет собою сырой неразработанный материал и разделяется на три главы: 1) Красная гвардия, 2) Старая армия: а) Октябрь и старая армия, б) демократизация старой армии: и в) демобилизация старой армии и 3) Создание Красной армии а) вопросы организации, б) формирование Красной армии, в) командный состав и г) культурно-просветительная работа в Красной армии

Вторую половину сборника составляют три статьи: 1) Спильниченко: „Вооруженные силы октября", 2) С. Пугачевского — „За власть советов" (из дневника участника гражданской войны) и 3) Е. Ковтюх — „Походы Красной Таманской армии".

В статье „Вооруженные силы октября" т. Спильниченко дает очерк развития вооруженной силы советской России с момента создания военной организации партии большевиков, как зародышевой формы Красной гвардии и возникновения Красной гвардии, включая в этот очерк и вооруженную борьбу с контр-революционерами в Москве и Петрограде в октябре 1917 года.

Дневник С. Пугачевского описывает события с первого дня октябрьского переворота по май 1918 г. Сюда входят воспоминания об „октябрьских днях 1917 года в Москве", а также — „Поход на Новочеркасск".

В статье Е. Ковтюх дается краткий исторический очерк борьбы отдельной Красной Таманской армии, входившей в состав северо-кавказских войск и оперировавшей против южной контр-революции в 1918—1919 годах. Попутно т. Е. Ковтюх освещает период зарождения Советской власти в Кубанской области и обрисовывает ту обстановку, в которой происходила жизнь и борьба Таманской армии.

Теперь скажем несколько слов о недостатках сборника.

„Несмотря на пять лет существования Красной армии — говорится в „Предисловии“ к сборнику — приходится констатировать, что история истекшего периода ее борьбы до сего времени не написана, хотя к осуществлению этой задачи комиссия неоднократно приступала“.

„Несмотря на разработанную программу, привлечение молодых активных сил — участников гражданской войны — эти работы не подвинулись вперед“.

Нам кажется, что эта работа и не могла подвинуться вперед. Ведь для того, чтобы писать историю — надо прежде всего собрать материал, которым мог бы воспользоваться историк Красной армии.

Между тем, с этой стороны обстоит не все благополучно. Сама комиссия констатирует, что состояние архива Красной армии в высшей степени неудовлетворительное. „Дела Красной армии распылены по всей территории Республики, собранные же гибнут в сырых подвалах, неудобных помещениях, перебрасываются из одного помещения в другое“.

„Архив не имеет средств и штата сотрудников“.

„При таких условиях, — как правильно говорится в „Предисловии“, когда нет научной базы для работ, историю гражданской войны написать невозможно“.

„В виду этого комиссия поставила себе *ближайшей задачей* (курсив наш В. Я.) сбор и издание материалов к гражданской войне (воспоминания участников, отдельные очерки операций, истории частей и т. п.)“.

Нам кажется, что сбор и хранение материала и должно было составлять с самого начала работ комиссии ее главную и основную задачу. Но и тут также обстоит не все хорошо.

„Комиссия в очень короткий срок — говорится „От редактора“ — поставила задачу собрать все, что возможно, из документов к юбилею Красной армии“.

А разве возможно „в очень короткий срок“ собрать все, необходимое для историка. В результате такой скоропалительности мы и получили сборник, в котором предложены материалы, охватывающие период от октября до апреля 1918 г., т. е. всего за 5 месяцев.

Но ведь разве историк может писать историю помесячно или за такой короткий период, как 5 месяцев. Что может историк написать о культурно-просветительной работе в Красной армии, если в сборнике этому вопросу уделено только 10 страничек, причем помещена программа „Матросского университета“ в Гельсингфорсе и „Инструкция для организации культурно-просветительных учреждений в частях Красной армии агитационно-вербовочным отделам уездных и губернских военных комиссариатов“. И только.

Лучше было бы, если бы военно-историческая комиссия руководилась не только хронологическим принципом при группировке материала, и группировала материал по определенным вопросам, причем каждый сборник должен по каждому данному вопросу давать более или менее исчерпывающий материал.

В противном случае, сборники сослужат плохую службу историку, — последнему придется самому рыться в архивах, чтобы получить недостающий материал и прежде, чем написать историю Красной армии, он утонет в ее, распыленных по всей территории Республики, архивах.

Неполнота сборника и помещение, наряду с действительными ценными историческими документами, таких материалов, которые для историка не будут иметь никакой цены, умаляют значение первого сборника.

Нельзя не отметить также, что комиссия, обращаясь ко всем военным и политическим работникам Красной армии с призывом „Пишите летопись Красной армии» и посылайте материал“—нигде не указывает: куда именно присылать материал. Адрес комиссии не указан. Получается такое впечатление—как будто вся эта работа производится анонимно: нигде нет подписи ни членов комиссии, ни редактора, ни составителей сборника.

В. Яодкин.

В. Кряжин. Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке.

М. 1923 г. стр. 150.

Всероссийская научная ассоциация востоковедения при народном комиссариате по делам национальностей выпустила в свет под редакцией М. Павловича труд Кряжина „Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке (ч. I), в который вошли четыре монографии, посвященные Сирии и Палестине, Киликии, Месопотамии и Египту.

Следующая книга должна включить монографии, посвященные Анатолии, Курдистану, Аравии и арабским областям Северной Африки (Триполи, Алжир, Тунис, Марокко).

При составлении своего труда автору пришлось встретиться с большими затруднениями. С одной стороны, благодаря мировой войне почти прекратилось собирание статистических данных об этих странах, а с другой—свирепая цензура, установленная англичанами и французами, не дает возможности проникнуть не только в советскую, но и в западную прессу сведениям о тех событиях, главным образом, политических, которые происходят вот уже четыре года в Египте, Сирии и в других странах передней Азии.

Благодаря этому, для некоторых очерков, так, напр., для Месопотамии и для Киликии автору пришлось воспользоваться в значительной степени довоенными цифровыми и другими данными.

За вычетом этих пробелов, об‘ясняемых чисто об‘ективными причинами, труд Кряжина, однако, принесет большую пользу и вышел как нельзя кстати. Страны Ближнего Востока и передней Азии все более и более привлекают к себе внимание Советской России и Коминтерна, благодаря огромному взрыву в них национально-освободительного движения, вызванного попыткой Антанты превратить их в свои колонии.

„В прессе, в политической литературе—говорится в „Предисловии“ к книге В. Кряжина,—эти движения обыкновенно представляются в виде единого процесса, часто окрещиваемого именем турецкого национального движения, кемализма и т. д. Отдельные движения, происходящие в Анатолии, Сирии и Месопотамии, представляются организационно об‘единенными, с одними и теми же целями, с однородной идеологией“.

„На самом же деле мы должны различать здесь два цикла событий, две группы в значительной степени обособленных политических процессов и событий“.

„С одной стороны, мы имеем чисто турецкое национально-освободительное движение, связанное с Ангорой и территориально охватывающее Фракию, зону проливов, Анатолию и часть Курдистана“.

„С другой, мы наблюдаем огромное национальное движение, развившееся в арабских областях, входивших некогда в состав оттоманской империи, а именно: в Сирии, Месопотамии, Аравии и Египте. Каждый из этих процессов имеет свою особую подготовительную стадию; каждый из них преследует свои специфические задачи, коренящиеся в совершенно своеобразной социально-экономической обстановке“.

Но есть политический фактор, об‘единяющий их и идеологически и организационно,—таким фактором является Антанта, с которой рука об руку принуждены бороться и турки, и арабы, и курды, отстаивая свое национальное существование.

„Грандиозная борьба против западного империализма, развернув-

шаяся на всем Ближнем Востоке, настолько сложна, своеобразна и мало нам известна, что для точного уяснения ее необходимо дать ряд отдельных очерков, посвященных каждой стране Ближнего Востока".

Разбираемая нами книга В. Кряжина как раз и знакомит нас с некоторыми из этих стран.

Начнем с первой монографии „Сирия и Палестина".

Рассмотрев хозяйственное, торговое и геополитическое значение Сирии, а также обрисовав ее социальный строй, автор параллельно рисует ход борьбы за Сирию, ставшую об'ектом империалистических вожделений западно-европейских держав. И не только Франция и Англия высказывали претензии на Сирию, но даже царская Россия, несмотря на свою отдаленность, также не чужда была аггрессивных планов на Сирию.

При этом, наибольшая энергия западных империалистических держав была направлена в Сирии не на поднятие ее промышленности или даже торговли, а на железнодорожное строительство.

Об'ясняется это завоевательными стремлениями империалистических государств, так как Сирия является географическим мостиком, соединяющим Азию с Африкой и в силу своего географического положения она представляет собою перекресток, где скрещиваются различные международные пути. При таких условиях, обладание Сирией дает возможность в любом направлении перерезать пути, соединяющие колонии и полуколонии империалистических держав. Мало того, Сирия в руках крупной военной державы создает весьма серьезную угрозу для Египта и для всех прилегающих областей быв. турецкой империи.

Вот почему Франция и Англия ведут борьбу за обладание Сирией.

Что касается Киликии, то стремление французских империалистов захватить ее станет вполне понятно, если мы примем во внимание, что Киликия является одним из наиболее важных участков Багдадской ж. д. Участок этот является узловым,— здесь происходит смычка магистралей, ведущих в Анатолию, Месопотамию и Сирию. Политико-экономическому значению Киликии посвящена 2 монография В. Кряжина.

Третья монография посвящена Месопотамии. В ней обрисовывается общий характер страны, ее хозяйственное состояние, социальный строй, раздел Месопотамии в 1916 году, восстание против англичан и борьба за автономию в Месопотамии.

Месопотамия—страна, неслыханно богатая всеми видами сырья; она изобилует всевозможными рудами и минералами. А так как основным нервом всей империалистической политики является погоня за сырьем, в котором все более и более нуждается высоко развитая промышленность передовых стран Запада, то это и является главной причиной, делающей Месопотамию об'ектом широких планов, задуманных западным империализмом.

В 1916 г. главные союзные державы подарили Месопотамию Великобритании, и с этого времени в Месопотамии началось бесцеремонное хозяйничанье англичан, вызвавшее вскоре возмущение против них среди арабско-курдского населения. Уже в конце 1919 г. (октябрь) начинаются сильные волнения в верхней Месопотамии, которые в январе 1920 года переходят в общее восстание. Однако, к началу 1921 г. англичанам удалось временно ликвидировать восстание. Но в последней четверти 1922 г., благодаря победам турок над греками, в необычайной степени усилилась серьезность положения в северной Месопотамии. Англичанам теперь пришлось иметь дело не только с курдскими бандами, но и с турецкими регулярными войсками, которые стремятся отвоевать богатый нефтью Моссульский вилайет, об'явленный в „национальном обете" неотделимой частью турецкой территории.

„Было бы нелепо—пишет В. Кряжин—заниматься сейчас предсказаниями, как разрешится вопрос о

Моссуле и, вообще, о Месопотамии в ближайшее время. Но из всего предыдущего для нас ясно одно: англичане попали в Месопотамии в заколдованный круг; они не могут отказаться от Двуречья, так как это означает для них потерю, по меньшей мере, половины барышей, полученных от мировой войны: с другой стороны, они вряд ли смогут продолжать дальше борьбу с арабами, к которым присоединяются курды и турки, так как для этого требуется слишком много человеческого материала и слишком много материальных средств, которых в Англии начинает не хватать, благодаря революционным событиям в Индии и в Египте".

В четвертой монографии В. Кряжиным дается очерк завоевания Египта Англией. Уже с конца 80-х годов Англия начинает с железной последовательностью прибирать к своим рукам Египет, пока 40 лет спустя она не заканчивает об'явлением своего протектората над ним.

„Англичане — пишет автор, — конечно, прекрасно знали, из за чего они хлопочут. Ведь, по меткому замечанию Бисмарка, Красное море — это позвоночный столб всей Британской империи, соединяющий позвонки — колонии, с мозгом — метрополией, с повреждением которого рушится и весь ее огромный организм".

„Обладание Красным морем, перехваченным с двух концов британскими стальными кольцами, не могло быть однако вполне гарантировано, пока Египет оставался свободен, или, вернее, пока он в силу своей внутренней слабости оставался возможной добычей для какого-либо империалистического хищника".

Однако, в Египте началось национально-освободительное движение, на которое огромное влияние в последнее время оказали победы турок над греками. Блок египетских националистических партий выработал в ноябре 1922 года, по образцу турок, „национальный обет". Основными пунктами последнего являются: 1) неограниченная независимость всей Нильской долины в пределах ее прежних естественных границ; 2) немедленное очищение от английских войск всей Нильской долины; 3) отмена каких-бы то ни было привиллегий для англичан в долине Нила; 4) нейтралитет Суэцкого канала и охрана его независимости Египтом.

„Специальная агитация — пишет В. Кряжин — была отправлена в Ангору для укрепления „братских сношений" между Египтом и Турцией, на базе этого национального обета. Несомненно, что эта ориентация египтян на победоносную Турцию может явиться серьезной опасностью для английского империализма".

Обзором современного освободительного движения Египта заканчивается очень ценная и интересная книга В. Кряжина, с которой мы рекомендуем ознакомиться всем военным и политическим работникам фронта, интересующимся национально-освободительным движением, все более развертывающимся в странах Ближнего Востока.

В. Я.

Бой пехоты.

Руководство для командного состава (изд. оффициальное).

Нельзя написать тактическое сочинение так, чтобы для всех все положения его казались истинными, потому что это не математическая наука. Боевой опыт воспринимается всеми по разному. Личный характер много значит в том, чтобы предпочесть тот или другой способ действий.

Руководство — „Бой пехоты", вероятно, не всех вполне удовлетворит. Но все, когда прочтут эту книгу, должны будут признать, что в главных своих положениях о бое пехоты, об основах этого дела, руководство вполне отвечает самым современным, установившимся у большинства, взглядам на бой пехоты.

Резко подчеркнут наступательный характер действий, но вместе с тем оборона не оставлена в пренебрежении и командный состав найдет твердые основания для подготовки войск к ведению оборонительного боя.

„Пехота осталась главным родом войск“. „Пехота должна быть всегда готова действовать самостоятельно“. „Пехота действует наступательно и оборонительно“. „Успех в бою может быть достигнут только решительным, смелым наступлением“.

Все это—глубокие истины. Нужно было бы только возможно определеннее сказать, что умение вести оборонительный бой теперь решительно необходимо, что этому нужно хорошо обучить войска, что оборонительные бои неизбежны и нормальны даже для войск проникнутых самым высоким наступательным духом и *что в руках искусного командного состава войска способны бить противника даже ведя оборонительный бой.*

В этом руководстве для командного состава ясно выражена мысль: для чего нужен огонь, без всякой преувеличенной его оценки. Роль огня очень хорошо определена, а штыку и ручной гранате оставлено их настоящее вековечное место.

Руководство для командного состава проникнуто желанием научить командный состав так вести наступательный бой, чтобы войска не допускали замедления своего наступления под губительным огнем обороняющегося, чтобы все стремились возможно скорее сойтись с врагом на штык и гранату. При этом, руководство даже ничего не говорит о помощи лопаты в наступательном бою. Это очень логично, но самоокапывание все же остается хорошим средством сохранения наступательного духа в упорных боях. Пожалуй, следовало бы на это указать. Известно, какую помощь оказывала лопата в наступлении хорошим войскам в минувшую войну 14—18 годов.

Следовало бы указать, что для хорошей, стойкой пехоты превосходная техника Запада не страшна. Эта могущественная техника не сметет и не раздавит хорошую пехоту. В таком указании было бы много истины, а главное—надо всеми средствами укрепить дух пехоты, развить в ней „на себя надежность“. Немцы ведь убеждают свою пехоту, что танки мало стоят, как боевое средство против их германской пехоты.

С большой ясностью руководство очерчивает работу расчлененного и глубокого боевого порядка роты в разные фазисы боя, подчеркивая везде роль пулеметов.

В отделе 5 наступательный бой роты, в п. 20 сказано: „сближение начинается в сфере дальнего и действительного огня артиллерии (от 8 до 2 $^{1}/_{2}$ верст). По вступлении в эту сферу рота получает задачу и направление“. Этот пункт следовало бы выразить точнее. Могут подумать, что за 8 верст до противника рота получает задачу и направление. Надо стремиться дать ротному командиру глазом видеть свою задачу на местности, а потому, если уж хотели дать цифровую норму, то надо было для этой цели указать ее точнее, в более тесных пределах.

В п. 27 того же 5 отдела сказано о работе разведки: „разведывательные партии и дозоры, опрокидывая передовые части противника, стремятся к захвату важнейших рубежей и важнейших точек, обеспечивающих продвижение роты“. Едвали разведывательные партии в состоянии выполнить такие задачи. Что нибудь одно: или захватывать точки и рубежи, или разведывать. Бой для разведки только лишь крайнее средство, когда скрытно нельзя добыть сведения, что дальше в отделе 9-м на стр. 33 и подчеркивает само руководство. Нормально, ведь, разведка от роты слаба, как сила, потому, что ротный командир бережет роту от распыления. То, что выпущено из рук—то все куда то исчезает, тает, даже на маневрах.

В п. 38 (стр. 15) говорится о тех же разведывательных партиях. Выходит, что на средних и даже ближних дистанциях разведывательные партии „продолжают занимать важнейшие рубежи и точки перед расположением противника“. Это кажется мало практически осуществимым, потому что под самым действительным огнем спереди и сзади разведчики едва ли усидят на рубежах и точках. На войне в аналогичных положениях на

ближних дистанциях разведчиков находили чаще в ямах и оврагах.

П. 39 отдела 5 кажется несколько искусственным, как искусственна, хотя и необходима, вся система деления наступления по зонам. С уверенностью можно сказать, что психика бойца не даст ему сил, чтобы удержаться от открытия огня из винтовки до того предела, который указывает п. 39, т. е. до 450 шагов.

В чертеже 7 указан не масштаб, а „мера 50 метров в сантм.“. Очевидно, это нужно считать не попыткой упразднить термин „масштаб“, а опечаткой.

В отделе 10 на стр. 11 указаны обязанности командира роты в оборонительном бою. Казалось бы, их следует дополнить пунктом, который обязывал бы ротного командира указывать взводным командирам характер фортификационного усиления местности для обороны.

Отдел средств связи разработан просто и хорошо.

Про руководство для командного состава, в общем, следует сказать, что оно придерживается подробной регламентации, но шаблонов настойчиво не навязывает.

Можно вполне определенно сказать, что до выхода настоящего руководства „Бой пехоты“ небыло еще ни одной книги и другого руководства столь ясно, просто и полно очерчивающего главнейшие черты новых форм боя.

Кроме того, это руководство не оставляет впечатления чего то оторванного от привычного для командного состава устава полевой службы.

К. У.

Клаузевиц „Учение о войне“.

С предисловием С. С. Каменева стр. 70. 12000 экз.

„Опыт работы под огневой ротой“.

План действий стрелковой роты в бою, разработанный особой комиссией 30 стрелковой дивизии, с пред. Лазаревича и Стуцка. стр. 51 12000 экз. Изд. журнала „Военный Вестник“ 1923 г.

Обе книжки довольно хорошо изданы журналом „Военный Вестник“. Первая является демократизацией стратегии и чрезвычайно полезна для всякого командира. Клаузевиц написал ее для своего ученика Фридриха—Вильгельма IV, когда тот еще был наследником. Для нашего комсостава, у которого, как и у красноармейца в ранце лежит жезл фельдмаршала, полезно ознакомиться с этой книгой. Несмотря на то, что практические советы автора во многом устарели, но философская часть, часть обобщающая не потеряла своей живости и интереса. Самое интересное—это мнение автора: „Самое ведение войны очень трудно, без всякого сомнения; но затруднение состоит не в том вовсе, чтобы нужна была исключительная ученость или большой гений для усвоения истинных принципов военного искусства. Всякая здраво устроенная голова, не затемненная предрассудками и не совершенно чуждая делу, может усвоить их (стран. 61). Автор говорит: „Еще в революционные войны масса людей, не получивших военного образования, показала себя искусными, часто даже „первостепенными полководцами“. Так учил 111 лет тому назад Клаузевиц своего ученика, сына короля. Теперь надо, чтобы его слова дошли до детей рабочих и крестьян.

Вторая книга как раз дополняет и исправляет то, что устарело в первой. Она полезна и нужна, ибо представляет опыт, практику одной из наших наиболее героических дивизий. Кое-где есть нехватки, но они легко исправляются практикой других. Для каждого командира она послужит полезным руководством.

„Военный Вестник“, помимо хорошего журнала, издает и хорошие нужные книги.

Западник.

Под общей редакцией: *Мих. Лузина. Ф. Огородникова. М. Тухачевского.*

Содержание вышедших сборников.

Сборник первый.

Ф. Огородников—Война и Революция; М. Тухачевский—Статистика в гражданской войне; А. Богданов—Бронепоезда; Сорокин-Ражев—Танки; А. Григоров—Березинская операция; —ов—На пассивных участках Запфронта; Е. Татарченко—Красная авиация на Запфронте; М. Тухачевский—Инвалидное дело; Ф. Огородников—Стратегия национальная и классовая.

Сборник второй.

Ф. Огородников - Подготовка командного состава для Красной Армии; Я. Авиновицкий - К вопросу о методах подготовки красных командиров; М. Тухачевский—Инженерное соразмерение операций; Д. Зорин—Преступность в Красной Армии; М. Волчанецкий—Подготовка артиллерии к июльскому наступлению; Е. Татарченко—Действия авиации при отступательном марше (обзор); В. Бортникер—Действия артиллерии на Западном фронте (период операций с 4 июля по 15 августа 1920 года); П. Мей—Петроградская операция; Е. Сысоев—Стратегический очерк Нарвской операции.

Сборник третий.

Ф. Огородников—Главнейшие особенности тактических действий в современной войне; К. Данишевский—Политика мира и политика войны Р. С. Ф. С. Р.; М. Тухачевский—Революция извне; Д. Зорин—Преступления в Красной Армии; Н. Шелавин—Германские позиции 1915—1918 г.г. на Западном фронте; Б. Ибрагимов—Выездка кавалерийской лошади; М. Волчанецкий—На подступах к Варшаве; Н. Кудрявцев—Борьба с Булак-Балаховичем; В. Путна—Под Варшавой; К. Умнов—Латгальская операция.

Сборник четвертый—пятый.

Ф. Огородников—Занятия с командным составом; В. Чернавин—Из опыта трехлетней войны; Х— О тактике поляков; Б. Захаров—Предварительная разведка путей отхода артиллерии; М. Волчанецкий—Польская артиллерия на русском фронте; Г. Рудаков—К вопросу о пересмотре „Положения о хозяйстве в роте"; Н. Какурин—На пути к Варшаве; Н. Кудрявцев—Захват Ковеля поляками; Гая—Отход 3-го конкорпуса на Запфронте; Б. Леонидов—Волковысская операция; М Тухачевский—Первая армия в 1918 г.; Н. Шелавин—Тактика технических войск.

Сборник шестой—седьмой.

Ф. Огородников—Красная Армия в войне с Польшей; * * *—Конница в гражданской войне; Гая—Недостатки в организации Красной Конницы; А. Роговский—Дивизионная конница; М. Баторский—Вождение войск; В. Цейтлин—Оперативные пункты и полевые штабы; В. Тарасов—Радиотелеграфная и радиотелефонная связь в военном и гражданском деле; М. Волчанецкий—Бельские бои 8-й стр. дивизии.

Сборник восьмой.

Н. Какурин—Преднамеренно-отступательный бой; М. А. Баторский—Преследование и выход из боя; М. Б.—Уличный бой; М. Н. Волчанецкий—Управление артиллерией в полевом бою; А. А. Дьяконов—Военная игра и применение артиллерии; Балк—Развитие тактики пехоты; Ф. Е. Огородников—Красноармеец в отзывах комсостава; Библиография—Военная Мысль, журнал Туркфронта; Три учебника.

Сборник девятый—десятый.

Ф. Огородников—Военная пропаганда в Красной Армии; Ф. Огородников—Единая военная доктрина в Красной Армии; В. Латынин—Конные атаки и их отражение; Е. Шиловский—Заметки об управлении артиллерией в полевом бою; Б. Добротворский—Связь в первую польскую операцию; Н. Варфоломеев—Авангард или авангарды? М. Баторский—Прохождение службы командного состава строевых частей; В.—Полевая подготовка курсантов; А. Воронец—Совещание представителей учебного дела ВУЗ Западного фронта; И. Халепский—Новые перспективы военного ридиотелеграфа; М. Волчанецкий—Потери артиллерии; Б. Леонидов—Обход флангов; Б. Волков—Отход в район Минска; Библиография:—„Уроки гражданской войны"; „Армия и Революция"; „Военный Вестник"; „Революционная военная мысль".

Сборник одиннадцатый—двенадцатый.

Н. Какурин—Стратегия пролетарского государства; Ф. Огородников—Бой в условиях гражданской войны; М. Баторский—Тактика или стратегия; Н. Варфоломеев—К вопросу об армейских оперпунктах; Б. Леонидов—Враги о красной коннице; Брекар—Будущее конницы; А. Дьяконов—О слиянии арт. снабжения с управлением начальника артиллерии; В. Фролов—Снабжение красной армии на Запфронте; Бюа—Величие и падение германской армии. Библиография: „Военная Мысль"; „Полевое Военно-Инженерное дело".

Сборник тринадцатый.

Ф. Огородников—Методика подготовки Красной Армии; М. Баторский—Несколько мыслей о факторах, влияющих на формы будущих войн; Н. Варфоломеев—Движение преследующей армии к полю решительного сражения; Б. Леонидов—Дивизионная конница в Красной Армии; П-ц—Борьба пехоты с конницей Буденого; Б. Л.—К характеристике польской армии; Ив. Московитин—Германская артиллерия в 1914—1917 г.г.; М. Волчанецкий—Журнал для младшего комсостава; А. Григоров—Краткий очерк боевых действий на фронте 7-ой армии; Библиография: «Военная наука и Революция» «Армия и Революция». Читатель; «Красная Армия»; «Бюллетень снабжения Красной Армии".

Сборник четырнадцатый—пятнадцатый.

М. Лузгин—Единое военно-политическое воспитание; Ф. Огородников—От доктрины к делу; Литке—Нужны ли сейчас Красной Армии военные комиссары; Н. Варфоломеев—Движение преследующей армии; Ле-Верже—Тактика пехоты (перевод с польского С. А. Меженинова); Тету—Воздушный флот; Стан. Кюнстлер—Наше августовское наступление; П. Кабак—Действие украинских повстанцев против немцев в 1918 году; Н.—Взятие Брест-Литовска; Б. Леонидов—Эсеробандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним; И. Глудин—Вооруженные силы Финляндии; Военный Кооператор—Военная кооперация; Фролов—Снабжение Красной Армии на Запфронте; Библиография—«Военная доктрина или мнимо Военное доктринерство»; «Современная война»; «Быстрота и выносливость кавалерии»; «Армия и Революция»; «Связь Красной Армии».

Сборник шестнадцатый.

В. Миллер—Классовая точка зрения в вопросах истории и войны; А. Ниссель—Методика военного обучения; В. Пострейтер—К введению кассации в военных трибуналах; М. Тухачевский—Искоренение бандитизма; С. Меженинов—Заметки по общей тактике авиации

* * *—Карельское восстание; В. Микулин-Рейд 8-й Кавалерийской дивизии Червонного Казачества; №—Атака укрепленной позиции; В. Караваев—Борьба за Мозырь; А. Корк—Критика и критиканство; Н. Варфоломеев—Современная карта Западной Европы; Мизонов—Техническая эволюция броневых сил; А. Алексеев—Последние новости авиации и воздухоплавания на Западе; Лаваль-Сенегаль—Снабжение во время войны; В. Лукич—Военная кооперация и ее пути; М. В.—Военно-научная жизнь в РСФСР; --й—Наши военно-научные периодические издания; * * *—К характеристике красной армии; Н. В.—Работа Центрального Военно-Научного Клуба на Запфронте; Анишев—Литработа и ВНО на Запфронте; Корейво—О военно-техническом совете связи Запфронта; А. Алексеев—Самостоятельные действия воздушного флота при подавлении восстаний в английских колониях в 1919-1920 г.; * * * Военный бюджет Польши на 1922 год. Библиография.

Сборник семнадцатый.

Проф. В. Миллер—Классовая точка зрения в вопросах истории и войны; В. Карейво—Забытый вид пропаганды; Ф. Огородников—Борьба с технически более сильным противником; Мойор Дидьо—Общая мобилизация; Т. Пискор—Трикратная система организации; В. Микулин—Служба развед. эскадрона; С. Меженинов—Артиллерия (пер. с польского); А. Стрельников и К. Бузницкий—Транспорт в Варшавскую операцию; М. Волчанецкий—Из истории английской революции; Н. Варфоломеев-Современная карта РСФСР; И. Глудин—Вооруженные силы Германии; Г. Эрман—Польша и ее вооруженные силы; Н. Блок—Будущее танков; Р. Башинский—Поправки табличных данных артиллер. стрельбы; А. Бельский-Химия в мировую войну; Хроника; Библиография.

Сборник восемнадцатый.

Мих. Лузгин—Критика или фраза; Мих. Лузгин—Дисциплина и полит. устав; В. Глотов—Полевой устав; В. Разуев—Замечания к уставу гарниз. службы; Ф. Огородников—Красная Армия и Нэп; С. Меженинов—Досужие немецкие разговоры о пехоте; В. Рышковский—Современный боевой порядок; В. Микулин-Лава; Г. Эрман—Принципы управления и работы высшего командования в польской армии; А. Чиховский—Железнодорожные войска в руск.-пол. войну; И. Колендо—Битва под Варшавой; М. Волчанецкий—Из истории английской революции; Б. Леонидов—О военно-истор. работе и действиях командарма; А. Алешкин—Польская точка зрения на значение Полесья; Г. Городский—Зап. обл. в железнодор. отношении; И. Глудин—Вооруженные силы Румынии; Р. Башинский—Подвижная огневая завеса; В. Лучинский—Частное воздушное сообщение за границей; Хроника; Библиография—(иностранная и русская военная литература).

Сборник девятнадцатый.

Н. Варфоломеев—Маневры на Запфронте; С. Ч.—Подготовка разведчиков; В. Можайский—Героизм в бою; Проф. В. Миллер—Классовая точка зрения в вопросах истории и войны; М. Тухачевский—Действие и противодействие; Ф. Огородников—Диалектика огня; С. Меженинов—Строи и порядки пехоты; Смирнов—О значении

военно-полевой маскировки; Сорокин-Ражев—Бронировка и маскировка; В. Глотов—Авиация и штыковой удар; Г. Михайлов—Связь на ближних дистанциях; Е. Пятосин—Авиация и штыковой удар; В. Чернавин—О питании патронами и гранатами; И. Глудин—Пехотный бой; Подп. Люган—Борьба с передовыми пулеметами (с французского); В. Микулин—Архиереи конницы; Ген. Пенелон—Коммуникация и разрушения в армиях (с французского); М. Дзенит—Операции 17 стр. дивизии против Булак-Балаховича); Р. Башинский—Эволюция методов артиллерийской стрельбы во время мировой войны; Р. И. Б.—Современная судовая артиллерия; В. Касаткин—Пахнет порохом и кровью (межд. обзор); М. Бобровский—Территория и население Польши; Г. Эрман—Вооруженные силы Японии; Хроника; Библиография—(русская и иностранная военная литература).

Сборник двадцатый.

В. Касаткин—Великий обман и маленькая иллюзия; М. Лузгин—Задачи партийного строительства в армии; В. К.—Новая задача; Е. Пятосин—Современная авиация; Гулнев—Упорство и ударность; К. Нейман—Строй порядок и огонь; М. Герасимов—Огневые этапы; Хаханьян—Диалектика огня; В. Колесников — Питание патронами; Ганри—Пехота и огонь; С. Меженинов—Мысли об обороне; В. Чернавин—Огонь и движение; Н. Какурин—Польский авангард и борьба с ним; В. Микулин—Штык в коннице; Р. Башинский—Употребление артиллерии в английской армии; П. Пуць—Опыт тактического исследования связи; П. Дыбенко—Принцип связи и оперпункты; В. Глотов—Характерный эпизод; А. Чиховский - Железнодорожные войска; И. Колендо—Варшавская операция; П. П.—Разведка при помощи средств связи; Тархов — Организация связи в позиционной войне; Вельпри—Применение танков в бою; Тадеуш Кутржеба—Обороноспособность Польши в цифрах; А. Бельский—Хозяйственная жизнь Германии; А. Алешкин—Польские финансы; А. Б.—Польская нефтепромышленность в 1922 г.; Н. Станьковский—Военная игра и подготовка снабженцев; Н. Глудин—Организация снабжения Красной армии; Хроника; Библиография—(русская и иностранная военная литература).

Сборник двадцать первый.

Т. Домбаль—Военная политика Польши; Н. Кузьмин—Маневрирование классовых сил; Е. Пятосин—Необходимость создания воздушного флота в С. С. С. Р.; П. Дыбенко—Значение личности в истории; В. Можайский—Иллюзии и их значение на войне; М. Тухачевский—Модные заблуждения; Н. Варфоломеев—Маневры на Запфронте; С. Меженинов—Пехота и артиллерия; Е. Пятосин—Действия авиации совместно с показательной ротой против польской роты нового состава; Е. Пятосин—Воздушная эскадра на поле боя дивизии; В Микулин—Методика начальной подготовки всадника; В. Фомин—Газовая война 1915—1919 г. г.; Н. Пуц—Радио-маневр; Е. Марьенков—Бандитизм в Белоруссии и борьба с ним; Хроника; Библиография(—русская и иностранная военная литература). Приложение: „Военное дело в каррикатурах“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННО-НАУЧНОГО КЛУБА
Западного фронта.

Издания Западного фронта в отзывах печати признаны отличными. Пуром, Гувузом, ВВРС'ом и отделом подготовки штаба РККА издания оценены, как полезные пособия для комсостава Красной Армии.

	цена в зол. вал.
Перепечко „К борьбе с революционной фразой в Красной Армии“	— р. 20 к.
Балк. „Развитие тактики пехоты“	— р. 15 к.
— „Техника выполнения операций.“	— р. 50 к.
Баторский. „Подготовка плана войны и операции“	— р. 35 к
Чернавин. „Ротные тактические учения“	— р. 20 к
Роговский. „Подготовка кавалерийской лошади“	— р. 15 к.
Усов. „Пособие для наглядного обучения материальной части 48 линейной гаубицы“	— р. 15 к.
Цейтлин. „Разведывательная служба штабов“	— р. 35 к.
Огородников. „Тактика в задачах стрелкового полка“	— р. 35 к.
„ „Новое в тактике пехоты“	— р. 20 к.
„ „Боевая подготовка германской пехоты“ (2-е изд.)	— р. 80 к.
„ „Боевое обучение звена“	печатается.
Волчанецкий. „Артиллерийская разведка“	— р. 35 к.
Глудин и друг. „Тактика польской пехоты“	— р. 35 к.
Военно-Географический и статистический сборник Запкрая.	1 р. — к.
С. Меженинов. „Боевые примеры задач для отделения пехоты“	— р. 20 к.
М. Тухачевский. „Бой пехоты“ (2-е изд.)	— р. 20 к.
С. Меженинов „Борьба на Западе“	— р. 15 к.
Журнал „Революция и Война“	старые номера распроданы.
„ „ „ № 19	1 р. 75 к.
„ „ „ № 20	3 р. — к.
„ „ „ № 21	2 р. — к.
Чернавин. „Огонь и движение“	— р. 25 к.
Тимофеев-Наумов. „О пулеметах немецкой армии“	— р. 50 к.
Сергеев. „От Двины к Висле“	2 р. 80 к.
Городецкий. „Бандитизм на Запад. фронте“ (со схемами. Нах. в печати).	
Вахтеров. „1 книга для чтения“	— р. 45 к.
В. Микулин. „Стратегическая конница“	— р. 35 к.
„ „Методика начальной подготовки всадника“	— р. 20 к.
Портрет—биография Ленина	— р. 15 к.

Заказчикам до 100 руб. зол. скидка 10%, до 300 руб.—15%, до 500 руб.—20%, до 1000 руб.—30% и свыше 1000 руб.—40%.

Постоянные представители издательства:

В Москве: тов. Першиц—Долгоруковская, дом 5, кв. 5. Телефон 2-11-84.

В Петрограде: тов. Киперман Я. Е., Васильевский Остров, 15 линия, д. № 10, кв. 4.

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ и РЕВОЛЮЦИЯ

Ежемесячный журнал

Об'емом 15—20 печатных листов.

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

С. С. Каменева, В. А. Антонова-Овсеенко, П. П. Лебедева, Д. А. Петровского, В. П. Полонского и К. В. Скерского.

В ЖУРНАЛЕ УЧАСТВУЮТ:

В. А. Антонов-Овсеенко, Н. Артеменко, А. Базаревский, И. О. Белинский, В. Е. Белолипецкий, Н. А. Бородачев, М. М. Брагинский, С. М. Буденный, проф. К. И. Величко, В. В. Гарф, Ю. К Гравицкий, Марк Гууд, В. Н. Егорьев, А. М. Зайончковский, С. С. Каменев, И. Р. Карачан, И. Кречетов, В. Левичев, П. П. Лебедев, Н. П. Малышев, Н. И. Муралов, А. Р. Орлинский, М. П. Павлович, А. Певнев, Д. А. Петровский, проф. Д. М. Позднеев, В. П. Полонский, А. Пригоровский, В. Примаков, проф. А. А. Свечин, проф. А. А. Сидоров, проф. М. П. Синдеев, К. В. Скерский, Е. К. Смысловский, проф. А. Е. Снесарев, М. П. Строев, А. М. Таубе, А. К. Топорков, Л. Д. Троцкий, Д. Д. Тризна, Б. М. Шапошников, Ф. П. Шафалович, Е. С. Шейдеман, Н. Шелавин, О. Л. Шиманский, К. К. Шильдбих, М. Энвальд, Н. А. Яцук.

„В. М. и Р.“ ставит своей задачей разработку вопросов военной теории и практики с точки зрения интересов Революции и Союза Советских Республик. Журнал включает отделы военно-политический, международной политики, стратегии и тактики, военной истории, воздушного флота, применения химии в военном деле, военно-технический, военно-экономический и морской обороны Республики.

В отделах „Военная жизнь за-границей“ и „Военная жизнь Союза Советских Республик“ освещается военная жизнь иностранных государств и Советской Республики.

В библиографическом отделе помещаются рефераты и отзывы о военных изданиях Англии, Франции, Германии, С. А. Соединенных Штатов, Польши и др. государств дается всесторонняя исчерпывающая библиография русских изданий, как чисто военных, так и связанных с военным делом.

Подписная плата с доставкой в 1923 г. на 8 мес.—5 руб., зол. на 4 мес.—3 руб. зол. ***Цена отдельного номера*** 80 коп. зол.

По курсу Котировальной Комиссии на день подписки.

На иные сроки подписка не принимается.

Подписавшиеся на журнал „Военный Вестник“ при подписке на журнал „Военная Мысль и Революция“ пользуются **скидкой 20%**.

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: Москва, Денежный, 11, телефоны 6-50, доб. 4-59.

Прием у редактора: по понедельникам, средам и пятницам от 14 до 17 часов.

Со всеми вопросами подписки обращаться непосредственно в контору журнала.

Типография Военно-Научного Клуба (Смоленск, Б. Советская, б. Мариинская гимназия)—Б. Советская, 22.—Тираж 1500 экз. Облитлит № 407.